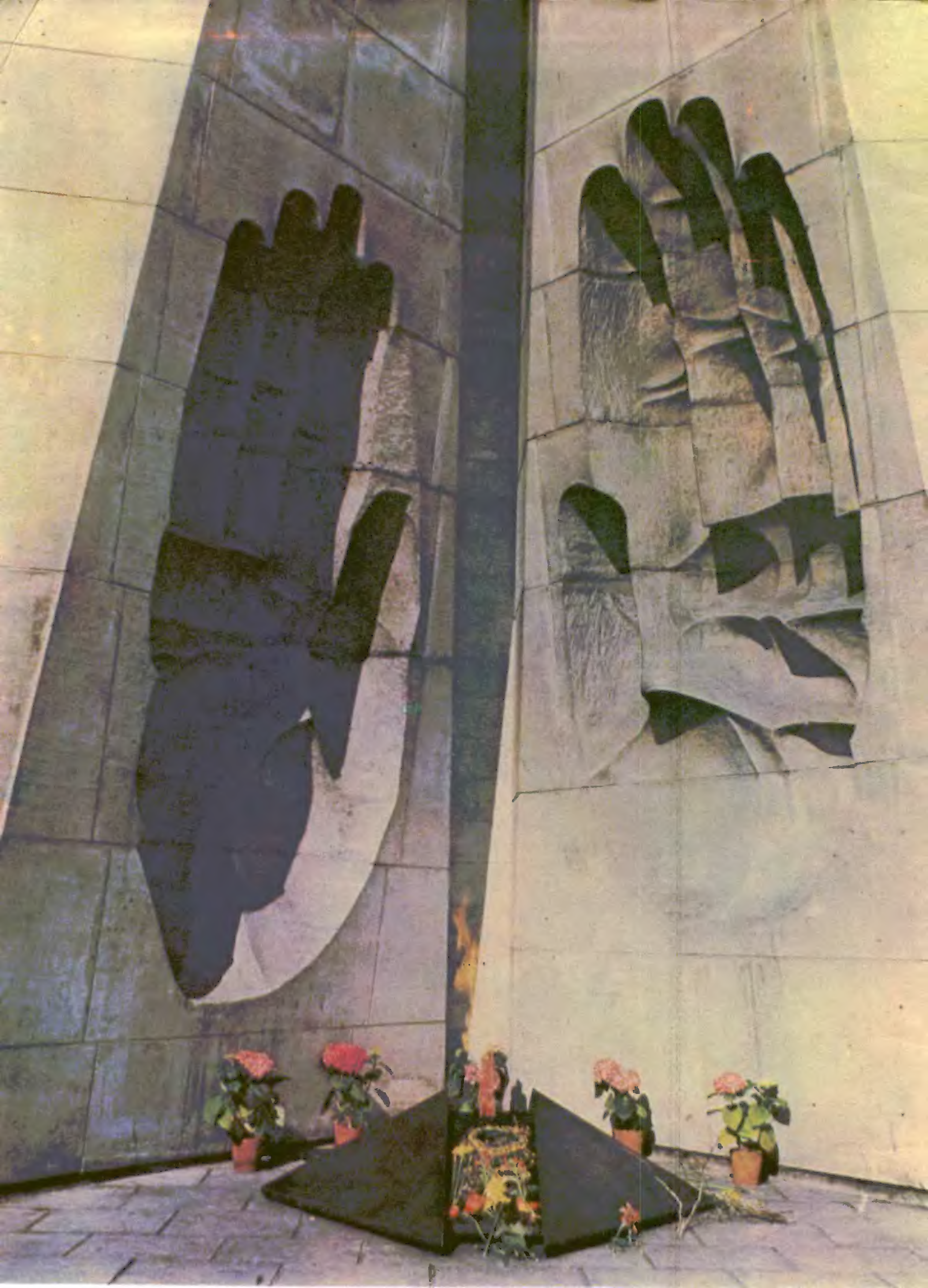
ISSN № 0130-7045

В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

5 • 1981

НАУКА И РЕЛИГИЯ 5·81

«...Советские люди с уверенностью смотрят в завтрашний день. Но их оптимизм — не самоуверенность баловней судьбы. Наш народ знает: все, что он имеет, создано его собственным трудом, защищено его собственной кровью. И мы оптимисты потому, что верим в силу труда. Потому, что верим в свою страну, в свой народ. Мы оптимисты потому, что верим в свою партию, знаем — путь, который она указывает, — единственно верный путь!»

Из доклада товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

НАША ОБЛОЖКА

На второй странице обложки — один из многих таллинских памятников. Между облицованными сааремским доломитом пилонами горит Вечный огонь. На пилонах изображены людские руки, создавшие все блага на земле, руки, способные защитить эти блага, отстоять свободу и счастье народа. Они напоминают о тех, кто ценой собственной жизни спас мир от коричневой фашистской чумы, кто поднял из руин города, взрастил сады на пепелищах.

Эти руки не воздеты к небу в безмолвном отчаянии или в бессильной мольбе — они уверенно и бережно хранят Вечный огонь памяти народной. Памяти о жестоких испытаниях, невиданном героизме, о неисчислимых жертвах на алтарь великой Победы.

С тех пор как отгремел последний бой, прошли годы, десятилетия. Прославленные и безвестные герои обрели свое бессмертие в камне, металле, дереве.

Бессмертен мир, и,
пестротой сверкая,
Среди лугов останутся цветы.
Надолго сохранит земля родная
И песнь мою, и мои следы.

Так написал поэт Фатых Карим, павший смертью храбрых незадолго до Победы — в феврале 1945-го — на подступах к Кенигсбергу. Вот оно, единственно возможное на земле бессмертие — в памяти живущих.

ПО ПУТИ СОЦИАЛЬНОГО И ДУХОВНОГО ПРОГРЕССА

XXVI съезд КПСС еще раз красноречиво подтвердил непреложную истину: все, что делается в нашей стране, все великие свершения и малые, повседневные дела — все направлено к одной цели — на благо народа, на счастье человека. Во имя этой светлой, благородной и гуманной цели совершается социалистическое преобразование жизни, ей подчинена программа хозяйственного, социально-политического и духовного развития советского общества, внешняя политика партии и социалистического государства, призванная гарантировать мирные условия строительства коммунизма.

Обеспечение дальнейшего повышения благосостояния советских людей — так определил съезд главную задачу экономической стратегии партии. Ее осуществлению подчинены принятые съездом «Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Национальный доход, используемый на потребление и накопление, возрастет за 80-е годы не менее чем в 1,4 раза. Существенно увеличатся общественные фонды потребления: в 1985 году они достигнут 138 миллиардов рублей — в среднем 2000 рублей на семью из четырех человек. Только на централизованные мероприятия по повышению заработной платы и других выплат и льгот населению в нынешней пятилетке выделяется более 16 миллиардов рублей. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих возрастет за пятилетку на 13—16 процентов и достигнет 190—195 рублей, размер минимальной зарплаты повысится до 80 рублей в месяц. Доходы колхозников увеличатся на 20—22 процента. Будет повышен минимальный размер пенсий, осуществлены другие меры по улучшению социального обеспечения населения.

В целях радикального решения проблемы бесперебойного снабжения населения продуктами питания решено разработать специальную продовольственную программу, основа которой — значительное увеличение производства сельскохозяйственной продукции, прежде всего тех ее видов, нехватка которых вызывает перебои в снабжении, в частности мяса и других продуктов животноводства. Будет расширено также производство, повысится качество товаров народного потребления, особенно тканей, трикотажа, кожаной обуви, мебели, телевизоров. Дальше будет совершенствоваться сфера услуг, будут решаться другие вопросы нашей повседневной жизни. «Конкретная забота о конкретном человеке, его нуждах и потребностях, — подчеркнул в докладе на съезде товарищ Л. И. Брежнев, — начало и конечный пункт экономической политики партии».

Партийный съезд определил пути дальнейшего социально-политического развития советского общества, совершенствования системы общественных отношений.

Это прежде всего всемерное содействие прогрессивному процессу стирания межклассовых различий, становлению бесклассовой структуры общества. «Наша цель, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, — создание общества, в котором не будет деления людей на классы. И можно сказать определенно: мы постепенно, но уверенно продвигаемся к этой великой цели... Можно, я думаю, предположить, что становление бесклассовой структуры общества в главном и основном произойдет в исторических рамках зрелого социализма».

Намечены также меры по выравниванию социальных различий в, так сказать, территориальном плане, в частности быстрее будет осуществляться строительство жилья, создание социально-культурного комплекса, улучшаться снабжение товарами в Западной Сибири, на Дальнем Востоке и в других развивающихся районах.

В нынешней пятилетке, как и раньше, будет осуществляться выработанная партией демографическая политика. Это прежде всего усиление заботы о женщине, о семье, о молодоженах. Намечается ввести частично оплачиваемые отпуска матерям по уходу за ребенком до одного года, а затем и до полутора лет, неполный рабочий день для матерей малолетних детей, расширить сеть и улучшить работу детских дошкольных учреждений, групп продленного дня в школах, улучшить всю службу быта. Будут повышены пособия на детей: 50 рублей на первого и по 100 рублей на второго и третьего ребенка.

Будет продолжаться последовательное проведение ленинских принципов национальной политики партии, направленной на интенсивное экономическое и социальное развитие каждой из братских республик, составляющих Союз ССР, на ускорение процес-

са их всестороннего сближения, на расцвет и взаимное обогащение национальных культур, на укрепление братской дружбы всех народов нашей многонациональной Родины, на воспитание ее граждан в духе советского патриотизма и пролетарского интернационализма, на решительное преодоление проявлений шовинизма, национализма, любых националистических вывихов.

XXVI съезд КПСС наметил важные мероприятия по укреплению материальных и духовных основ социалистического образа жизни, формирования нового человека. Предмет особой заботы — улучшение условий труда, повышение его производительности, меры, направленные на то, чтобы сделать его содержательным, интересным, творческим, вырабатывать новое к нему отношение, всемерно развивать и обогащать патриотическое движение социалистического соревнования, утверждать здоровую нравственную атмосферу в трудовых коллективах. Этому призваны содействовать и программы социального развития предприятий, жилищного и культурно-бытового строительства.

Как важные социальные задачи отмечались на съезде забота о здоровье советских людей, совершенствование народного образования, повышение качества обучения, трудового и нравственного воспитания в школе, дальнейшее обогащение духовной жизни советского общества, утверждение в нем коммунистической морали, развитие многонациональной по форме, социалистической по содержанию культуры, литературы, искусства.

Все это призвано активно содействовать формированию нового человека — носителя высокой политической культуры, патриота, интернационалиста, добросовестного труженика, гражданина с активной жизненной позицией, живущего полнокровной жизнью созидателя нового мира.

В формировании нового человека огромна роль воспитательной, идеологической работы, — и этому было уделено значительное внимание на съезде — и в Отчетном докладе, и в выступлениях делегатов. Товарищ Л. И. Брежнев отметил, что условия, в которых сегодня ведется идеологическая, политико-воспитательная работа, существенным образом изменились по сравнению с прошлым.

Необходимо принимать во внимание, что в последнее время возросла активность наших классовых противников, усилились, стали более изощренными и коварными их идеологические диверсии, активизировались попытки оказывать разлагающее воздействие на сознание советских людей.

С другой стороны — иным стал советский человек, обогатились его знания, повысилась эрудиция, значительно выросли духовные запросы. Расширился и арсенал средств воспитательной работы. До 380 миллионов экземпляров возрос разовый тираж газет и журналов, в квартирах советских людей имеется 75 миллионов телевизоров. Практически каждая семья имеет возможность ежедневно получать новые знания, обогащаться умственно и духовно.

Товарищ Л. И. Брежнев отметил, что эти новые явления и обстоятельства еще не учитываются должным образом в нашей воспитательной работе, не в полную меру используются ее огромные возможности. Надо подумать, не слишком ли застыли у нас формы массово-политической работы, искать новые, наиболее действенные, оперативные, доходчивые. Идеологическим работникам должно быть в высшей мере присуще чувство нового.

Речь идет, сказал товарищ Л. И. Брежнев, о перестройке многих участков и сфер идеологической работы. Надо добиться, чтобы ее содержание стало более актуальным, а формы отвечали современным запросам и потребностям советских людей. Вся идейно-воспитательная работа должна вестись живо и интересно, без штампованных фраз и стандартного набора готовых формул. Нужен серьезный разговор с людьми, которые ждут не только правдивого и оперативного изложения фактов, но и глубокого их анализа, серьезных обобщений. Очень важно, чтобы пропагандисты не обходили острых тем, не боялись затрагивать так называемые трудные вопросы. Надо смелее отвечать на такие вопросы, помня, что если мы не отвечаем на них, то недруги нашей страны пользуются этим для клеветы на социализм.

Все это самым непосредственным образом относится и к такому участку идеологической, политико-воспитательной работы, как формирование научного, материалистического мировоззрения, атеистических убеждений. Четкие задачи по усилению атеистического воспитания, повышению ответственности коммунистов и комсомольцев в борьбе с религиозными предрассудками Центральный Комитет КПСС поставил в недавнем постановлении «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», которое товарищ Л. И. Брежнев назвал на съезде документом долговременного действия.

Задачи пропагандистов атеизма, всех, кто причастен к мировоззренческому, атеистическому воспитанию советских людей, состоят сейчас в том, чтобы глубоко и всесторонне осмыслить решения и материалы XXVI съезда КПСС, принять их как руководство к действию, органически увязать их с задачами, поставленными указанным постановлением ЦК КПСС и с требованием комплексного подхода ко всей воспитательной работе, что в данном случае означает тесную связь атеистического воспитания с политической закалкой советских людей, с нравственным, трудовым, патриотическим, интернационалистским, эстетическим воспитанием.

«...Нам предстоит, — сказал товарищ Л. И. Брежнев, — большая работа по совершенствованию социалистического образа жизни, по искоренению всего, что мешает формированию нового человека». А этому мешает, в частности, и то, что некоторая часть наших современников все еще пребывает под влиянием религиозной идеологии, у других еще не выработались четкие мировоззренческие позиции. Помочь духовному освобождению таких людей, их избавлению от отживших свой век религиозных иллюзий, выработке верного, материалистического взгляда на окружающий мир, твердых атеистических убеждений — вот благородный, глубоко гуманный долг пропагандистов атеизма. Это будет и их достойным вкладом в воплощение в жизнь решений XXVI съезда КПСС.

ЧТИ отца своего

Н. ДАНИЛОВ

Год назад в майском номере журнала под заголовком «Чти отца своего» были опубликованы восемь писем Н. Данилова. В них рассказывалось о долгом и трудном поиске, который ведет их автор вот уже несколько лет. Ему удалось узнать, что его отец Н. С. Данилов не пропал без вести, не погиб в начале войны, как думали раньше, а храбро воевал, командовал дивизией.

Эта публикация, подготовленная писателем Львом Аркадьевым (именно ему были адресованы письма Н. Н. Данилова), вызвала большой читательский интерес. В редакцию пришли десятки писем. Откликнулись те, чьи близкие воевали в составе 117-й стрелковой дивизии, и те, кому письма Н. Данилова напомнили о тяжелых годах войны, — они пишут о пережитом, о своих утратах. А вот читательница Н. Коновалова из Перми откровенно призналась:

«Письма Н. Данилова прозвучали как упрек моей совести. Горький упрек... Ведь и наша семья тоже не знает, как погиб отец, где он похоронен. Сыновняя любовь Н. Данилова, его верность памяти отца заставили меня покраснеть от стыда—я даже не пыталась ничего узнать о своем отце...»

Писем такого рода редакция получила немало. Видно было, что публикация Н. Данилова заставила задуматься об очень важном: прошлое связано с настоящим, от нашего отношения к прошлому во многом зависит, каким будет сегодняшний и завтрашний день. Умение чтить память погибших — одна из составляющих нашей нравственности. Именно поэтому так важно, чтобы не было безымянных могил, безымянных героев. Их память священна.

Читатели высоко оценили благородство души автора публикации, которым движет не только естественная привязанность к отцу, но и глубокая вера в него, стремление узнать правду и принять ее — какой бы она ни была. Он чувствует себя обязанным узнать — для себя, для своей маленькой дочери, когда, где и как оборвалась жизнь командира Красной Армии Николая Семеновича Данилова. В этом благородном деле ему помогают многие люди, подчас совсем незнакомые — бывшие подпольщики, ветераны Великой Отечественной войны, сотрудники музеев, работники архивов.

Учитывая читательский интерес, редакция обратилась к Н. Данилову с просьбой рассказать о продолжении поиска.

Письмо девятое

Мой рассказ остановился на том, как отец расстался с бригадным комиссаром Архангельским и отправился на поиски партийного подполья в Кременчуге. Он был уверен — в городе действуют его отряды. Ему, командиру Красной Армии, было известно постановление ЦК КП(б) Украины от 5 июля 1941 года «О создании партизанских отрядов и организации большевистского подполья в оккупированных районах», а также постановление ЦК ВКП(б) от 18 июля 1941 года «Об организации борьбы в тылу германских войск».

В конце октября — начале ноября 1941 года Кременчуг был уже достаточно глубоким тылом фашистских войск — бои в это время шли за Харьковом. А здесь под присмотром гитлеровской 62-й пехотной дивизии насаждался «новый порядок».

По рассказам бабушки я знаю, что отец сначала скрывался, а потом получил «аусвайс» на право проживания в городе. Открыл какую-то мастерскую, потом устроился в земельную управу (или сельхозкомендатуру). В 1942—1943 годах он работал здесь бухгалтером и переводчиком. (Отец свободно владел немецким — ведь он родился в старой Латвии, где немецкий знали почти все.) Жил сначала у бабушки. По вечерам до поздней ночи что-то писал, считал и пересчитывал. К нему приходили какие-то люди, и он тоже к кому-то ходил (часто бывал, например, у А. В. Осиповой, бывшего секретаря учительского института). Бабушка, по ее собственному выражению, «прекратила эти хождения». Она боялась: вдруг немцы узнают, что ее зять — красный командир; к тому же в это время ее отношения с отцом испортились. Поэтому бабушка отвела отца на другую квартиру — на окраину Кременчуга, на Щемиловку. Хозяйка дома приходилась бабушке дальней родственницей.

О дальнейшем я узнал от моей матери. В разгар своих поисков я получил вот это письмо:

«Раз ты хочешь все знать, скажу, хоть мне и тяжело это ворошить. Бабушка сама устроила отца на другую квартиру к нашим дальним родственникам. Там он познакомился с Катей Федоренко — сестрой хозяйки. Она приехала в Кременчуг из Харьковской области. Вскоре Катя стала его женой. Трудно мне было бабушке простить, что она сама отвела отца на Щемиловку. Не знаю, как я пережила все это, когда узнала. Когда мы вернулись в Кременчуг, я запретила бабушке говорить об этом».

В одном из прежних писем я оговорился: «Начиная поиск, нельзя страшиться неожиданностей...» Вот и для меня наступила нелегкая минута. Тут я и понял, почему бабушка и мать так неохотно и скупо отвечали на мои вопросы об отце. Можно понять их боль и обиду. И все же (пусть не посетует на эти мои слова мама) я сегодня с благодарностью думаю о неизвестной мне женщине — Екатерине Федоренко. Ведь она разделила с отцом самые трудные месяцы его жизни, видимо, разделила с ним и его судьбу.

Анна Васильевна Осипова.

Екатерина Ивановна Федоренко (довоенный снимок).

Я несколько раз обошел Щемиловский переулок и соседние улицы и переулки, до самого артсклада. Что знали люди? Только внешнюю сторону событий. Соседи рассказывали: здесь жила Екатерина, у нее был муж, немецкий переводчик, видать, и сам немец, но «балакав и по-нашому».

Бабушка сказала, что свои документы и медаль отец зашил в старое одеяло и перенес на Щемиловку. Разыскал я всех четырех сменившихся с 40-х годов владельцев дома № 12 по Щемиловскому переулку, выяснил, при ком меняли полы, перестраивали дом: не находили ли документов и медали? Никто ничего не знает. Зато в этом доме я встретил Прасковью Ивановну Жеребцову. Она тогда здесь не жила, но в 1938—1940 годах работала с мамой в одной школе. Вот ее рассказ:

Здесь, в Щемиловском переулке Кременчуга, жил отец во время оккупации.

«В 1941-м или 1942-м, уже во время немецкой оккупации, ко мне подошла учительница Гажеева и спросила: «А где Евгения Емельяновна Данилова!» — и добавила: «А ее муж здесь».

Как же отцу удалось скрыть от немцев, что он командир Красной Армии? Думаю, этому способствовали некоторые обстоятельства: хотя наша семья уехала из Кременчуга летом 1940-го, многим знакомым потом казалось, что это произошло год спустя, уже в начале войны. Так и в отношении отца думали, что он, до войны преподаватель военного дела в учительском институте, не смог эвакуироваться и остался в оккупированном Кременчуге. Ни одна душа в городе не знала, что в Пушкине Ленинградской области 30 апреля 1941-го майор Данилов получил звание подполковника, что в 1941 году он командовал дивизией. Если бы кто и сказал при немцах о моем отце правду, ей бы не поверили. Гражданский человек из бывших военных. он не вызывал подозрений. Другое дело, что наши о нем думали: «Продался немцам, работает переводчиком».

Жители Кременчуга, пережившие оккупацию, рассказывали о двухлетней жизни «под немцем». После первой голодной зимы все стали огородниками. «Новый порядок» заставлял каждого решать проблемы: как жить, чтобы не угнали в Германию, не взяли заложником. Люди ходили в кино и с жадностью смотрели фронтовую кинохронику, надеясь даже в этих профильтрованных фашистской цензурой кадрах увидеть своих; читали немецкие сводки в газете и угадывали — что же в действительности происходит там, на фронте?

Из писем и рассказов складывался для меня образ отца в невероятных условиях: старший командир Красной Армии на занятой противником нашей территории, в тылу вражеских войск. Представляю, как отец, проходя по оккупированному Кременчугу, мысленно «засекал» немецкие зенитки и уязвимые места тыловой обороны.

Письмо десятое

Я внимательно осмотрел экспозицию периода Великой Отечественной войны в Кременчугском краеведческом музее. Не предполагал я, впервые глядя на музейные витрины, что мне предстоит узнать немало нового о прежде неизвестных подпольщиках и подпольных группах. Сначала я попытался отыскать тех, кто был оставлен в городе для подпольной работы. Книга «Чуєш, Дніпре!» (Харьков, изд-во «Прапор», 1966) была первым и долгое время единственным источником сведений об антифашистском подполье в городе. Ее авторы Г. С. Барвинок, Л. И. Евселевский и П. Н. Пустовит проделали огромную работу: записали рассказы десятков очевидцев. В ней читаю (перевод с украинского): «В первые дни оккупации гитлеровцам с помощью предателей удалось схватить и расстрелять коммунистов, оставленных для подпольной работы». И все. Имена этих людей не названы. С кем же расправились фашисты, едва войдя в город? Не исключено, что погибли и первые попавшиеся люди, с которыми свели личные счеты мерзавцы, желавшие выслужиться при «новом порядке».

Затем в Кременчуге начали стихийно возникать отдельные, разрозненные, не связанные между собой подпольные группы. В 1942-м таких групп было до 30. За последние годы открыта еще одна подпольная группа «Набат», действовавшая в Кременчугском районе, в селе Белецковке и окрестных селах, — во главе ее стоял В. И. Ус. Многие группы распались, другие объединились в более крупные, третьи были уничтожены фашистами.

Тамара Дмитриевна Николаева.

Краснослав Михайлович Николаев.

Я разыскал людей, которые для паспортного отдела полиции подтвердили, что Данилов Николай Семенович является жителем Кременчуга, — это бывший секретарь учительского института Анна Васильевна Осипова и ее дочь Тамара Дмитриевна Николаева (в годы оккупации она была женой и соратницей подпольщика Краснослава Николаева, погибшего уже в 1944 г. на фронте). Они знали моего отца до войны, и во время оккупации он бывал у них в доме. Вот что написала мне Анна Васильевна Осипова:

«С Николаем Семеновичем мы встретились в Кременчугском пединституте в марте 1941 года (она ошиблась ровно на год; это было в 1940-м. — Н. Д.). Это был душевный, хороший человек, образованный, честный, смелый, находчивый, в опасности холодно-пренебрежительный. Умел посмотреть таким взглядом, что подлец терялся. Его уважали преподаватели и студенты. Николай Семенович работал старшим преподавателем на военной кафедре.

После окружения в Белоруссии часть Николая Семеновича опять попала в окружение на Украине. Чудом остались живы несколько человек. Голодные, измученные, оборванные, они не сдались в плен немцам. Вел их Николай Семенович, потом стали расходиться. В Кременчуге ваш отец остался один. Пришел ночью к учительнице Вржежевской Ольге Иулиановне. Вид у него был страшный — истощенный, в лохмотьях. Оттуда, переодетый, он пришел к бабушке, а потом вечером она привела его к нам. Николай Семенович жил у нас, пока шла регистрация населения и оформлялась ему прописка у бабушки. Нужны были свидетели, в том числе и я. Прописка прошла благополучно, знаю только, что Николай Семенович сначала открыл мастерскую, но она «прогорела». Потом он устроился в земельной управе переводчиком. Он ходил спокойно, уверенно и так же уверенно оказывал помощь тем, кто пробирался «на русскую сторону».

В нашей квартире Николай Семенович не раз заполнял на немецком языке какие-то бланки для пленных, которые бежали из лагеря. Помогали бежать другие люди, а переводила через фронт наша студентка Анна Мендель, ее потом убили. Прошло 35 лет, раньше мне было бы легче помочь в ваших поисках. Николай Семенович был для моей семьи добрым другом, мне он помог в минуты отчаяния. О дальнейшей судьбе его я ничего не знаю. Напишите в Днепропетровск Галине Даниловне Тарасенко. До войны она работала у нас в институте, а во время оккупации была медсестрой у Константиновича».

В книге «Чуєш, Дніпре!» Г. Д. Тарасенко упоминается как член подпольной группы доктора Константиновича. С трудом разыскиваю ее, посылаю фото отца, спрашиваю, знала ли она его и что ей о нем известно. Получаю ответ:

«Письма ваши получила, кроме первого, с большим опозданием, так как изменила место жительства. Не работал ли ваш отец на военной кафедре Кременчугского пединститута перед самой войной! Черты на фотографии вроде совпадают с тем лицом, на кого я думаю. И медаль «XX лет РККА» была. Если работал, то я его знала. Но, очевидно, больше, чем А. В. Осипова и другие, сведений не имею».

Да не надо больше, сообщите, что знаете! Так и написал сразу. И... ни ответа, ни привета. Нашел в Кременчуге одну ее знакомую. Она показала мне письмо Г. Д. Тарасенко двух- или трехлетней давности, в котором та писала:

«Вы знали Николая Семеновича Данилова, мужа учительницы Евгении Емельяновны! До войны он работал в институте на военной кафедре. Помните, он еще потом был в Кременчуге во время оккупации. Его разыскивает сын. Если что узнаете, напишите мне».

Но на этом нитка оборвалась.

Хочу подробнее остановиться на одной из героических фигур кременчугского подполья. Главный врач городской больницы Владимир Константинович руководил подпольной группой сотрудников больницы, с риском для жизни спасая от гибели узников лагерей для военнопленных. В 1940-м он читал курс лекций по анатомии в учительском институте. Значит, он работал в одно время вместе с моим отцом, трудно предположить, что они не были знакомы. Жена Владимира Константиновича Наталия Петровна в 1942 году добилась разрешения на открытие в Кременчуге пункта «Украинского Красного Креста».

«Став заведующей пунктом, Наталия

Петровна с помощью своего мужа В. К. Константиновича, Г. Д. Тарасенко и других патриотов превратила этот пункт в своего рода подпольный госпиталь» («Чуєш, Дніпре!», стр. 45).

Пункт Красного Креста находился на улице Киевской (теперь Б. Хмельницкого), недалеко от бывшего «дома Шапошникова», где размещалась сельхозкомендатура. Продукты пункт Красного Креста получал через сельхозкомендатуру. Вот и еще одна возможная точка соприкосновения доктора Константиновича и отца.

Патриоты-подпольщики спасли многих военнопленных. Большинство из них не знали имен своих спасителей. Знавшие присылали после войны благодарственные письма «солдатской матери» Н. П. Константинович. К сожалению, ни Владимир Константинович, ни Наталия Петровна не оставили никаких письменных воспоминаний. Да они и не считали себя героями, хотя спасали военнопленных, ежечасно рискуя жизнью. В музее против фамилии Константиновича значится: «Спас свыше 1200 советских военнопленных». Может быть, кому-нибудь из них попадется этот номер журнала?..

Я отыскал одного из бывших военнопленных. Скляр Вольф Адольфович (в подполье Харидзе Василий Григорьевич) живет в Москве. К сожалению, ничего не узнал от него об отце. Он сказал: «Лицо вашего отца мне знакомо, но, несмотря на это, я не могу, к сожалению, ничего определенного сказать: лично с ним связан не был». Точно так же ответил и другой бывший военнопленный, подпольщик Азат Аристакесович Мовсесян. И добавил: «Раз тебе дали имя отца, будь достоин его памяти и продолжай искать, пока не добьешься результата». Эти слова дают мне силы, когда в поиске обрывается очередная нить.

Письмо одиннадцатое

Когда в 1944 году мы вернулись в Кременчуг, я не знал ничего об отце, а ведь камни улиц этого города еще не остыли от его шагов. Вспоминаю, как я, тогда мальчишка, расспрашивал сверстников, бабушку, были ли в Кременчуге партизаны. Мне показывали развалины зданий, оставшиеся после оккупации: на балконе вот этого дома кого-то повесили; в горячем песке за городом мы с хлопцами набирали полные карманы гильз — здесь их расстреливали...

Тогда еще живы были доктор Константинович и его жена; живы были многие, с кем надо было мне тогда поговорить, и кого сейчас уже нет.

Тамара Дмитриевна Николаева — одна из тех, кто помог отцу пройти регистрацию в Кременчуге, — рассказывала:

«Все мы тогда, и я, и мой муж Слава, и Женя Ушаров, и Володя Гусаков, и Борис Волчков, и Виктор Цулин, преклонялись перед Николаем Семеновичем, перед его авторитетом, умом, командирским опытом. Мы были моложе и тянулись к нему. Он был исключительно вежлив, подтянут, говорил всегда негромко и спокойно. Он говорил, что надо помогать друг другу, скрывать у себя пришедших из окружения, из плена: одни уйдут к своим, другие останутся здесь. Нужно, чтобы везде были наши люди, тогда с нами не справиться. Надо готовиться к решительному моменту, создать силу, способную поддержать Красную Армию с тыла. Мы уже знали, что немцев прогнали от Москвы: эти вести быстро облетели город. Н. С. Данилов приносил немало пользы нашим людям, а значит, вреда фашистам. Не знаю всех его дел, но то, что он заполнял бланки удостоверений или пропусков, я сама видела. Тогда он у нас уже не жил. Я думаю, что в тот раз он от кого-то на улице получил нужные бланки и узнал фамилии — ему нужно было быстро оформить документы, за этим он и зашел к нам в дом. Попросил ручку и чернила, не садясь, наклонился над столом и заполнил несколько бланков. Я заглянула ему через плечо, увидела, как он выводил острым немецким шрифтом фамилию: Морозов или Морозко. А сколько он всего заполнил таких бланков за два года оккупации! Он знал немецкий язык, и полицаи боялись его, принимая за немца. Нас, молодежь, он учил не думать о том, что с нами будет. И в том, как геройски вел себя перед расстрелом в лагере Виктор Цулин, как погибли, сражаясь за Родину, и Слава, и Борис Волчков, есть заслуга Николая Семеновича. Мы не знаем, как он сам погиб, но для тех, кто его знал, нет сомнений, что умер он достойно».

Н. С. Данилов с семьей. Кременчуг, 1940 г.

Дина Федоровна Шеремет со слов мужа — до войны он был главным агрономом Сортсемовощ, ко времени нашего разговора уже умер («Он знал вашего отца, вот он бы вам многое о нем сообщил») — рассказала, что для нужд сельхозкомендатуры фашисты постоянно набирали из лагерей военнопленных «ляндвиртарбайтеров» (сельхозработников). Пользуясь этим, подпольщики освобождали из лагерей военнопленных — их выдавали за агрономов. Чтобы никто ничего не заподозрил, военнопленные брали у мужа Д. Шеремет учебники и справочники по агрономии, заучивали самые необходимые сведения. Через некоторое время, обзаведясь документами, эти люди скрывались из города. А в лагерях набирали новых «агрономов». К сожалению, ни одной фамилии спасенных таким образом Д. Ф. Шеремет не знала.

С помощью щемиловских соседей я нашел Александру Васильевну Соколовскую (сейчас Федоренко). Она сказала, глянув на фото: «Это Николай Семенович». Достала из шкафа пачку бумажек, перебрала их, показала мне две выцветшие, обтрепанные по краям странички комсомольского билета № 3141092, выданного ей в 1939 году Кременчугским горкомом ЛКСМУ.

«За этот билет, за то, что я была комсомолка, меня забрали полицаи. Держали в городской тюрьме. Потом вдруг перевезли в городскую больницу, откуда убежать было нетрудно. Мама отвела меня к дальним родственникам, первое время я сидела там в подвале, потом вернулась домой. Так вот, когда я еще сидела в подвале, ко мне пришла мама с Катей Федоренко. С ней был мужчина — тот, что на фото. Мы обнялись с мамой, с Катей, а она говорит: «Познакомься, это мой муж, Николай Семенович. Помни, кому ты обязана жизнью». Я ей рассказала все, что со мной было. Помню, что Катин спутник расспрашивал меня о каких-то подробностях. Потом они ушли. Катя потом иногда приходила к нам, но мы у них не бывали. Я даже не знаю, где они жили после Щемиловки. Потом, уже под конец оккупации, Николай Семенович приходил как-то к нам за какими-то вещами. Когда в сентябре 1943-го немцы отступали, они жгли и взрывали город, гнали всех через мост в Крюков. Катя к нам больше не приходила, и мы их больше не видели».

Когда я рассказал о нашей беседе с А. В. Соколовской кременчугскому подпольщику доктору Борису Ивановичу Постоеву, он сказал: «Эта женщина была спасена тем же способом, что и многие другие, — доктор Константинович под видом инфекционных больных переводил людей из тюрьмы в городскую больницу».

Письмо двенадцатое

Передо мной лежит документ, который передал мне бывший комиссар партизанского отряда, действовавшего в сентябре 1943 года под Кременчугом, — Илларион Михайлович Подорван.

«Постановление заседания бюро Кременчугского горкома КП(б) Украины от 27. XII. — 43 г. После захвата гор. Кременчуга немецкими оккупантами в ответ на зверства... чинимые фашистскими захватчиками, несмотря на жестокий террор и беспощадную расправу, стало расти антифашистское движение, охватившее население города и его окрестности... В феврале месяце 1943 года установлена связь с действовавшими партизанскими группами подполковника Петрова и капитана Петрова, имевшими самостоятельные отряды, состоявшие из военнопленных кременчугских лагерей и второй из рабочих оружейных мастерских, занимавшиеся террористическими актами над солдатами и офицерами немецкой армии...»

Этот документ заверен подписью старшего научного сотрудника комиссии по истории партизанского движения на Украине при ЦК КП(б)У Героя Советского Союза Ю. О. Збанацкого, ныне секретаря правления Союза писателей Украины.

Кто были эти Петровы? Сейчас, после долгих и напряженных поисков я могу высказать некоторые предположения. Вероятно, оба «Петровы» — псевдонимы, под которыми скрывались командиры Красной Армии, действовавшие в тылу противника. Капитан Петров — это, скорее всего, капитан Дмитриев, упомянутый в книге генерал-майора М. И. Наумова «Степной рейд». Автор рассказывает о беспримерном рейде конников по тылам противника; миновав Кременчуг и переправившись через Днепр, они остановились в селе Подорожном, в партизанском лазарете доктора И. В. Степанова, где тогда, в 1943 году, лечились вырвавшиеся из кременчугских лагерей советские командиры, красноармейцы и политработники. В книге приводятся свидетельства И. В. Степанова о том, как их спасали:

«У нас разделение труда: находил их и списки подделывал капитан Дмитриев. Он был переводчиком в кременчугском концлагере и подбирал нужных людей на лесоразработки для здешнего лагеря, а лагерный врач — Шарашенидзе — ко мне в больницу направлял... Я лечу под охраной полиции и при удобных обстоятельствах «выписываю» за Чигирин, в Чернолесье направляю... И эти тоже у партизан будут... Сегодня к вам перейдет капитан Дмитриев — он оставил Кременчуг и скрывается у меня в землянке...» (М. И. Наумов. Степной рейд. М., 1975, стр. 154).

Почему «оставил Кременчуг»? Объяснение этому есть в уже упомянутом постановлении заседания бюро Кременчугского горкома от 27 декабря 1943 года. О «капитане Петрове» там сказано: «В связи с предательством активная партизанская группа капитана Петрова вынуждена была скрыться из гор. Кременчуга в район действия партизанских групп».

Относительно подполковника Петрова у меня есть основания предполагать, что речь идет о моем отце.

Независимо от того, подлинная это фамилия или псевдоним, давайте представим, кто мог назвать себя подполковником. Мне кажется, что ни полковник, ни майор, ни капитан, ни лейтенант, ни тем более рядовой красноармеец или младший командир не стали бы именовать себя именно подполковником. Полковник — и короче и благозвучнее. А все-таки кто-то в Кременчуге называл себя «подполковником Петровым»! Естественно предположить, что этот человек на самом деле носил такое воинское звание.

Следует заметить, что к 1941 году подполковников в Красной Армии было сравнительно немного. Ведь до июля 1940-го такого звания не существовало: вслед за майором (две «шпалы») сразу шло звание полковник (три «шпалы»). Когда со второй половины 1940 года это звание было введено, все майоры, которым было положено присвоение очередного воинского звания до июля 1940 года, стали полковниками, а капитаны — майорами. За неполный год до начала войны первыми подполковниками стали только единицы из вчерашних майоров, по каким-либо причинам задержавшиеся в присвоении им очередного звания. Так было и с моим отцом: менее чем за два месяца до начала войны он стал подполковником. В Артиллерийском музее есть снимок (май 1941-го), на котором из 14 человек старшего комсостава только один подполковник — Н. С. Данилов.

К сожалению, о действовавшем в оккупированном Кременчуге подполковнике Петрове и его группе почти ничего неизвестно. В имеющихся документах Госархива Полтавской области подполковник Петров не упоминается; в Полтавском областном партархиве сведений о подпольной группе подполковника Петрова не имеется. В книге «Чуєш, Дніпре!» ни о капитане, ни о подполковнике Петрове, ни об их группах не сказано ни слова. Однако все, занимавшиеся историей кременчугского подполья, в том числе и авторы упомянутой книги, слышали об этих группах, названия этих групп мелькали в отчетах подпольщиков.

В той части постановления Кременчугского горкома КП(б) Украины, где шла речь об организации восстания в Кременчуге и подготовке взрыва моста через Днепр, в частности, говорилось:

«Оба эти важные мероприятия осуществлены не были в связи с провалом в начале подготовительных действий и арестом Глобинской партизанской группы в 19 человек и группы подполковника Петрова в количестве 6 человек...»

С помощью Ольги Николаевны Иванченко из кременчугского музея нахожу упомянутого в этом постановлении Стесенко: уж он-то наверняка знал подполковника Петрова! Оказывается, нет: «Я слышал, что некоторые задания давали от имени подполковника Петрова, но сам его не знал. Спросите Ильина, может быть, он знает?»

Н. С. Данилов среди командиров Красной Армии, май 1941 г.

Алексей Тихонович Ильин, в 1942 году старший лейтенант, перед отступлением фашистов из Кременчуга возглавил в днепровских плавнях севернее Кременчуга небольшой партизанский отряд. Оказывается, он тоже имел связь не лично с подполковником Петровым, а через связных: «Мои связные имели контакт только с людьми от подполковника Петрова, а потом мы узнали, что эта группа в августе или сентябре 1943-го арестована фашистами. Надо бы посмотреть в архивах наш с Подорваном отчет».

Уже упомянутый на этих страницах И. М. Подорван — доцент Киевского университета, военный химик из 21-й армии, — той же, в которой воевал и мой отец. В период оккупации Кременчуга работал на мыловаренном заводе, принимал участие в изготовлении самодельных мин для диверсий на железной дороге. Моего отца не знал. О подполковнике Петрове слышал, но знаком с ним не был. Он тоже отсылает меня к Ильину.

Видимо, в Кременчуге в 1942—1943 годах действовали несколько подпольных групп, состоявших из бывших воинов Красной Армии, оказавшихся в окружении или бежавших из плена. Руководство осуществлялось по армейскому принципу, было хорошо законспирировано, хотя и не избежало провала в конце лета — начале осени 1943 года.

Несколько фактов, связанных с именами подполковника Петрова и капитана Петрова, сохранил партизанский отчет, подписанный в 1943 году А. Т. Ильиным и И. М. Подорваном:

«1 февраля 1943 г. в 17.00 работник немецкого штаба (вероятно, лагерной администрации. — Н. Д.) шофер тов. Сацкий, ехавший по Полтавскому шос-

се на грузовой машине ЗИС-5 вместе с двумя солдатами из группы подполковника Петрова, напротив станции Мазуровка сделали разворот на дороге, остановили немецкого мотоциклиста, убили его, взяли документы и винтовку».

«Один из членов партизанской группы подполковника Патрова, некий Мазалев, в обществе знакомых по ул. Первомайской, 48, в квартире некой Веры, высказался, что хотя Красная Армия перешла к обороне, зато начнут наступать партизаны. В указанном обществе находился некий Третьяк, который после этих слов вышел из квартиры и привел полицию. Через несколько дней после этого был арестован подполковник Петров с шестью человеками членов его группы. В связи с этим капитан Петров вместе со своей группой вынужден был скрыться из Кременчуга...»

Письмо тринадцатое

Но вернемся от арестованного фашистами в 1943 году подполковника Петрова к оборвавшейся в 1943 году судьбе подполковника Данилова.

Я решил разыскать в селах Кременчугского района нынешних учителей и директоров школ — бывших студентов учительского института, которые могли знать моего отца. К сожалению, таких не оказалось. Зато я в разных селах услышал две очень похожие истории. Учитель Иван Гаврилович Брик рассказал, что в начале 1942 года в село Каменные Потоки приехали два или три работника из кременчугской сельхозкомендатуры. Немцев среди них не было. Они спросили у бывшего председателя колхоза, сколько зерна и других продуктов есть в колхозных кладовых, и сказали: «Все раздайте населению, а, когда прибудет немецкий инспектор, скажете, что ничего не осталось». В Каменных Потоках так и поступили: весь урожай 1941 года — зерно, картофель, масло — раздали колхозникам и скрывавшимся в селе воинам Красной Армии.

Мне рассказывали, что подобные акции с урожаем 1941 года производились и в других селах: во Власовке, в Песчаном, в Белецковке. Знающие люди были общего мнения: в созданных оккупантами сельскохозяйственных органах в Кременчуге «были наши люди». В цитировавшемся уже постановлении Кременчугского горкома партии, где упоминается группа подполковника Петрова, сказано, что подпольщики «проводили подрывную работу в сельском хозяйстве».

По цепочке бывших подпольных связей — от одного к другому — я вышел на Веру Иосифовну Дудник, тогда, в 1943 году, комсомолку-подпольщицу Веру Перепелицу. В годы оккупации она работала в столовой кременчугского мясокомбината, который оккупационные власти продали семье Шульц из Гамбурга. Вот что она рассказала:

«Незадолго до отступления немецких войск, когда танками и машинами были забиты все улицы города, сельхозкомендатура отправляла с мясокомбината последние продукты и даже упакованные в ящики подковы с убитых лошадей. Одной из последних отгрузок руководил незнакомый мне человек — худощавый, среднего роста, с военной выправкой, хотя и в гражданском костюме, блондин, светлоглазый. Грузчики, человек пять или шесть, — тоже, видимо, из бывших военных. Я обратила внимание, что тот человек как будто нервничает и торопит с отгрузкой. Подумала еще: «Вот, паразит, как старается для немцев». Видела его я недолго, но запомнила хорошо, потому что часто вспоминала и думала: «Кто же это был такой!» Дело в том, что через пару дней вагон почему-то был задержан, вызвали Шульца. В его присутствии немецкий офицер с автоматчиками распломбировали вагон и составили акт о его содержимом — там оказался железный лом. Потом немцы на мясокомбинате говорили между собой, и я слышала, как они повторяли слово «партизанен». Качая головой, Шульц говорил мне и еще кому-то из девушек: «Вам, русским, нельзя доверять. Мы доверяли переводчику, который отправлял вагон, а он оказался рус партизан».

Я сказал Вере Иосифовне, что ищу своего отца, и она попросила показать его фото. У меня был фронтовой снимок, где мой отец сфотографирован вместе с комиссаром Архангельским и еще несколькими майорами и полковниками. Внимательно рассмотрев карточку, Вера Иосифовна твердо указала на моего отца: «Вот человек, который командовал отправкой».

Письмо четырнадцатое

Тамара Ивановна Бойправ-Мироненко, дочь подпольщицы Анны Бойправ, расстрелянной фашистами в марте 1943 года, описывая свой арест и пребывание в тюрьме, упомянула: арестованным было известно, что фашисты только что расстреляли двух переводчиков — из кременчугской сельхозкомендатуры и из строительной организации.

Но если это и есть судьба моего отца, то куда же делась Екатерина Федоренко? Женщина, которая была с ним вместе в 1942—1943 годах? Обходя уже в который раз жителей Щемиловского переулка («Не слышали вы что-нибудь о судьбе моего отца, о судьбе Кати Федоренко?»), я встретился с Марией Семеновной Соколовской. Это дальняя родственница семьи Федоренко, которая зимой 1942—1943 годов жила в доме № 12 по этому переулку. Я не встречался с ней раньше, потому что она была в отъезде и только недавно вернулась в Кременчуг. Моего отца она видела несколько раз:

«Это было зимой с 1942-го на 1943-й. В Щемиловском переулке собрались только свои, родственники. Когда нас приглашали, мы с мужем спросили, кто будет еще. Костя сказал, что только свои, в том числе назвал свою сестру Катю с мужем. Мы его не знали, спросили, что за человек. Знаете, какое время было... Шура сказала, что он сейчас работает немецким переводчиком, но это наш человек, из военных. Я и раньше слышала, что, когда Шуру арестовали, ее вытащил из тюрьмы муж Кати. Как и через кого — не знаю. Тогда я и увидела впервые Николая Семеновича. То, что он военный, было видно по осанке. Было видно, что компания, куда он попал, — не его компания, но вел он себя деликатно. Они с Катей ушли одни из первых. Они жили где-то в городе».

А где? Если бы я знал их последний адрес в Кременчуге, я бы мог еще застать в живых соседей. Может быть, кто-то знает об их аресте, обыске в их доме. Но где этот дом, где соседи?

А. И. Кокина, знавшая отца еще до войны, последний раз видела его за неделю до вступления в Кременчуг Красной Армии — в сентябре 1943-го. Город уже взрывали, на столбах висели приказы об эвакуации гражданского населения из города на правый берег Днепра («Кто не подчинится настоящему распоряжению, тот будет подвергнут расстрелу немецкими войсками») — фашисты не хотели, чтобы им стреляли в спину. Отец стоял на углу Киевской и улицы Чапаева. Анна Ивановна спросила его, как это в такой суматохе он стоит спокойно (по ее словам, было похоже, что он кого-то ждет). Он ответил: «А мне нечего бояться». Она так и не поняла, то ли ему немцев можно не бояться (документы в порядке), то ли он не боится потому, что у него чиста совесть перед Красной Армией. Так и не переспросила, сама торопилась в эту минуту. Уже и не переспросишь...

Пропавший без вести в сентябре 1941-го командир 117-й стрелковой дивизии подполковник Н. С. Данилов вторично пропал без вести в Кременчуге в сентябре 1943-го.

Я не теряю надежды узнать подробности о судьбе моего отца. Где-то могут жить люди, которые его знали, где-то лежат документы, причастные к его жизненному пути. Есть ведь еще свидетельства «той стороны» — к сожалению, до сих пор еще недостаточно изученные. А между тем среди трофейных немецких документов 62-й немецкой пехотной дивизии и 303-го карательного батальона, действовавших в Кременчуге и Кременчугском районе, есть донесения о каждом полицейско-охранном «боевом действии», о раскрытии подпольных групп и партизанских отрядов.

Кто знает, какие возможны здесь неожиданные открытия. Вдруг да обнаружится такое донесение:

«В августе 1943 установлено наличие банды, задачей которой было сигнализировать ракетами цели для советской авиации. Руководитель банды служил в окружной сельхозкомендатуре. Он снабжал членов банды, которые были старыми коммунистами, вооружал их ракетницами и другим снаряжением, давал им указания, где и в какой форме нужно давать сигналы для русских самолетов. Благодаря своим связям он заботился о том, чтобы его бандиты жили или работали вблизи военных объектов. Кроме того, они распространяли русские радиопередачи среди населения. 6 бандитов арестованы и расстреляны. Начальник СС и полиции штаба тыла группы армий «Юг»...

Вот координаты этого текста: ЦГАОР УССР, фонд КМФ, № 8, оп. 2, кадр 196, серия Т-501. Лишь отсутствие в этом документе фамилий не позволяет мне поставить заключительную точку в моем поиске.

«На основе подъема экономики, повышения эффективности общественного производства обеспечить дальнейший рост народного благосостояния, развитие социалистического образа жизни, всей системы общественных отношений».

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

МИР ВХОДЯЩЕМУ

Ш. АСАДУЛЛАЕВ,
директор
совхоза
имени Чкалова
Хачмасского района
Азербайджанской ССР

МНЕ ДОВОЛЬНО ЧАСТО приходится бывать в командировках. Возвращаясь домой, я каждый раз по-новому встречаюсь с местами, где прошла моя жизнь, острее и глубже ощущаю привязанность к ним.

Край наш благодатный: теплый климат, плодородная земля, дающая обильный урожай, густые леса, где водятся и олени и кабаны. Недаром в нашем районе расположены зоны отдыха бакинских предприятий. Конечно, в повседневных хозяйственных заботах притупляется ощущение красоты родной земли, но вот иной раз поздней осенью, когда главные дела позади, выберешь в воскресенье несколько часов для отдыха, чтобы побродить по лесу, среди могучих дубов, и чувство полноты жизни, радость от встречи с родной землей возвращаются с новой силой...

Вот в такой осенний день на лесной дороге меня нагнал знакомый юноша. Почтительно, как и положено младшему, поздоровался, вступил в разговор. Он отслужил в армии, в институт не попал и летом работал спасателем на туристской базе. Что собирается делать дальше? Может быть, к нам в совхоз? Центральная совхозная усадьба далеко от дома? Ходит автобус, со временем дадим жилье поближе. Женишься — свадьбу сыграем. Нет профессии? Обучим. Сейчас есть места в строительной бригаде. Надо подумать... Конечно, надо, выбор жизненного пути — дело нешуточное.

При том, что азербайджанские семьи, как правило, многодетны и каждый год из школ выходит немало выпускников, наш, да и другие окрестные совхозы, как говорится, не страдают от избытка рабочей силы. Многие молодые люди уходят на бакинские и сумгаитские предприятия, других манят просторы нашей огромной страны с ее стройками и заводами. Находятся, правда, и такие, что перебиваются случайными заработками, готовы ехать с плодами азербайджанской земли на далекие северные рынки.

Решиться идти на колхозное или совхозное поле, освоить профессию механизатора, овощевода, доярки, разделить интересы и заботы сельского трудового коллектива — в этом проявляется определенная жизненная позиция. Поэтому и разговор наш был не просто обсуждением вопроса: где работать?

Много лет назад и мне пришлось выбирать жизненный путь. Было это в тяжкие для страны времена, отец мой воевал на фронте, а матери приходилось делить между детьми последнюю кукурузную лепешку. По той же лесной дороге, по которой гуляли мы теперь с моим случайным спутником, ходил я 17-летним учителем в далекую сельскую школу. После войны был на хозяйственной работе, трудился тяжело, напряженно, недосыпал, но ни разу не появилось у меня сомнения в правильности выбора — жить среди людей и для людей.

Молодой человек — мой нынешний собеседник вырос в мирные и благополучные времена. Можно понять его желание поскорее хорошо зарабатывать, иметь красивый дом, автомобиль. Важно только, чтобы эти желания не закрыли для него главного: ведь в нашем обществе человека ценят прежде всего по его труду, вкладу в общее дело всего народа. Такое отношение надо воспитывать и, разумеется, прежде всего не словами и уговорами, но всем укладом жизни, нравственной атмосферой коллектива. Предлагая парню работу, я тем самым предлагаю ему все духовное богатство, весь опыт человеческих отношений, трудовых традиций, накопленный коллективом нашего совхоза.

Что же это за богатство, каков этот опыт?

Совхоз наш, один из старейших в республике, был создан в 1930 году. В послевоенные годы он превратился в высокодоходное современное предприятие, производящее молоко, мясо и в особенно больших количествах овощи. Почти на четырехстах гектарах раскинулись плантации: тысячи тонн ранних овощей — капусты, помидоров, баклажанов, перца — ежегодно отгружает совхоз для промышленных центров страны.

Кстати, в самом характере нашего производства заложен не только экономический, но и нравственный смысл. Первый урожай капусты появляется у нас весной, когда на российских полях только сходит снег. Как можно скорее убрать и доставить овощи в северные края — значит обеспечить население тех мест свежей зеленью в самое безвитаминное время. С другой стороны, каждый работник у нас понимает: богатейший урожай овощей не может быть выращен без современных механизмов, эффективных удобрений. И все это пришло на поля нашего совхоза потому, что сельскохозяйственное производство Азербайджана — часть единого агропромышленного комплекса, в котором участвуют и машиностроительные заводы, и химические предприятия, множество трудовых коллективов, расположенных по всей территории Советской страны.

Доводя до тружеников смысл и значение нашего труда, мы тем самым помогаем каждому осознать и ощутить себя частью всего советского общества, воспитываем у людей чувство интернационализма.

Вместе с тем, приучаясь видеть особенности структуры современного сельскохозяйственного производства, мы обязаны заботиться и о том, чтобы не потерять в этих все усложняющихся связях, в этом ускорении технического прогресса земледельца — человека, чье умение, опыт, трудолюбие в наибольшей мере определяют успех дела. Все новое, что приходит сейчас на поля, даст результат лишь в том случае, если его воспримет и усвоит человек, знающий, любящий и понимающий землю.

Вспоминается мне история руководителя овощеводческой бригады Мирзебека Мирзебекова. Всем хорош был бригадир — трудолюбив, заботлив, в поле с рассвета до захода солнца, а участок его отставал по всем показателям. Причина одна: нет у бригадира вкуса к новому, не хватает у него знаний, квалификации. А учиться не хочет. Пришлось назначить на его место другого, более грамотного человека.

Сегодня земледельцу надо знать очень много, одного опыта, интуиции явно недостаточно. В нашем хозяйстве из 24 специалистов среднего звена — бригадиров, заведующих отделениями и фермами — восемь имеют высшее сельскохозяйственное образование, девять окончили сельскохозяйственные техникумы, двое учатся в заочных вузах. Думаю, такая прослойка людей с образованием также в значительной степени определяет хозяйственные успехи.

Совхоз всеми силами поощряет эту тягу к знаниям — выделяет средства на выплату стипендий. Молодые люди, поступившие в вуз по нашей путевке, возвращаются к нам обратно. Работают у нас и постоянные курсы повышения квалификации, где преподают специалисты, руководители хозяйства. Широко пользуемся мы методом наставничества — прикрепляем молодых механизаторов к опытным мастерам своего дела.

Все это, несомненно, помогает производству. Вместе с тем распространение знаний и передового опыта помогает решать еще одну очень важную задачу: люди более осознанно подходят к своему труду, понимают его смысл, учатся творческому отношению к нему. Совхозная библиотека, насчитывающая тысячи томов, клуб с музыкальным ансамблем, кружками художественной самодеятельности, экскурсии в дальние города, приезд артистов — все это расширяет кругозор современного крестьянина, делает его духовно богаче, выводит за рамки бытовых забот.

Да и быт нашего села теперь стал другим. Люди, живущие в двух- и трехквартирных домах с газом и водопроводом, имеют гораздо больше свободного времени, чем их отцы и деды. Использовать это время как «пространство для развития личности», наполнить его ценностями современной культуры — значит способствовать воспитанию нового человека, сознательного, широко мыслящего.

Ислам в прошлом претендовал на монополию в определении всех сторон духовной жизни любого человека, особенно сельского жителя. Это влияние было очень сильным, люди избавлялись от него не сразу, не вдруг. И поклонение святым местам, и соблюдение религиозных праздников — все эти приметы старого уклада жизни существуют еще и сегодня, отступают постепенно и лишь по мере упрочения нового, советского образа жизни. Вместе с тем, помогая этому процессу, мы постоянно помним о необходимости умело и строго отделять религиозное начало от народного. В повседневной атеистической работе мы обязаны, бескомпромиссно борясь с отжившим и вредным, охранять добрые старые традиции.

Взять хотя бы такую положительную черту азербайджанской деревни, как уважение к старшим, высокий авторитет родителей. Эта благородная традиция, освященная веками, прочно сохраняется в азербайджанских семьях. Вот, например, семья Азизовых. Хамбаба и его супруга Гюльниса — скотники на ферме. В совхозе работают и все шестеро их детей: четверо дочерей доярками, один сын — полевод, другой — механизатор, причем работают прекрасно, переняв у родителей любовь к сельскому труду, честность и добросовестность. Авторитет отца в семье очень высок — и в бытовых, и в производственных делах, к нему обращаются за помощью и советом не только младшие дети, но и двое старших, которые обзавелись своими домами.

На семейном совете Азизовы обсуждают и совхозные дела, и успехи (или неуспехи) детей в учебе, и покупку вещей, и новые кинофильмы. Именно здесь у юного поколения в значительной степени формируется правильное отношение к жизни, к труду, к людям, закладываются основы характера, передаются лучшие традиции от старших к младшим. Вот почему общественность и руководство совхоза постоянно ставят в заслугу Азизовым не только их добросовестный труд, но и умение воспитывать детей, умение привить им любовь к крестьянскому труду, чувство привязанности к своему дому, своему совхозу. К сожалению, не всем это удается, поэтому опыт лучших семей — в центре внимания коллектива.

С пользой действует у нас совет старейшин. Кто-то может подумать, что речь идет о сходе глубоких стариков, сидящих на завалинке и неторопливо обсуждающих сельские события. Некогда так и было в азербайджанских деревнях. Однако эта традиция претерпела изменения. В наш совет входят наиболее уважаемые и почтенные люди, пусть и не самого преклонного возраста, но пользующиеся влиянием, принимающие активное участие в жизни коллектива. Возглавляет его Мурсали Джамоев, бывший фронтовик, кавалер боевых орденов. Несмотря на ранение, он около 30 лет работает завхозом, воспитал четырех сыновей и трех дочерей. Этого человека уважают, с его именем считаются. Он и его товарищи Абдулла Сулейманов, Марк Артюшкин, Василий Беседин (в совхозе немало русских, а всего у нас трудятся представители 11 национальностей) задают тон на общих собраниях и сходах, разбирают конфликты, если они возникают, часто беседуют с молодежью.

Много лет зная этих людей, не могу припомнить случая, чтобы принятое ими решение шло не на пользу делу, вопреки здравому смыслу, интересам коллектива.

В прошлом году в наших краях была затяжная, холодная весна. Созревание овощей задерживалось. Значит, и уборка их должна была проходить напряженно, в сжатые сроки, одновременно с другими сельскохозяйственными работами. Совет старейшин близко к сердцу принял заботы совхоза, заранее стал проводить подготовку к ответственному периоду. Делясь своим многолетним опытом, члены совета помогали определить тактику предстоящей овощной страды — как лучше расставить людей, правильно использовать технику. Вся эта подготовительная работа принесла пользу — с трудностями совхоз справился успешно.

Плохо работал молодой тракторист Владимир Фарзалиев. Не давалась ему машина, выработка была ниже, чем у других. В совете старейшин обстоятельно поговорили с парнем, разобрались в причинах его бед, посоветовали администрации прикрепить к нему наставника — опытного механизатора Эйнула Ширалиева. И такое взаимодействие принесло свои плоды.

Самое активное участие принимает совет старейшин в подведении итогов соревнования, оценках результатов труда. У нас действует четкая система морального и материального стимулирования. Каждый полевод или механизатор знает: компетентные и объективные люди — специалисты и представители общественности — проверят твое поле, выяснят качество обработки, уточнят, какие всходы получены после сева, в какие сроки убран урожай и т. д. В зависимости от этих показателей будет определен размер твоего вознаграждения. Хорошие механизаторы или доярки зарабатывают у нас 250—300 рублей в месяц. При этом существенно, что 25—30 процентов заработка составляет премия за добросовестный труд, за его результаты. Такая система помогает теснее увязывать материальное благосостояние работника с успехом всего коллектива, позволяет точнее определить участие человека в общем успехе.

Не забываем мы и о моральных стимулах. Переходящий вымпел лучшему механизатору или полеводу, почетная грамота, коллективный снимок у знамени совхоза — подобные знаки отличия хранятся в семейных архивах как дорогие реликвии. Они убеждают: ни одно твое трудовое достижение не останется незамеченным, неоцененным.

Умеют у нас в совхозе отмечать радостные события — советские праздники, рождение ребенка, свадьбу. Азербайджанская свадьба — и раньше и сейчас — праздник всего села. Партийная организация и руководство совхоза стремятся сделать так, чтобы ввести этот праздник в русло современных отношений, сохранив вместе с тем его национальную обрядовую красоту и торжественность. Известно, что в свадебный ритуал входит преподнесение подарков молодым. Однако, когда при этом начинается соревнование, чей подарок дороже, здесь уж хорошего мало. В преодолении этой дурной тенденции тон задают совет старейшин, местная интеллигенция.

С их помощью удается создать общественное мнение вокруг нездоровых явлений сельской жизни. Члены совета и наши учителя, врачи, агрономы ведут активную воспитательную работу, читают лекции, разъясняют подлинный смысл суеверий и предрассудков. Порой среди верующих разносятся слухи о чудодейственном святом месте, откуда — считают они — молитва скорее доходит к богу. Члены совета, сельские интеллигенты стараются создать вокруг таких слухов определенное общественное мнение, привлекают для доказательства аргументы науки, противопоставляют легенде спокойный и трезвый современный взгляд на мир. На старого человека аргументы такого рода могут и не подействовать, но другое дело — разговор с людьми молодого возраста, особенно если он ведется в непринужденной, «неслужебной» обстановке.

С другой стороны, следует иметь в виду, что в древних народных обычаях есть немало красивого и трогательного. С детства я помню, что готовиться к новруз-байраму, который у нас отмечается в день весеннего равноденствия, обычно начинали с конца зимы — ремонтировали дома, шили новую одежду... Чтобы новый год был плодородным, к столу подавали разнообразную и вкусную еду. Во дворах зажигали небольшие костры, через которые прыгали дети.

Создавая новый праздник, мы должны помнить, что дело это непростое, требует глубокого знания человеческой психики, понимания, почему одни обряды и обычаи прочно вошли в народную жизнь, а другие нет, требует умения, терпения, такта.

Крестьянин всегда старался отметить завершение уборочной страды — итог и венец сельскохозяйственного года. Праздник урожая мы обычно проводим в конце ноября — начале декабря, когда все, что выращено на полях и в садах, лежит в закромах государства, и пора думать о будущем урожае. Накануне Праздника урожая мы подводим итоги соревнования, называем лучших. Им и вручают премии и ценные подарки, за них поднимают тосты в общем застолье. Мы стараемся подчеркнуть: в центре внимания участников торжества — не сверхъестественные, не божественные силы, как было некогда, а человек — творец, созидатель, труженик. Обычно в этот день ветераны труда и войны вручают вступающим в жизнь молодым людям паспорта, трудовые книжки, комсомольские билеты. В День урожая в селе празднуют свадьбы, старейшины напутствуют молодых. Спортивные соревнования, концерты самодеятельности, встречи с представителями соревнующихся районов — все это умещается в один праздничный день, до краев наполняя его весельем, сознанием причастности каждого не только к трудовым заботам, но и к общей радости.

Огромные социальные и экономические перемены, происшедшие за годы Советской власти, раздвинули горизонты, породили качественно иные связи, основа которых — общественный труд, советский образ жизни. И обращаясь мыслями к молодому человеку, о встрече с которым шла речь в начале нашей беседы, я хотел бы ему сказать, что жизнь в современной азербайджанской деревне отнюдь не сужает его возможности. Она открывает перед людьми мир во всей его широте, позволяет в полной мере использовать свои способности, дает возможность ставить перед собой задачи, созвучные устремлениям и движению всего нашего общества.

Записал М. ЗАРАЕВ

Токамак-10. Фото АПН — ТАСС.

1 мая 1862 года, в день открытия Всемирной выставки в Лондоне, газета «Таймс» опубликовала прогнозы развития человечества на сто лет вперед. Самым нереальным и несерьезным, по общему мнению, было предсказание, что через сто лет человечество откроет способ горения воды и это открытие станет угрозой для всей жизни на планете.

Велико было бы удивление авторов прогноза, если бы они узнали, что именно это предсказание окажется наиболее достоверным из всех. Науке нашего времени осталось сделать последние шаги в решении проблемы термоядерного синтеза, в ходе которого и будет «гореть» вода, а точнее, содержащийся в ней тяжелый водород — дейтерий.

В одном, правда, отношении авторы прогноза оказались не правы: угрозы для жизни на Земле это «горение» не представляет. Ведь термоядерная реакция сама по себе не дает радиоактивных отходов, а в реакторе, где она протекает, исключена возможность саморазгоняющегося процесса, как это происходит при взрыве водородной бомбы. И, конечно же, самая необузданная фантазия футурологов не могла даже представить масштабов нового источника энергии. Когда будет решена проблема управляемого термоядерного синтеза (УТС), человечество забудет, что такое энергетический голод, оно получит неисчерпаемый источник энергии.

Лет 30 назад, в дни первого широкого ее обсуждения, по большинству прогнозов выходило, что термоядерные электростанции начнут давать энергию на исходе 70-х, в худшем случае, в начале 80-х годов. Вскоре, однако, обнаружилось: проблема УТС не из тех, что решаются сходу, на одном энтузиазме ученых. Тон прогнозов начал меняться, эволюционируя от безудержного оптимизма к сдержанному пессимизму.

Ученые, непосредственно занимавшиеся проблемой УТС, веры в успех не теряли, но от прогнозов решительно воздерживались. Эту позицию лучше всех выразил тогдашний руководитель советской программы термоядерных исследований академик Лев Андреевич Арцимович. В 1961 году на закрытии 2-й конференции Международного агентства по использованию атомной энергии он сказал: «Сейчас всем ясно, что первоначальные предположения о том, что двери в желанную область сверхвысоких температур откроются без скрипа при первом же мощном импульсе творческой энергии физиков, оказались столь же необоснованными, как и надежда грешника войти в царствие небесное, минуя чистилище. И все же вряд ли могут быть какие-то сомнения в том, что проблема управляемого термоядерного синтеза будет разрешена. Неизвестно только, насколько затянется наше пребывание в чистилище».

Тем временем интерес широкой публики к термоядерному синтезу поугас. Но исследования, связанные с проблемой УТС, не прекращались ни на минуту. В десятках лабораторий мира шла напряженная работа, малозаметная для непосвященных, но тем не менее приносящая свои плоды. В физике высокотемпературной плазмы происходили драматические события: рушились одни идеи, крепли другие, находя свое воплощение в эксперименте, обретая плоть в новых конструкциях установок. Шаг за шагом, медленно, но верно физики двигались к заветной цели. И сегодня уже с высокой степенью уверенности мы можем говорить о возможности практического применения управляемых реакций синтеза на рубеже XXI века. Исследования вошли в такую стадию, когда в принципе не видно каких-либо «запретов» природы на создание термоядерных электростанций.

Академик Л. А. Арцимович был прав, когда предсказывал: «Проблема управляемой термоядерной реакции будет непременно решена, как только у человечества возникнет в ней реальная потребность». В нашу эпоху такая потребность становится насущной.

В последние годы исследования по проблеме УТС развиваются особенно быстро. Это наблюдается во всех странах, которые занимаются ими в течение многих лет. Прежде всего — в СССР, США, Англии, Франции. Сравнительно недавно к исследованиям подключились японские физики и уже получили довольно весомые результаты. Такое оживление объясняется, на мой взгляд, двумя причинами.

Во-первых, появилась та самая реальная потребность в новом источнике энергии, о которой говорил Л. А. Арцимович. До 70-х годов исследования по УТС были уделом ученых-энтузиастов, которые прежде всего хотели разрешить проблемы чисто физические: выяснить, что такое высокотемпературная плазма, как она ведет себя в различных условиях, понять те интригующие закономерности, которые обнаруживались в экспериментах, осмыслить и описать их теоретически. Разумеется, с самого начала была и притягательная цель — зажечь «земное солнце», то есть осуществить в земных условиях спокойную термоядерную реакцию. Но это было как бы далеким символом, не связанным с конкретными сроками.

Зажечь «земное солнце» — не просто метафора: в этом образе не меньше физического содержания, чем в «горении» воды. Ведь наше светило — не что иное, как гигантский термоядерный реактор, где около пяти миллиардов лет «горит», превращаясь в гелий, все тот же водород, причем «горит» в спокойном, стабильном режиме...

В условиях современного энергетического кризиса интерес к поискам новых форм и источников энергии резко обострился. Активизировались исследования возможностей солнечной, геотермальной и других видов энергии, порой довольно экзотических. Стала привлекать все больше внимания и термоядерная энергия как потенциально наиболее мощный источник, способный удовлетворить запросы далекого будущего. А оно оказалось совсем не за горами.

Во-вторых, и специалисты по физике плазмы к этому моменту оказались в состоянии справляться с решением целого ряда проблем, которые раньше казались непреодолимыми. Появилась уверенность в том, что мы наконец начали правильно понимать явления, протекающие в плазме, и можем теперь достаточно обоснованно предсказывать ее поведение в тех или иных физических условиях.

Как следствие этого появилась и окрепла тенденция к переходу от множества частных поисковых работ к сравнительно небольшому числу исследований по крупным, наиболее перспективным направлениям. Стало ясно, какие пути следует выбирать, чтобы быстрее и с меньшими затратами достичь цели, притом уже не символической, а вполне реальной.

Одним из таких наиболее перспективных направлений исследователи всего мира сочли путь, предложенный и развитый советскими учеными под руководством Л. А. Арцимовича. Это — так называемые стационарные системы с тороидальным магнитным полем, иначе говоря «токамаки». На первых образцах этих установок в 50—60-х годах были проведены исследования, итоги которых оказались столь впечатляющими, что в последнее десятилетие «токамаки» начали расселяться по всем странам, ведущим работы по УТС. Вместе с этим стал развиваться и целый комплекс идей, основанных на результатах уже не единичных экспериментов, а большого числа исследований, проведенных многими научными коллективами на десятках установок с самыми разными параметрами — различными линейными размерами, токами, магнитными полями, температурой и плотностью плазмы. Словом, началась массированная осада крепости под названием «проблема УТС». И результаты не заставили себя ждать.

В 1975 году в Институте атомной энергии имени И. В. Курчатова был пущен «Токамак-10» (Т-10). Очень скоро на нем удалось получить плазму с температурой около 12—13 миллионов градусов. Напомню, что для устойчивой работы будущего термоядерного реактора потребуется температура в 80—100 миллионов градусов. Время жизни плазмы, то есть характерное время утечки энергии из плазмы, составило примерно 60—70 миллисекунд.

Тут надо заметить, что определяющим параметром для термоядерной реакции является не само время удержания плазмы, как думают многие, а его произведение на плотность плазмы. Чтобы при термоядерном «горении» энергии выделялось больше, чем мы «вкладываем» в плазму, должно прореагировать как можно больше частиц. Это значит, что чем плотнее плазма, тем больше будет столкновений частиц в единицу времени и больше взаимодействий между ними. Для смеси дейтерия с тритием (еще более тяжелым изотопом водорода), на которой, по мысли исследователей, будут работать первые термоядерные реакторы, это произведение должно быть не менее $2 \cdot 10^{14}$ секунд, умноженных на число частиц в кубическом сантиметре. В «Токамаке-10» произведение плотности на время составило около $5 \cdot 10^{12}$, то есть пока еще в 40 раз меньше, чем нужно для энергетического реактора. Но этот, казалось бы, неутешительный факт физиков сейчас не слишком заботит. Эксперименты со всей очевидностью показали: время удержания плазмы (а с ним и его произведение на плотность) очень быстро растет с увеличением сечения плазменного «бублика» в «токамаке». Чем больше будет это сечение, то есть чем крупнее будет установка, тем скорее мы достигнем цели. Когда нам удастся построить реактор в 3—4 раза больше, чем Т-10, мы сможем удер-

жать плазму на столько времени, сколько потребуется для реакции.

Этот результат (мы называем его законом подобия, или скейлинга — по международной терминологии) без преувеличения можно назвать одним из наиболее важных итогов первой фазы работ по УТС — фазы чисто физических фундаментальных исследований, продолжающихся уже почти 30 лет.

Итак, эксперименты последних пяти лет показали, что в «токамаках» можно реально получить горячую плазму с параметрами, достаточными для того, чтобы термоядерная реакция пошла. Логичен вопрос: что же дальше, каким должен быть следующий шаг? Не пора ли уже приступать к проектированию термоядерных электростанций?

Вспомним историю создания атомных электростанций. К середине 40-х годов в реакторах, построенных Э. Ферми в США и И. В. Курчатовым в СССР, была получена и исследована управляемая цепная реакция деления урана. И лишь потом, постепенно в повестку дня стали включаться инженерные и технические вопросы, связанные с разработкой материалов, узлов и конструкций энергетических реакторов и электростанций в целом.

Подобная стратегия долгое время владела умами и термоядерщиков: сначала получить термоядерную реакцию в лаборатории, а уж потом браться за решение технических задач по созданию энергетического реактора. Но такой путь слишком долог, по нынешним временам, пожалуй, нерационален.

Можно поступить наоборот, избрать стратегию «большого риска» и уже сегодня начать строительство термоядерной электростанции. Но тогда человечество не простит нам ошибок, цена которых в материальном выражении может оказаться изрядной. А ошибки в таком новом деле и тем более при таком подходе неизбежны. Ведь предстоит преодолеть множество чисто технических трудностей, гораздо более серьезных, чем те, что стояли перед создателями первых атомных электростанций. Надо, например, создать очень большие сверхпроводящие магнитные системы, научиться управлять темпом горения смеси дейтерия с тритием, найти надежные способы очистки плазмы от примесей тяжелых элементов и так далее.

В результате всех этих размышлений и прикидок возникла своего рода промежуточная концепция — концепция демонстрационного эксперимента. Он должен подтвердить практическую возможность получения термоядерной энергии и позволить решить основные инженерно-технологические задачи. Поэтому сейчас на повестку дня поставлено проектирование и сооружение демонстрационных, или испытательных «токамаков».

Что же представляет собой такой демонстрационный реактор? По замыслу, это установка, заполненная дейтериево-тритиевой плазмой с такой температурой и плотностью, которые должны быть в реакторах термоядерных электростанций. В ходе реакции синтеза тут будет выделяться энергия, примерно равная энергии, затраченной на разогрев плазмы до температуры горения. На демонстрационном реакторе должна быть продемонстрирована практическая осуществимость управляемой термоядерной реакции, отработаны системы нагрева, удержания и контроля горения плазмы, подачи топлива, его регенерации, детально изучено поведение конструкционных материалов в мощных тепловых и нейтронных потоках.

Надо сказать, что само понятие этапа демонстрационных экспериментов довольно условно и во времени расплывчато. Речь ведь идет не о переходе к качественно новым физическим явлениям, а скорее о некотором искусственном рубеже, который физики ставят себе сами. По мере получения все более интенсивной реакции и увеличения выхода энергии на первый план будут выдвигаться уже не физические, а сугубо инженерные проблемы. Значит, и в развитии термоядерных исследований следует ожидать не резкого, а постепенного перехода от нынешнего, физического этапа к следующему, инженерно-технологическому.

Чтобы этот переход был более основательным, надежным, сейчас создаются установки следующего поколения. Эти «токамаки» гораздо крупнее своих предшественников. Так, если в нашем «Токамаке-10» или в американском PLT объем плазмы равен примерно 5 кубическим метрам, то в строящемся сейчас «Токамаке-15» он будет около 25. Установки подобного типа строятся и в ряде других стран. Все они имеют целью получить «полноценную» термоядерную плазму или по крайней мере максимально приблизиться к ней. И хотя конкретные физические средства движения к этой цели на каждой установке свои, в целом это создает удачную взаимодополняемость экспериментов.

Вступать в строй эти установки начнут уже в течение ближайших лет, и в середине 80-х годов мы надеемся провести эксперименты, в результате которых получим сведения об основных плазменных характеристиках будущих энергетических реакторов. По-видимому, этим в основном и завершится фаза фундаментальных физических исследований проблемы УТС: будут созданы научные и технические основы для перехода к демонстрационному термоядерному реактору, на котором должна быть продемонстрирована возможность получения электричества от управляемой термоядерной реакции. Этот реактор по своим целям близок к экспериментальной термоядерной электростанции. Во многих отношениях его роль будет такой же, как роль первой атомной электростанции, пущенной у нас в 1954 году.

Такова в общих чертах схема стратегии, принятой учеными на сегодняшний день. Естественно, в нее еще будут вносить поправки. Всех проблем не предугадаешь. Но мне хотелось бы сказать сейчас о другом.

Существует еще идея гибридного реактора, создание которого советские ученые рассматривают в качестве возможного промежуточного этапа развития термоядерной энергетики. В гибридном реакторе сочетаются принципы атомного и термоядерного реактора.

Как известно, в ныне действующих атомных электростанциях в реакции деления принимает участие не весь уран, который туда загружают, а только малая его часть — уран-235. Подавляющая же часть сырья, уран-238, в реакции почти не участвует, а идет практически «в отвал». Использовать его предполагается в реакторах на быстрых нейтронах, превращая в хорошо делящийся плутоний.

Оказалось, что утилизировать уран-238 можно с большой эффективностью и в термоядерном реакторе. Для этого камеру, где протекает термоядерная реакция, нужно окружить оболочкой из урана-238. Энергичные нейтроны, выделяющиеся в процессе реакции синтеза, попадая в ядра урана, заставят часть из них делиться и отдавать свою энергию, как это происходит на атомной станции. Другая же часть ядер урана-238 превратится в плутоний, который в свою очередь будет служить топливом для обычных атомных станций. В таком гибридном реакторе 75—80 процентов энергетической мощности будет получаться благодаря реакции деления урана, а термоядерные реакции обеспечат лишь часть выработки энергии, служа в основном источником быстрых нейтронов, играющих роль «запала» для урана. Естественно, что к параметрам плазмы и к стенкам камеры в этом реакторе можно будет не предъявлять столь жестких требований, как в чистом термоядерном реакторе. Это облегчит задачу, и можно будет гораздо раньше приступить к решению других инженерно-технологических проблем термоядерной энергетики.

В последнее время обнадеживающие результаты получены также на термоядерных системах, построенных по иному принципу, чем «токамаки». Я имею в виду так называемые импульсные системы.

Одно из таких направлений связано с лазерным нагревом термоядерного горючего. Идея здесь проста: в фокусе лазерного луча нагреваются твердые или жидкие дейтериевые частички диаметром не более миллиметра. Плотность ядер в твердом веществе в миллиард раз выше, чем плотность плазмы в «токамаке», а чем больше плотность, тем выше скорость реакции. Если нагреть такую частичку до подходящей температуры, то для зажигания смеси будет достаточно всего одной миллиардной доли секунды.

Еще один многообещающий способ быстрого нагрева и сжатия термоядерных мишеней заключается в использовании ускорителей релятивистских (движущихся со скоростями, близкими к скорости света) электронов. Как и с помощью лазеров, тут удается быстро нагреть мишень до 10 миллионов градусов и достичь тысячекратного ее сжатия. Эксперименты, выполненные в Институте атомной энергии, показали, что таким путем можно приблизиться к условиям, при которых протекает термоядерная реакция.

И тот и другой способы, судя по всему, имеют хорошие перспективы. Хотя говорить о строительстве энергетических реакторов на их основе еще рановато, в будущем они могут стать хорошим дополнением к «токамакам». Кроме того, исследования такого рода вносят очень полезный вклад в общую копилку знаний о поведении вещества в экстремальных условиях.

Все эти исследования чрезвычайно интересны и заманчивы. Они ведутся довольно широко, а в дальнейшем будут вестись еще шире. Но мне кажется, и здесь нужно выбрать одну из наиболее перспективных, лидирующих систем и попытаться пройти в этом направлении как можно дальше. Во-первых, это нужно, чтобы поскорее увидеть те задачи (не «плазменно-физические», а чисто инженерные), которые нас ожидают, и понять, в какой мере они совместимы с теми или иными физическими идеями, которых сейчас очень много. А во-вторых, хочется, чтобы человечество все-таки поскорей убедилось в том, что у термоядерной энергии есть ощутимые преимущества перед другими видами энергии.

Хочу напомнить читателям, что в ходе обычной химической реакции горения, то есть при сжигании органического топлива на тепловых электростанциях или в двигателях внутреннего сгорания, по сути, используется лишь малая доля той энергии, которая потенциально содержится на Земле. Да и этой долей мы пользуемся не полностью, а в лучшем случае процентов на 40 — именно таков коэффициент полезного действия тепловых машин.

В процессе же термоядерной реакции есть возможность высвободить в 10 миллионов раз больше энергии, чем при химическом горении. Овладение этой энергией не только позволит покончить с энергетическим кризисом, но и поможет рациональнее расходовать энергоресурсы и полезные ископаемые планеты, а также улучшит экологическую ситуацию на всем земном шаре. Потребность в термоядерной энергетике назрела, и пути к ней стали ясны. Вот почему в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года», принятых на XXVI съезде КПСС, создание основ термоядерной энергетики поставлено в ряд важнейших проблем, на решении которых призваны сосредоточить усилия представители естественных и технических наук.

На примере проблемы управляемого термоядерного синтеза наглядно проявляется важнейшая черта современной физики — ее внутреннее единство. Любая крупная проблема не изолирована от других проблем, а тесно связана с множеством направлений и областей науки. Сама по себе задача создания термоядерных реакторов поначалу выглядела как прикладная. Однако затем исследования привели к появлению целой фундаментальной области — физики высокотемпературной плазмы. Лишь глубокое изучение основ этой области, законов, которым подчиняется горячая плазма (казалось бы, простейшее вещество, незамысловатая комбинация частиц с зарядами противоположных знаков), позволило построить базу для понимания множества физических процессов. С одной стороны, это привело к прогрессу в решении проблемы термоядерного синтеза, с другой — дало возможность лучше разобраться в природе некоторых астрофизических явлений как в ближнем, так и в дальнем Космосе.

Рассмотрев с позиций физики плазмы процессы, происходящие на Солнце, ученые сумели объяснить такое важное и интересное явление, как солнечные хромосферные вспышки. Еще одно крупное открытие, сделанное советской наукой и относящееся к «ведомству» физики плазмы, — радиационные пояса Земли. Аналогия между динамикой плазмы в лабораторных магнитных полях и в радиационных поясах Земли помогла установить конкретные механизмы, управляющие поведением частиц в магнитном поле. Удалось создать точные математические модели процессов в радиационных поясах, а также применить полученные знания к другим областям Космоса — планетам Солнечной системы, межзвездному пространству.

Так, исследуя глубинные свойства материи, физика находит путь для решения насущных практических задач и вместе с тем помогает человеку все полнее познавать окружающий мир. Внутреннее единство физики есть не что иное, как отражение глубочайшего единства мира, в котором вечная и существующая независимо от человека природа и природа, сотворенная им из подвластного ему вещества, подчиняются общим законам и изучаются общими методами, которые не устает изобретать неистощимый и не знающий преград человеческий разум.

Записал Ю. СЛЮСАРЕВ

ИЗ НАУЧНЫХ ЛАБОРАТОРИЙ

БОЛГАРСКИЙ ЛАЗЕР

В Институте физики твердого тела Болгарской Академии наук сконструирован лазер на парах бромата меди, отличающийся низкой рабочей температурой и длительным сроком службы.

Лазер генерирует свет с длиной волны 510,6 и 578 нм (нанометр равен 10^{-9} метра) и имеет выходную мощность 0,5—10 ватт. Он найдет применение в лазерных локаторах, дальномерах и микроскопах.

ВОДОРОСЛИ ОЧИЩАЮТ СТОЧНЫЕ ВОДЫ

Исследователи Пражского института микробиологии Академии наук ЧССР установили, что водоросли впитывают из окружающей среды органические и неорганические вещества и поэтому могут найти практическое применение при очистке сточных вод на животноводческих фермах, на заводах по производству минеральных удобрений и в городских канализационных сетях.

Опыты по очистке сточных вод на большой свиноферме и на городской станции показали, что при определенных условиях водоросли удаляют из воды до 90 процентов соединений азота и фосфора и до 95 процентов таких вредных веществ, как полихлордифенил, цинк, кобальт и марганец.

НОВЫЙ СОРТ ТОМАТОВ

Специалисты Института генетики Болгарской Академии наук во главе со старшим научным сотрудником Христо Георгиевым вывели сорт томатов для выращивания в теплицах. Этот сорт, созданный путем отдаленной гибридизации культурных сортов с диким видом томатов, богат витамином С, солями и другими ценными составными частями. Сухого вещества в нем содержится около 6 процентов, а сахара — 3—3,5 процента.

В ряде агропромышленных комплексов эти томаты дают урожай 50 тонн с гектара.

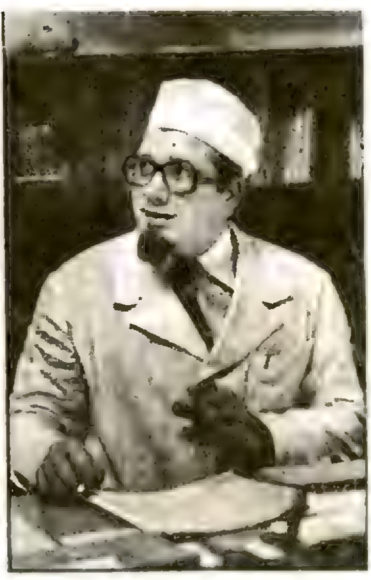

Ю. Носов.

Фото А. Казимирова

В. Быстров.

В. Барвынь.

РЫЦАРИ НЕОТЛОЖНОЙ

РЕЗКО ЗАЗВЕНЕЛ ТЕЛЕФОН, и дежурному врачу сказали:

— На выезд!

Не поворачивая головы, Александр Аронов туго откинулся на спинку стула, сжал скулы, сощурился, будто что-то вспоминая, застегнул на все пуговицы халат и медленно встал.

Через минуту-другую из ворот Института сердечно-сосудистой хирургии вырвалась машина и, оттесняя поток транспорта, помчалась по улицам: скорей, скорей, дорога каждая секунда.

Аронов знает, что его ждет. Даже для непосвященных слово «шок» — будто выстрел в упор. А у этого больного кардиогенный шок — губительнейшее осложнение инфаркта миокарда. После него остаются жить только редкие счастливчики. На что же тогда рассчитывает врач? Каким оружием собирается он сражаться с самой смертью? Драма людей и драма идей неотложной терапии, говорил академик И. А. Кассирский, не всегда завершается «звездным часом». Но это всегда бой, всегда схватка, создающая совершенно особый мир человеческих ощущений — мир тревог, мужества и надежд. Борьба с кардиогенным шоком требует от врача предельной мобилизации знаний и опыта, находчивости и смелости, умения идти на риск.

Но оставим на время Александра Аронова, перенесемся мысленно на десятилетие назад и пересядем в другую, тоже несущуюся по вызову машину «скорой помощи». Рядом с шофером сидит молодой врач Володя Барвынь. Он тоже одержим благородным стремлением спасать погибающих. И в меру своих сил помогает им всем. Всем, кроме шоковых. Эти нередко погибают у него на руках. А он бессилен, почти совсем бессилен. В словаре будто в насмешку сказано: «Необходима экстренная медицинская помощь». Но какая? Что может медицина? Несколько умерить боль? Попытаться немного повысить давление крови? Косметика, а не помощь...

Бегут годы. Барвынь уже защитил кандидатскую, стал младшим научным сотрудником. А положение не изменилось — шок по-прежнему означал почти неминуемую потерю больного. Нет ничего мучительнее для врача, чем бессилие. Но что было делать?

Суть кардиогенного шока в том, что пораженное обширным инфарктом сердце утрачивает способность нормально проталкивать по сосудам кровь. Мозг, легкие, печень — все жизненно важные органы лишаются необходимого им кислородного пайка. Как же помочь изнемогающему сердцу, как сделать часть работы за него? И тут родился новый метод вспомогательного кровообращения — контрпульсация. Через разрез на бедренной артерии нужно протолкнуть к сердцу катетер с баллончиком на конце. Во время расслабления желудочков сердца в этот пластмассовый шарик поступает порция сжатого газа, шарик расширяется и, задерживая отток крови из аорты, повышает давление. В следующий момент, когда желудочки сокращаются, газ отходит и баллончик съеживается. Благодаря этому с сердечной мышцы снимается значительная доля механической нагрузки — до 80 процентов.

Механизм, осуществлявший эту рабо-боту, был еще несовершенен, катетер толст и негибок, методика его введения не отработана, но Барвынь со всем энтузиазмом молодости ухватился за новую идею. Директор института академик АМН СССР В. И. Бураковский поддержал молодого ученого, включил его тему в план, дал средства, выделил «шоковую» койку в стационаре, двух сестер. Барвынь предупредил коллег по «скорой помощи»: «Обнаружите кардиогенный шок — зовите!» Трудно сосчитать, сколько их было — ночных звонков, торопливых выездов, горьких, удручающих потерь. Но Барвынь не складывал оружия.

...Глубокой ночью зазвонил телефон — вызывал врач из «скорой». У пожилого человека — застывшее лицо, по которому пробегает болевая судорога, синеющая, холодная кожа, липкий пот, замирающее дыхание — шок. После напряженных усилий, уколов, выжи-

А. Аронов.

Н. Ройтман

Медицинские сестры группы интенсивной терапии (слева направо): Н. Каменская, Л. Зайцева, Н. Чудновская.

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

ПОМОЩИ

А. ЧЕРНЯХОВСКИЙ

даний Барвынь уловил наконец момент, когда можно было отнести больного в машину. Сестры уже все подготовили, операционная ждала. Осторожный и точный наркоз, экономный — до миллиметра — разрез на бедре, и Барвынь медленно, плавно подталкивал катетер. Вот он уже в аорте. Кнопка нажата, контрпульсация началась.

Вспомогательное кровообращение помогло — шок отступил. Но какие скрытые поломки остались в недрах сердца? Страхуя себя мерно пульсирующим баллончиком, врачи через другую артерию ввели в сердце еще один — диагностический зонд, впрыснули контрастное вещество, увидели на рентгеновском экране, куда направляются его потоки, и сняли все это на кинопленку. Получилась точная картина оставленных инфарктом поражений. Плотная бляшка сидела в передней межжелудочковой артерии и на три четверти закрывала ее просвет. Это продолжало угрожать жизни человека—требовалась безотлагательная операция. Но перенесет ли ее больной?

Были выслушаны все «за» и «против» и под руководством В. И. Бураковского разработан детальный план операции. Пока вскрывали грудную клетку, сердце поддерживала контрпульсация. Потом, оставив на всякий случай катетер в аорте, подключили аппарат искусственного кровообращения. Хирурги осторожно удалили бляшку и, взяв из бедра кусочек подкожной вены, создали новое русло для крови — пустили ее в обход пораженного участка. Теперь можно было вновь воспользоваться пульсирующим баллончиком. Но сердце не хотело «заводиться». Потребовалось все искусство хирургов и анестезиологов, чтобы оно сначала нехотя, а потом подталкиваемое пульсирующим шариком, все же заработало... Оно работает и сегодня, человек жив. Это была первая победа.

Постепенно в контрпульсацию поверили даже скептики: она сулила успех в борьбе не только с первичным, но и с послеоперационным шоком. Вместо одной «шоковой» койки в институте появились три, потом — семь. С Барвынем вместе стала работать группа единомышленников, энтузиастов.

...На одном из высочайших тибетских перевалов альпиниста встречает надпись: «Научился ли ты радоваться препятствиям?» Ее смело можно было бы поместить и над входом в помещение бригады кардиореанимации.

— Мы берем в свою выездную бригаду врачей не моложе 28 и не старше 36 лет, — рассказывает доктор медицинских наук Владимир Георгиевич Барвынь. — Более молодым недостает опыта, а у тех, кто постарше, нет уже той готовности жертвовать своим временем, силами, нервами...

Барвынь задумывается, а я вспоминаю недавний свой разговор со старшей медсестрой Натальей Ивановной и с врачом бригады Ароновым. «Особенно тяжко ночью, — говорила она. — Лежат двое-трое шоковых, сердца у них бьются благодаря контрпульсации, дышат через силу, бредят. Час-другой, и ты уже сама не знаешь, кто тут больной, они или ты, и словно бредишь вместе с ними». «Выезжаем мы, по сути, к безнадежно больным, — в тон ей говорил Аронов. — Делаем максимум того, что можно сделать, что нужно и что может показаться излишним».

— На первых порах, — продолжает Барвынь, — новичка угнетают неудачи, тем более связанные с его еще недостаточной квалификацией. У некоторых руки опускаются, я тоже прошел через это. Иные начинают говорить о безжалостности природы, о ее черством безразличии к своим созданиям. И лишь потом, спустя годы, все начинают понимать, что сама по себе жизнь преисполнена мудрой любви даже тогда, когда реальность бывает и жестокой... Отдельных врачей начинают искушать всякие формальные ходы. Борьба с шоком требует особенно точной дозировки лекарств: назначишь мало — не поможет, много — страшно повредить. Ох, как тут хочется остановиться на общепринятом: никто за это не спросит и совесть свою можно уговорить — так,

мол, в руководствах сказано! — Собеседник мой теребит в раздумье русую бородку, грустно покачивает головой. — Поступил к нам как-то больной в очень тяжелом состоянии. Нужно было подстегнуть замиравшее сердце. Советуемся с дежурным врачом, новичком: сколько ввести адреналина? Я называю высокую цифру, он с сомнением смотрит на меня — не слишком ли? Привожу доводы, вместе решаем: надо сделать инъекцию и быть начеку. Но я старый шкипер, — хитро улыбается Барвынь, — знаю, где можно наскочить на рифы. Через полчаса йду в палату, вроде бы ненароком заглядываю в листок назначений — так и есть, адреналина введено вдвое меньше. Состоялся у нас крупный «мужской разговор». Больше такого не случалось. Наравне с врачебной квалификацией у нас ценятся человеческие качества, готовность не таить от товарищей свои просчеты.

...Позвонили из 68-й больницы: у пожилой женщины инфаркт миокарда осложнился шоком, состояние критическое. Тут же выехал Владислав Городков, как всегда собранный, подтянутый, напоминающий кадрового офицера. Быстро и уверенно разобрался, в чем дело, понял, что без контрпульсации не обойтись, вскрыл артерию, стал вводить катетер. Что такое? Не идет! Попробовал раз, другой, третий, слегка поднажал — уперся катетер во что-то и ни с места. Включил сжатый газ — никакого эффекта. Никто не обвинил бы врача, напиши он в истории болезни: «Тяжелый кардиогенный шок, состояние критическое, попытки контрпульсации ни к чему не привели». Да и врачи больницы видели всю безвыходность положения. Но Городков пошел звонить Барвыню:

— Катетер не проходит, наверно, попал между стенками расслоившейся аорты. Опасаюсь прободения. Извлечь? Может быть кровотечение...

Барвынь мигом представил себе операционную: на столе умирающая женщина с торчащим из бедра катетером, сочувственные лица больничных врачей: «Видите, мы все сделали, вот и у вас ничего не получается». Мягче обычного он сказал в трубку:

— Сейчас к вам выезжает Быстров. Вместе уж постарайтесь. Вы же умеете, я знаю, — и еле слышным шепотом добавил:

— Чудеса, ей богу, бывают... как-нибудь довезите ее сюда...

Чудо тогда и впрямь произошло. Приготовив по какому-то наитию сложный фармакологический «коктейль», подключив систему искусственного дыхания, Городков с Быстровым привезли больную в клинику. Здесь установили, что катетер не проходил не потому, что Городков попал в стенку сосуда — просвет самой артерии оказался на редкость суженным.

— А меня, — говорит Барвынь, — больше всего порадовала принципиальная честность Городкова. У нас важно не только умение профессионально «выложиться», но и высочайшая ответственность...

В комнате вокруг невысокого худого мужчины лет около сорока собрались пятеро из «великолепной семерки»: черненькая подвижная Галина Кузнецова, неторопливый Юрий Носов, спортивного вида Александр Аронов, крупный Илья Ройтман, степенная Елена Горлова. Нет Быстрова и Городкова — на вызовах. Все оживлены, сыплются вопросы: «Почему не показывались? С сердцем как? Не женились?..»

Два года назад инженер Костырев попал сюда с обширным инфарктом миокарда, почти без шансов выжить. Доставил его Аронов, как довез — сам удивляется. Диагноза в истории болезни не написал, поставил вопросительный знак, хотя картина была типично шоковой.

— Боюсь, не ритмогенный ли коллапс на почве поперечной блокады сердца, — сказал тогда Аронов. — Если так, зачем вскрывать артерию?

Времени уточнять диагноз было в обрез, сердце сдавало на глазах. Наложили электроды, подключили электростимулятор, навязали искусственный ритм. Но давление не выравнивалось, кожа сделалась мраморной, похолодела. Что же это все-таки — коллапс или шок? Срочно подключили контрпульсацию. Часов через двенадцать Костырев начал приходить в себя...

— А почему вы прихрамываете? — интересуется кто-то. — Тогда вроде не хромали.

Костырев мнется:

— Да так, бедро, где был разрез, что-то побаливает.

— Сейчас проверим, — говорит Барвынь. — Да, образовались спайки. Ну что же, наш брачок, нам его и исправлять...

Так и сказал «брачок», хотя всем было ясно, что спайки могли возникнуть не по их вине.

— Что вы ставите превыше всего, — спросил я как-то Владимира Георгиевича, — профессиональную подготовку или врачебный долг?

— Долг врача, что и говорить, очень высокое нравственное понятие, — ответил Барвынь после некоторого раздумья. — И долг, и профессиональное мастерство — все важно. Но есть еще одна, не менее важная вещь — сострадание. Мало что так способно пробудить в человеке ощущение новых сил, новых возможностей, как сострадание, сопереживание... Однажды психолог Федор Дмитриевич Горбов, теперь, увы, покойный, провел интересный эксперимент. На двух добровольцев надели датчики. Один должен был совершить рискованный прыжок, а другой стоял в это время внизу, был просто зрителем. И оказалось, что датчики наблюдателя послали на осциллограф такой же сложный рисунок биопотенциалов, как и у прыгуна. Их назвали «почерком падения». Вот что такое сопереживание. Это не просто тревога, но и стремление к действию. Хорошо об этом сказал Цвейг: «Есть два рода сострадания. Одно — малодушное и сентиментальное, оно, в сущности, не что иное, как нетерпение сердца, спешащего поскорее избавиться от тягостного ощущения при виде чужого несчастья; это не сострадание, а лишь инстинктивное желание оградить свой покой от страданий ближнего». И есть другое сострадание, «истинное, которое требует действий, а не сантиментов, оно знает, чего хочет, и полно решимости, страдая и сострадая, сделать все, что в человеческих силах». Грузинские кинематографисты сняли фильм о нашем институте. И знаете, что больше всего волнует зрителей? Не кадры, рассказывающие о больных сердцах, а кадры о сердцах врачей, которые сопереживают своим пациентам...

Сотрудники выездной бригады кардиореанимации творят добро каждый день, творят буднично, деловито. Долг, опыт, мастерство, сочувствие людям — все объединяет их. И всем им присуще стремление глубоко вникнуть в суть явления, заглянуть вперед, мыслить «финально» (латинское слово «finis» означает не только конец, но и цель). После долгих дебатов здесь решили: надо разделить общую проблему кардиогенного шока на ряд тем и каждую сделать предметом пристального исследования. Большие открытия в медицине приходят нечасто, многое складывается из повседневных наблюдений, из «малых» открытий, так необходимых и врачам, и их пациентам.

Долгие наблюдения, глубокие радумья ложатся в основу семи кандидатских диссертаций и коллективной монографии о кардиогенном шоке, начатой по инициативе директора института. «Пришло время, — сказал академик В. И. Бураковский, — поделиться с широкой врачебной аудиторией итогами почти десятилетней работы». Монография пишется в паузах между дежурствами, после выездов, по вечерам рождаются выстраданные страницы. Коллективная творческая работа сплачивает бригаду. Каждый понимает, как важен и нужен коллегам их уникальный опыт: надо все осмыслить, оглянуться, окинуть взгля-

дом пройденный путь, проанализировать успехи и неудачи, чтобы с новыми силами двинуться дальше — к новым схваткам со смертью.

Барвынь цитировал Цвейга, а мне вспомнились строки из стихотворения Василия Захарченко «Моя кардиограмма»: «Но главным в электронном частоколе свой добрый след оставили друзья. Спасибо им!.. Мне жить и жить, доколе их добротой обогащаюсь я». Вспомнились и слова Пришвина о том, что «вся сила врачей происходит от их силы внимания к больному, этой силой поэты одухотворяют природу, а врачи поднимают больных с постелей». Ближе познакомившись с напряженными буднями бригады кардиореанимации, я, как мне казалось, стал лучше понимать чувства и настроения врачей, мчащихся в машине. Отзывчивое сердце — вот их заветное, может быть, главное оружие против беды и несчастья. И еще обостренная величием цели воля к победе.

К врачам бригады пришла духовная и профессиональная зрелость. Драматическая медицина, которой они столь стоически служат, слагается не только из опыта, науки и искусства — над нею еще простирается чудесный покров героизма. Я знал, что люди героических профессий — полярники, подводники, космонавты — очень скупо и неохотно делятся своими чувствами. Но мне хотелось услышать рассказы об их переживаниях — о любых, пусть горьких, пусть самых неожиданных, — от самих врачей, «из первых уст». Барвынь, узнав об этом, с сомнением пожал плечами. И все-таки при одной из встреч, словно бы между прочим, я спросил Юрия Носова, что его держит здесь, где приходится терять стольких больных, где шансы на их спасение невелики, а сил на это кладется сверх меры. Но он только бросил из-под бровей колючий взгляд в мою сторону. В другой раз я задал тот же вопрос Аронову. Не мигая, он посмотрел мне прямо в глаза и глухо, с натянутой улыбкой сказал:

— Диссертация... Осталась уже самая малость, надо закончить...

Елена Горлова, услышав мой вопрос, выровняла разложенные на столе листы бумаги и твердо произнесла:

— У меня нет желания говорить на эту тему.

И только Быстров, словно преодолевая что-то в себе, признался:

— В тех, не слишком частых случаях, когда что-то получается, когда удается спасти человека от заведомой гибели и ты твердо знаешь, что все другие методы неэффективны, а твой помог, тогда на задний план отступают все отрицательные эмоции и приходит истинное удовлетворение. Острота ситуации здесь связана с тем, что требуется наиболее полно, до конца испытать себя, выразить свою личность... Вот на днях вызывает бригада «скорой помощи»: острую боль притупили, но большего сделать не могут... Три часа бились мы с этим больным. Три часа — как исступленные. Спросите меня: какая квартира, кто был рядом? Не отвечу. Пришлось вскрыть подключичную вену, чтоб ввести лекарства, вскрыть трахею, чтобы начать искусственную вентиляцию легких и предотвратить развитие отека. Вдруг — сбой ритма сердца, затрепетали желудочки: фибрилляция, клиническая смерть. Биения нет. Дал дефибриллятором мощный электрический разряд и стал энергично массировать сердце, да так, что в глазах потемнело. Сменил меня фельдшер. После второго разряда прямым проколом ввел в сердце адреналин... Все-таки довез больного в клинику.

— И он остался жить?

— Нет, к сожалению. Это был уже третий инфаркт.

— Значит...

— Ничего не значит! — резко прервал меня Быстров. — Даже один день жизни ни с чем не сравнимый подарок.

Быстров прав: жизнь бесценна. Спасенный в великих трудах пациент не всегда обретает желанное здоровье. Но у кого может возникнуть мысль уменьшить эти труды? Жизнь, человеческая жизнь — самое дорогое, и борьба за нее, всеми силами и средствами, борьба неистовая, даже с ничтожными шансами на успех, только такая борьба и необходима.

При кардиогенном шоке счет надо вести, как при спасании на водах — считать не утонувших, а вытащенных, не погибших, а выживших. Из 102 практически обреченных больных, к которым выезжали врачи бригады, 50 удалось вывести из состояния тяжелого шока — каждого второго! Успех, нигде и никем пока еще не превзойденный. Потом, в разные сроки, 30 из этих 50, правда, погибли — от кровоизлияния в мозг, от поражения легких, печени, почек, от иных последствий тяжкого нарушения кровоснабжения. Но двадцать-то спасены полностью! Двадцать остались живы, радуются солнцу, работают, женятся!

В минуту откровения Быстров сказал:

— Это ни с чем не сравнимое удовлетворение!

А Барвынь деловито добавил:

— И стимул искать дальше. Для новых побед над шоком требуется уже иной класс вспомогательного кровообращения. И его уже настойчиво ищут.

Служители церкви с давних времен убеждают людей, будто одна лишь религия наделяет человека благородством помыслов и поступков, наставляет на путь добра и сострадания. Библия зовет: «Уклоняйся от зла и делай добро» (Псалтирь, пс. 33, ст. 15). Атеизм, считают они, гасит порывы милосердия, отвращает людей от гуманности. Насколько же далеко это от истины! Вера в бога ничуть не мешает благочестивым владельцам американских частных клиник предъявлять своим хворающим согражданам такие счета за лечение, что это вынуждает их, по словам сенатора Э. Кеннеди, «закладывать будущее своих семей, продавать свои жилища, отказываться от образования для своих детей, доходить до полного банкротства».

А вот рыцари-безбожники из бригады Барвыня повседневным своим героическим трудом творят подлинное добро, борются за самую высокую ценность — человеческую жизнь. Я вспоминаю схожие примеры: далекие от библейских истин медицинские сестры ничем не знаменитой ангарской больницы № 2 организовали клуб под благородным девизом «Светя другим, сгораю сам!»[1]. Таковы проявления истинно гуманистической морали, которой нет и не может быть в обществе бесчеловечных счетов за лечение.

Конспектируя книгу Людвига Фейербаха «Лекции о сущности религии», В. И. Ленин тому иллюзорному идеалу, который дает человеку религия, противопоставил реальный, жизненный идеал: «Человеку нужен идеал, но человеческий, соответствующий природе, а не сверхъестественный», — и привел слова Фейербаха: «Пусть нашим идеалом будет не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, а — цельный, действительный, всесторонний, совершенный, образованный человек»[2]. Именно такой человеческий идеал воплощают в жизнь те, кто отдает всего себя схватке со смертью, кто, сгорая, светит другим. Что же нужнее людям, что святее — молящиеся уста или дарующие помощь руки?

Академику АМН СССР И. А. Кассирскому довелось как-то выступать в большой аудитории после Юрия Гагарина. Затем в комнате президиума он сказал первому космонавту:

— Как трудно мне было говорить после вас. Медицина никак не может сравниться с вашими достижениями.

— Я не согласен, — ответил Юрий Алексеевич. — Мы победили Космос, а медики, как я понял из вашего доклада, победили смерть. Выше этого ничего не бывает!

---

[1] «Наука и религия», 1981, № 1.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 56.

КРАСНЫЙ ПРИЛИВ

Несколько лет назад я был в Болгарии, на берегу Черного моря. Туристы из разных стран радовались щедрому южному солнцу, теплому морю. И вдруг поверхность моря стала кирпично-красной. «Красный прибой, — удивился болгарин. — В наших местах такого еще не было». «Джим Бревис», — сказали гости из США и стали собирать чемоданы.

— «Красный прибой», а точнее «красный прилив» (по-английски «ред тайд») океанологам не в диковинку, — говорит руководитель Одесского отделения Института биологии южных морей АН УССР член-корреспондент АН УССР Ю. П. Зайцев. — Я сам наблюдал его в Америке, у берегов полуострова Юкатан. На поверхности воды появляются красные пятна, они быстро сливаются друг с другом, образуя большие поля, а вскоре из глубины всплывают миллионы мертвых рыб... Явление это характерно для субтропиков, с ним были хорошо знакомы еще американские индейцы. Столкнулись с «красным приливом» и моряки Колумба. Увидев, как вода прямо на их глазах превратилась в кровь, они, люди верующие, испытали суеверный страх.

И это действительно похоже на кровь. Вспомните библейский рассказ об исходе евреев из Египта: «...Я ударю по воде, которая в реке, и она превратится в кровь, и рыба в реке умрет, и река воссмердит, и египтянам омерзительно будет пить воду из реки...» Древние мореплаватели, например финикийцы, тоже могли видеть «красный прилив», и рассказы о нем передавались из уст в уста по всему Средиземноморью.

В легендах и мифах часто отражались реальные явления, даже в самых фантастических мифах... Так что же такое «красный прилив» и почему от него вымирает рыба? Наука это объяснила уже давно. По самым разнообразным причинам в определенном районе моря нарушается биохимическое равновесие и начинают бурно размножаться одноклеточные красные водоросли. У мексиканских берегов «красный прилив» обязан своим происхождением виду «гимнодиниум бревис». Отсюда и полуфамильярное его название — Джим Бревис. А то, что увидели вы в Болгарии, это водоросль экзувиелла. Она менее опасна, чем ее мексиканская родственница, но хорошего в ней тоже мало. И у нас, на Черном море, «красный прилив» чреват теми же последствиями. Гибнет рыба. Почему? Водоросль размножается, отмирает, начинает гнить, и на это гниение тратится огромное количество кислорода воды. Рыбе нечем дышать, и она гибнет. Часть рыбы, правда, устремляется в прибрежную зону, где прибой насыщает воду воздухом, но основной массе спастись не удается.

— Но что заставляет экзувиеллу столь бурно расти?

— Слишком много питательных веществ для нее попадает в море. А приносят эти вещества реки вместе с промышленными и сельскохозяйственными отходами.

— Что же будет дальше? Какая же судьба ожидает наше Черное море?

Ювеналий Петрович подходит к окну, из которого открывается вид на Одесский залив.

— Знаете что? Вот вам моя книжка — «Это удивительное море». Полистайте ее, а потом мы продолжим разговор и поговорим о судьбах Черного моря.

ПОНТ ЕВКСИНСКИЙ

«Это удивительное море». Я начинаю листать книгу, рассматриваю карту Черного моря, на фоне которой изображены герои древних мифов, и вот уже читаю, не отрываясь. «Мы вопрошаем наше прошлое, чтобы оно объяснило нам настоящее и намекнуло о грядущем», — говорил Белинский. Эти слова не раз вспоминаются мне, пока я дочитываю книгу до конца.

Прошлое Черного моря... Это совсем юное море. Всего каких-нибудь 5—7 тысяч лет назад, в историческом масштабе совсем недавно, здесь было пресное озеро. Потом через Босфор и Дарданеллы у озера установилась связь со Средиземным морем, с Мировым океаном. Соленость бывшего озера стала расти (оно и по сей день «недосолено»), обитатели средиземноморских вод начали осваивать новую территорию. Наступление средиземноморской фауны продолжается и сегодня. Но уже давно в жизнь моря все сильней вмешивается человек, и море все острее ощущает его вмешательство...

Человек начал осваивать Черное море с незапамятных времен. Древнегреческие колонисты назвали его Понт Евксинский — Гостеприимное море. А откуда же — Черное? Черным его еще до появления греков называли обитавшие в тех краях скифы-кочевники, а до них — меоты и синды, у которых скифы, повидимому, и переняли название. Может быть, этим племенам, жившим в основном в приазовских степях, море, которое они увидели с крымских гор, показалось по сравнению с Азовским непривычно темным? Как бы то ни было, у скифов это море было «ахшайна», что в переводе с персидского означает «черный» (скифы были иранского происхождения). Греки поняли слово «ахшайна» как «аксенос» — негостеприимный и, не согласившись со скифами, переименовали море в «евксейнос» — гостеприимное. Такова современная версия, восходящая к Геродоту, который считал Евксинский Понт «самым замечательным из всех морей».

В жизни древних греков Черное море занимало очень большое место. На его

берегах они возделывали хлеб, пасли стада, добывали золото. Миф об аргонавтах, пишет в своей книге Ю. П. Зайцев, «отражает историю древнейших плаваний греков к берегам Черного моря. А само золотое руно? Не воспоминание ли это о старом способе добычи золота на Кавказе, когда в воду золотоносной реки погружали баранью шкуру и на ней оседали крупинки золота?»

РОЖДЕНИЕ АФРОДИТЫ

Да, у мифов были реальные, земные корни. Мифы были первой попыткой объяснить и обобщить явления природы и общественной жизни. Они дали начало религии, на что указывает Энгельс в «Анти-Дюринге», из них родилась и поэзия. В некоторых мифах современная наука обнаруживает верно подмеченные факты, принявшие в сознании древних фантастическую окраску, разукрашенные поэтическими преувеличениями. Предположение Зайцева насчет золотого руна, видимо, не лишено оснований.

Но не золотое руно имел он в виду при первом нашем разговоре, говоря о «самых фантастических мифах», а миф о рождении Афродиты. Плоть бога Урана упала в море и превратилась в пену, из которой и появилась на свет богиня любви и красоты Афродита. Легкий ласкающий ветерок принес ее на остров Кипр, а оттуда, приветствуемая богами, она поднялась на Олимп.

Океанолог Зайцев задумался однажды над этой изящной сказкой. Что за странный сюжет? Неужели греки, так тонко чувствовавшие природу, не знали, что морская пена — самое неподходящее место для зарождения жизни, что верхний слой моря — безжизненная пустыня?

Океанологу было тогда немногим более 20 лет. Недавний выпускник Одесского университета, он был едва ли не единственным сотрудником университетской биостанции и занимался изучением размножения рыб. Каждое утро, надев маску и ласты, он плыл в море и вдали от берега наблюдал за тем, что делается в поверхностном слое моря. Глубины, где можно было открыть еще неведомых науке животных или рыб, его почему-то совсем не привлекали. Его манил к себе этот слой, где никаких открытий как будто не предвиделось.

В один прекрасный день (Зайцев уже работал младшим научным сотрудником биостанции АН УССР) перед ним была поставлена задача, которая, как потом говорил Зайцев, «родилась на стыке моря и магазина»: выяснить, где размножается кефаль.

У Зайцева было судно. Он исколесил на нем чуть ли не все Черное море, чтобы найти несколько икринок кефали. Нужно было определить их удельный вес, и тогда поиск будет идти целенаправленно, не наугад. Первый вопрос, на который он попытался найти ответ, был естествен и прост: на какой глубине прячется икра кефали? Так же прост был и поставленный им опыт. Он погрузил икринки в морскую воду, и они собрались у ее поверхности. Повторил опыт — снова они собрались у поверхности. Измерил удельный вес икринок и воды. Сомнений нет: икра всплывает, она легче воды.

Зайцева это поразило. Икра, которую рыба обычно прячет подальше от всяких опасностей, собирается там, где живому нет места! Неужели она всплывает для того, чтобы погибнуть? Она не может уцелеть — все живое в поверхностном слое выжигают ультрафиолетовые лучи, убивают удары волн, съедают птицы. Все учебники пишут, что верхние 5—10 сантиметров моря — пустыня, «синяя пустыня». Но факт упрям: икринки легче воды и кефаль нерестится в «пустыне». Значит, жизнь там возможна и учебники ошибаются...

22 августа 1957 года — Зайцев хорошо запомнил этот день — он поставил эксперимент, с позиций тогдашней науки совершенно крамольный: он протянул стандартную коническую сеть, приподняв ее наполовину над поверхностью воды. Он тралил «синюю пустыню», самый верхний слой. Улов превзошел все его ожидания: в сети оказалось 79 икринок. Когда для проверки он полностью погрузил ее, выловить удалось только три икринки.

Икра кефали скрывается под самой пленкой воды. Других мнений быть не может. И Зайцев продолжал думать об икре. Как же она все-таки выживает? Может быть, не совсем были наивны древние греки?

ПИРАМИДА ЖИЗНИ

Чем больше наблюдал он поверхностный слой сначала в Черном море, а потом и в других морях, тем больше убеждался в том, что это не мертвая зона, не «синяя пустыня»: граница между двумя океанами — водным и воздушным — буквально кишит живностью. Веслоногие рачки и ночесветки, личинки моллюсков и рыбьи мальки... Может, это всего-навсего гости, пришедшие из глубин? Нет, это не гости, это хозяева. Строение тела у обитателей верхних слоев таково, что глубже они опуститься просто не могут. У некоторых актиний на ноге — поплавок, некоторые моллюски держатся на плотике из пузырьков, а у саргассовых водорослей, заселивших поверхность Саргассова моря, «понтон» находится прямо в теле растения.

Но во имя чего жить, плавая почти на поверхности (обитателей верхних слоев Зайцев назвал «нейстонтами», от «нео» — «плаваю») и каждый миг рискуя стать жертвой стихий или добычей птиц? Неужели нейстонты — всего лишь пища для тех пернатых, вроде люрика или конюги, чьи шейные мешки дают им возможность собирать большие количества мелких животных прямо с поверхности моря.

А почему бы и нет? Многое, очень многое говорит за то, что этот поверхностный слой — часть целой пирамиды жизни.

Здесь, в слое толщиной 5—10 сантиметров, поглощается весь солнечный ультрафиолет. Для одних организмов он действительно смертелен, но для икринок хамсы, барабульки, ставриды, кефали — ничуть. Эксперименты показывают, что для некоторых он даже благотворен. Одни икринки умеют, как выяснилось, отражать его, загораживая эмбрион своеобразным экраном, другие же, кому он нужен, даже фокусируют его наподобие линзы и направляют на эмбрион, чтобы он быстрее развивался.

Многие годы считалось аксиомой, что ультрафиолетовые лучи губительны для бактерий. Но вот сотрудница Института биологии южных морей А. В. Цыбань, ныне доктор биологических наук, обнаруживает в морской пене особые бактерии, которые ультрафиолета не боятся. И в пене их намного больше, чем в глубине.

Бактерии — «повара моря». Они готовят пищу для обитателей верхних слоев «пирамиды жизни» — для икринок, моллюсков, рыб. Но где, спрашивали Зайцева его дотошные оппоненты, где эти повара берут пищу для своей кухни, если органическое вещество уходит из поверхностных слоев на дно? Не думает ли уважаемый коллега, что его нейстонтов можно накормить манной небесной — падающими в море насекомыми или пыльцой растений?

Это был серьезный довод против «пирамиды»... Но сначала надо решить, так ли уж ничтожно количество «манны небесной». Случается, что берег моря на многие километры превращается в вал из клопа-черепашки. Но расчеты показывают, что «манны» действительно маловато, что насекомые могут быть лишь дополнительной пищей нейстонтов, главная же пища приходит из глубин. Об этом открытии ученых газеты и журналы сообщали в стиле детектива: «Трупы всплыли в полночь». Трупы действительно были: морские животные, погибая, опускаются на большую глубину, а потом многие из них, например ракообразные, распираемые газами — продуктами гниения, снова поднимаются на поверхность — всплывают (правда, не обязательно в полночь).

Так у Зайцева оказались в руках все слагаемые пирамиды жизни, которую он упорно строил. Основание пирамиды — органическое вещество воздуха и глубин моря, средняя часть — бактерии, «повара моря», еще выше — те, кто питается приготовленной ими едой,—моллюски, рыбы, а венчают пирамиду птицы, поедающие обитателей верхнего слоя. Да, сообщество, живущее под морской пленкой, или гипонейстон, как назвал его Зайцев, служит пищей для птиц. И это чрезвычайно устойчивое и живучее сообщество, иначе не было бы оно важнейшим звеном во всем круговороте жизни в океане. От ультрафиолетовых лучей те же нейстонты умеют защищаться и даже использовать эти лучи, от «механических повреждений» прячутся в пене, а всем напастям вместе нейстонты противостоят своей плодовитостью, способностью быстро восстанавливать поредевшую популяцию ранним развитием рыбной молоди.

ЭФФЕКТ ПОДСОЛНЕЧНИКА

Открытие Зайцева получает признание. Выходит в свет его монография «Морская нейстонология». Его избирают членом-корреспондентом Академии наук Украины, назначают руководителем Одесского отделения Института биологии южных морей. Возникает новое направление в науке. На этом пути Зайцев так же решителен, как и прежде. И снова начинает с отрицания. Только на этот раз отрицает... самого себя.

— История с открытием нейстона, — сказал мне при следующей нашей встрече Ювеналий Петрович, — заставила меня и моих сотрудников задуматься над вопросами научного познания вообще. Что такое истина? Возможна ли в науке вера? Какова природа человеческих заблуждений? Вот ползет по потолку муха. У нее шесть ног. Это могли знать наши далекие предки. Они и знали, конечно, но вот в научных книгах на про-

тяжении столетий повторялось, что ног этих не шесть, а восемь. Так показалось Аристотелю.

В степи за Одессой растут подсолнухи, — продолжал он. — В любом учебнике ботаники вы прочтете, что цветок поворачивается вслед за солнцем. А мой коллега, океанолог, член-корреспондент Украинской академии наук Г. Д. Поликарпов, занялся «не своим делом» и доказал: цветущая корзинка подсолнечника неподвижно нацелена на восток. «Не может быть!» — воскликнули специалисты, но Поликарпов оказался прав. Так возник наш местный научный термин — «эффект подсолнечника». Означает он неожиданный результат опытной проверки какой-нибудь очевидной истины. Эти очевидные истины коварны, и проверять их время от времени очень полезно...

— Такой же истиной было и убеждение, будто в верхних слоях океана нет жизни? — не удержался я.

— Да, такой. Все были уверены, что верхние слои моря перемешиваются волнами и население их поэтому однородно на десятки метров по вертикали. Вот почему все тралили верхние метры и не обращали внимания на верхние сантиметры. И ведь все аргументы в защиту «синей пустыни» были правильными — жестокие волны, ультрафиолет, птицы. Недооценивалось лишь одно — приспособительные возможности живых существ, те самые, благодаря которым жизнь существует и на поверхности ледников, и в горячих гейзерах. Руссо говорил: люди заблуждаются не потому, что не знают, а потому, что воображают себя знающими.

— Но, может быть, в случае с нейстонтами дело в другом? Может быть, верхний слой просто никого не интересовал?

— Да, конечно. Но почему? Ведь науке давно известно, что все основные преобразования — испарение, замерзание, выветривание, коррозия — происходят у поверхности раздела тел. Всем было, например, известно, что почва — плодородный слой и что слой этот — результат взаимодействия земной коры, атмосферы и живых существ. Да и сам человек живет на грани земной поверхности и воздуха. Отчего бы не подумать и о границе между океаном и атмосферой? Нет, нет, отсутствие интереса коренится в глубочайшей уверенности, что тут нет загадок, что все уже известно. Но я говорю об этом сейчас только для того, чтобы объяснить вам дальнейший ход моих мыслей, объяснить те парадоксы, о которых вы уже наслышались. Ведь и я заблуждался одно время, решив, что все уже открыл. Но постепенно исследования приводили меня к мысли, что у океана есть еще границы, мне не известные. Океан стал казаться мне живым существом, а верхний слой — его кожей. А если так, то нейстон не только сверху — он всюду, где граница водной толщи, например, там, где вода соприкасается с земной твердью. Вот почему я реорганизовал свой отдел гипонейстона, преобразовав его в отдел гидробиологии шельфа. Нейстоном мы продолжали заниматься, но он положил начало другим исследованиям. Когда-нибудь и это будет подвергнуто пересмотру — никакие знания не должны превращаться в догму, ведь от догмы недалеко и до слепой веры... А теперь я постараюсь ответить на первый ваш вопрос — о судьбах нашего Черного моря...

СОЛИ БУДЕТ БОЛЬШЕ...

— Дно Черного моря по форме напоминает тарелку: глубокое в середине, мелкое по краям. Сюда, на мелководье, и попадают пресные стоки рек. Особенно их много у северо-западных берегов, где впадают в море четыре большие реки — Дунай, Днестр, Южный Буг и Днепр. Пресные воды приносят с собой питательные вещества. Обилие пищи и солнечные лучи, прогревающие мелководье, создали здесь рыбное Эльдорадо. Речной сток — благо, да вот беда, опресненные воды, как более легкие, распространяются по поверхности Черного моря и уходят в Мраморное, так и не отдав Черному всех своих богатств, не проникнув в его глубины. Глубины же Черного моря — 87 процентов его объема! — насыщены сероводородом и не участвуют в круговороте жизни.

Черное море кардинально отличается от аналогичных водоемов планеты. Там питательные вещества поступают со дна благодаря активному вертикальному перемешиванию вод. Здесь — глубины замкнуты, вертикальных потоков нет и единственный источник плодородия — реки. Но в последние десятилетия этот источник стал иссякать.

— Он и дальше будет иссякать, — говорит Зайцев. — Правде надо прямо смотреть в глаза. Украине с каждым годом будет нужно все больше речной воды. Молдавии — тоже. Все придунайские страны имеют, как говорится, большие виды на дунайскую воду. Речной воды будет в Черное море поступать все меньше...

Что же будет дальше? При уменьшении стока в устья рек устремятся соленые морские воды. Специалисты водного хозяйства считают: чтобы не допустить осолонения устьев, Днестр, Буг и Днепр надо отгородить от моря, оставив лишь санитарные пропуски, чтобы речная вода не застаивалась. Так мы спасем реки. Но что будет с морем?

Черное море по сравнению со Средиземным и с океаном вообще, как было уже сказано, «недосолено». Уменьшение стока пресных вод приведет к «нормализации его солености». В своей книге «Это удивительное море» Зайцев предсказывает, что случится тогда: «Это повлечет за собой известную перестройку жизни Черного моря, особенно его опресненной северо-западной части. Изменения коснутся главным образом солоноватоводных видов... В результате осолонения сократится, очевидно, стадо осетровых... Та же участь постигнет, вероятно, черноморскую (дунайскую) сельдь... Запасы промысловых водорослей (например, филофоры) и беспозвоночных (мидий, креветок, крабов) в связи с их происхождением из соленых морских бассейнов не должны пострадать...»

— Нет, мне лично возможное осолонение Черного моря не кажется катастрофой, — уверенно говорит Ювеналий Петрович. — В конце концов, у большинства морей мира нет такого обильного притока речных вод, как у Черного, и все же они отличаются высокой биологической продуктивностью. Черное море сумеет «перестроиться».

За этим утверждением 30 лет работы ученого в морях и океанах. Он ставил опыты в лиманах, где вода солонее, чем в море: хамса и ставрида давали там завидные «урожаи». Значит, соленость страшна не всем, для многих она даже благоприятна. С ростом солености в Черном море увеличится число видов, переселившихся туда из Средиземного.

ПОГРАНИЧНЫЙ ПАТРУЛЬ

— Каким будет наше Черное море без Днестра, Буга и Днепра? — продолжает Зайцев. — Море будет оплодотворять такая мощная река, как Дунай. Канал от него пойдет вдоль северо-западного берега.

И другие реки продолжат свою работу... Была бы только чистой эта речная вода, и тогда ее хватит. Надо добиться, чтобы прекратилась гибель рыбы от отходов, чтобы не было «красного прилива», чтобы не увеличивался в сотни раз объем медуз... Море — организм, и, как всякий организм, оно может усвоить далеко не все, что в него попадает. Море нужно очищать, начиная с истоков рек: водосборные бассейны, откуда приносятся к нам стоки заводов и удобрения с полей, по площади своей в несколько раз больше поверхности моря.

В 1976 году было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по предотвращению загрязнения бассейнов Черного и Азовского морей». С тех пор для очистки моря сделано многое. Построены суда-нефтемусоросборщики. Наш флот практически не загрязняет уже море нефтепродуктами. Но этого уже недостаточно. В постановлении сказано, что к 1985 году неочищенные сточные воды вообще не должны сбрасываться в бассейн Черного и Азовского морей. Вот — главная задача. Как ее решать, известно: всемерная очистка воды, безотходная технология... Кое-что сегодня делаем и мы — помогаем самому морю очищать воды. Для этого на побережье возле Одессы создаются искусственные рифы, где найдут убежище многочисленные «санитары моря» — мидии, крабы, креветки, рыбы. Сделать это нетрудно. Вместо того чтобы возводить традиционные берегозащитные сооружения из бетона, где ничто живое не живет, строители делают их по нашим рекомендациям из природного камня, в котором гнездятся многие обитатели мелководья.

Ученые изучают состояние морской среды и в случае опасности — гибели рыб или концентрации вредных веществ — сигнализируют, советуют, что предпринять. Но море велико, исследовательские суда не могут охватить его целиком. Зайцев рекомендует сосредоточить основное внимание на «биологических контурах» моря — на границе морской и пресной воды, то есть у впадения рек, и на самых характерных местах поверхности океана: «Это как кожа, а кожа — зеркало внутренних процессов, происходящих в организме».

...Идет вдоль берега исследовательское судно. Тишина вокруг, кажется, ничто не говорит о том, что где-то поблизости опасность. А параллельно движется береговая экспедиция. Ученые исследуют пляжный песок. Тревожный сигнал! Песок мертв, нет в нем обычных его обитателей — инфузорий, рачков. Значит, где-то были сброшены отходы. Они отравили пляж и частично попали в морскую воду. Нейстонты, как пограничники, погибли на каком-то участке, но дали знать, что враг проник в глубь морской державы. Ученые бьют тревогу. Здесь все как на фронте: выявить силы противника, локализовать и обезвредить.

МАЙСКОЕ ДЕРЕВО

В. АСТАХОВА

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» РАСТЕНИЯ: ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ

УДИВИТЕЛЬНО КРАСИВА и изящна береза, недаром в стольких песнях поется о ней, так много сложено о ней стихов и так любят писать ее живописцы. Прекрасна и березовая роща, и горстка берез где-нибудь на лесной вырубке, и одинокая березка, колеблемая свежим весенним ветерком.

Цветет береза в мае невзрачными цветками, собранными в сережки. Громадное количество мелких, легких, крылатых, похожих на распластанную бабочку семян ветер разносит на большие расстояния. Плодоносить она начинает лет в 20—30, а живет всего около ста лет, хотя изредка встречаются и березы-долгожительницы, достигающие двухсот, а то и трехсот лет.

У всех народов, живущих в тех местах, где растет береза, с незапамятных времен существовал обычай украшать свои дома и дворы свежими березовыми ветками. Родился он из древнего поклонения деревьям и приурочен был к весеннему возрождению природы. Это был настоящий праздник, и столько в нем было истинной поэзии и очарования, столько живой и непосредственной связи с природой, что его первоначальное происхождение быстро забылось, и люди радовались ему ради него самого. После того как на Руси распространилось христианство, березовыми ветвями стали украшать дома в последний четверг перед троицей. Но так делали и до христианства — в конце мая. Береза — это символ весны и вечной красоты нашей северной природы, давно уже утративший те черты, которые связывали это дерево с религиозными верованиями и суевериями. Подобно этому и ель — символ Нового года и только. Но мы привыкли к нему, и без елки нам новогодний праздник не в праздник...

Но когда-то, много веков назад, все было иначе. Был не просто праздник весны, а праздник майского дерева, дерева священного, которое росло в священной же роще. Из этой рощи дерево торжественно несли в селение. В каждой ветке его обитало могущественное божество, которому поклонялись и от которого ждали блага. Жилище, куда его вносили, как бы приобщалось к этому благу. Потом от языческого почитания дерева остались одни поверья, но очень живучие.

Правда, не всегда священным майским деревом была именно береза. Любое стройное, могучее или долговечное дерево годилось на эту роль — ель, сосна, дуб, боярышник. И не всегда в деревьях обитали добрые божества. У белорусов, чувашей, удмуртов, мордвы из поколения в поколение передавались поверья о злых деревьях, причинявших вред дровосеку: как ни берегись, все равно придавит. Кто непочтительно относился к старым деревьям, на того могли обрушиться бедствия. У древних коми существовали легенды о «прокудливых», то есть проказливых, вредных березах, в которых будто бы жил злой дух и творил разные пакости человеку. В этих случаях в ход шли обряды жертвоприношения, умилостивления срубленного дерева. У латышей, например, существовал обычай угощать оставшиеся после рубки пни. Перед крестинами новорожденного младенца крестный отец должен был для детской колыбели срубить дерево: для девочки — липу, для мальчика — дуб или березу. Потом у пня устраивали пирушку...

Праздник майского дерева сопровождался песнями и плясками. Дерево везли на телеге, в которую иногда впрягались и люди. В Англии выискивали дерево побольше, помассивней, тащили его 20 или даже 40 волов, и человек триста сопровождали до деревни. Там его водружали на площади, к вершине привязывали разноцветные платки и танцевали вокруг. Из дома в дом ходила веселая процессия ряженых, собирала подарки — пирожки, яйца, сало. В Германии во время праздника устраивали игры — надо было похитить чужое майское дерево и водрузить его у себя в качестве трофея. В России, в Пинском уезде, в этот день украшали ветками березы самую красивую девушку и носили ее по деревне. Недаром береза олицетворяет собой девичью чистоту, скромность и красоту.

Люди верили, что береза излечивает болезни, и вера эта была небезосновательна. В старинном русском лечебнике говорится, что при лечении золотухи, ран и язв, «чтобы мясо гнилое из язвы выело, то толченую березовую кору надо всыпать в рану гнилую». Ученые выяснили, что почки и листья березы обладают фитонцидным действием, такое же свойство нашли и у бетулина — вещества, придающего коре белый цвет. Бетулин защищает дерево от болезней и грибков-паразитов. В почках и листьях обнаружили эфирные масла, витамины, гликозиды, дубильные вещества.

Почки и листья березы прочно вошли в медицину. Настой и отвар почек обладает мочегонным, желчегонным и антисептическим свойствами. Благодаря этому отвару исчезают или резко уменьшаются отеки даже тогда, когда другие средства не помогают. Припарки из свежих березовых листьев или ванны из их отвара болгарские медики рекомендуют от ревматизма. Неспроста люди любят попариться в бане с березовым веником! А во Франции от ревматизма (а также и от лихорадки) лечатся не только березовыми почками и листьями, но и отваром из корня. Березовый деготь входит в состав известной мази Вишневского и как сильный антисептик применяется при многих заболеваниях кожи, а активированный березовый уголь служит средством против дизентерии и диспепсии.

Столь популярный березовый сок, содержащий фруктозу и глюкозу, яблочную кислоту и белок, — не только вкусный напиток, но и лекарство. Его пьют при подагре, артритах, ревматизме, цинге, отеках, плохо заживающих ранах и трофических язвах, при фурункулезе, ангине.

Издавна береза давала человеку древесину. Из нее делают мебель, фанеру, лыжи и множество предметов домашнего обихода. Из бересты плели лукошки, изготовляли короба, табакерки, солонки, на бересте, когда еще не было бумаги, писали. Сегодня из березовой древесины добывают метиловый спирт и уксус. А березовые метлы и веники! В прежние времена они были в каждой избе, да и сейчас еще не вывелись. А знаменитая «березовая каша», которой потчевали когда-то нерадивых семинаристов! Кстати, есть предположение, что научное название березы «betula» произошло от латинского глагола «бетуэре», что означает «бить, сечь». Должно быть, бедняги семинаристы были единственными, кто не питал к березе симпатий..

Вы идете по городской улице и вдруг видите на крыше старого здания березку. Как она там очутилась, на чем растет? Годами ветер наметал туда пыль с частичками земли, а потом принес и семечко березы. Достаточно! Оно уже проросло. Это жизнелюбивое дерево первым поселяется на любом свободном клочке земли, в любом месте, где есть хоть немного почвы. Береза растет и на песках, и на болотах — были бы влага да солнце. Тени и засухи молодые березки не выносят. Под их сенью медленно, но упорно начинают расти ели, и наступает момент, когда ель перегоняет березу в росте, и тогда береза погибает, а ель остается победительницей. Если же вырубят еловый лес, на лесосеке вновь поселится береза, и все повторится сначала. Но это — в лесу. А на опушках, на косогорах, в чистом поле или в парке соперниц у березы нет, и она сверкает на солнце и весело шумит молодой листвой в ясный майский день.

Что такое старчество?

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

К ЧЕМУ ВЕДЕТ ГЛУБИНА СМИРЕНИЯ

З. ТАЖУРИЗИНА, К. НИКОНОВ, кандидаты философских наук

ГЛАВНОЕ ДОСТОИНСТВО старчества, будто бы обеспечившее его вклад в культуру и нравственный прогресс, некоторые авторы видят в том, что оное способствовало обогащению духовной жизни людей. Такая позиция связана с непомерно высокой оценкой роли монашества в духовном совершенствовании личности. Так, например, С. С. Аверинцев считает, что «богатая литература иноческих поучений и келейных самонаблюдений... заменяла собой средневековому человеку научную психологию, давала ощущение глубин, скрытых за поверхностью человеческого поведения, и сообщала психологические измерения искусству и поэзии» (1,41).

Объективно религиозно-аскетическая литература углубляла религиозное мироощущение, способствовала искажению реальных явлений и в средние века. Тем более применительно к России XIX века, где выросла светская культура, формировалась передовая философская, научная и общественно-политическая мысль. Рассматривать старчество как «особый путь самопознания» (Н. Павлович), а оптинских старцев как «умудренных» людей, духовных наставников не только простого народа, но и русской интеллигенции (В. Солоухин) было бы в корне неправильно.

На такого рода оценки оказывает влияние распространенный богословский тезис о том, что религия — источник богатой духовной жизни, что без веры в бога человек бездуховен. При этом почитатели старчества умалчивают о тех методах самосовершенствования человека, которые предлагались старцами. А ведь в результате у людей, не знающих истинного положения вещей, может сложиться неверное представление о духовной жизни в монастырях. Более того, современный человек при таких условиях может неправомерно перенести на монашескую, да и вообще на религиозную духовную жизнь понятия и оценки, принятые в социалистическом обществе.

В самом деле, для нас духовная жизнь — это сознательная, творческая деятельность человека, направленная на усвоение и совершенствование ценностей культуры — достижений науки, литературы и искусства, передовых философских идей, общечеловеческой нравственности. С таким пониманием мы связываем и духовное самосовершенствование. Если упустить из виду, что религиозный смысл этих понятий никак не соответствует нашему, то можно и впрямь предположить, что христианство «настойчиво культивирует добрую волю человека и говорит, что человек должен бороться с собой, с грехом, с тьмой и грязью за чистоту души, за ее спасение, самоусовершенствоваться» (11, 194).

Однако стоит обратиться к основным источникам по монашеской аскетике и сочинениям старцев, чтобы убедиться в несостоятельности попыток изобразить оптинских боголюбцев светочами духовной жизни, учителями общечеловеческой нравственности. Эти попытки опровергаются уже самой трактовкой старцами сущности «истинной» духовной жизни человека.

Научный подход к монашескому учению о человеке и его спасении позволяет увидеть мистифицированное, превратное понимание христианством природы человека. Она, согласно православному учению, в самой своей сути попорчена первородным грехом. Спасение для христианина — чудо. Спастись по неисповедимым судьбам божьим может и отвратительный человекоубийца или вздорный гуляка, а погибнуть в один миг — величайший аскет. Впасть в ужасный грех,— например, «гордости», по православным представлениям, может любой человек — достаточно ему хотя бы в тайниках своей души признать, что он самоусовершенствовался и вправе рассчитывать на награду. Ведь согласно творениям отцов церкви человек не имеет никакого права чувствовать удовлетворение от прожитой жизни.

Грех, в христианском его понимании, особенно в православно-монашеском, не есть частное несовершенство человека, которое можно было бы преодолеть человеческими же усилиями, и уж тем более не отдельные недостатки индивида, с которыми он мог бы бороться.

Оптинские старцы были вполне достойными преемниками основателей монашества, которые понимали духовную жизнь как «отсечение собственной воли», сознание своей греховности и вины, достижение «бесстрастия» и мистического соединения с богом. «Духовная жизнь... — писал, следуя отцам церкви, старец Макарий, — в том состоит... чтобы зреть свои согрешения» (6; I, 192), «нести духовный крест и научиться от сего терпению и смирению» (8, 205).

Духовная жизнь для старцев — это питание «внутреннего человека» и умерщвление «внешнего», «плотяного». «Когда внешний наш человек тлеет, то внутренний обновляется», — подчеркивал Макарий (8, 233). А «высокообразованный» старец Амвросий называл тело вполне в духе пустынножителей «жилищем червей» и «повапленным гробом» (9, 1). Монашеское понимание духовной жизни резко противопоставляется реальной жизни человека как природного и социального существа, третирует человеческое тело как грешную плоть, человеческие чувства как греховные страсти, а социальные потребности человека — как мирскую суету.

Пределом «духовного совершенствования» человека монашество провозглашало подавление основных человеческих потребностей ради «обожения». Это находило свое выражение в диковинных «подвигах» боголюбов — анахоретстве, затворничестве, столпничестве, постничестве, молчальничестве, «муке грязью» и многих других подобных видах «ангельского» жития. Требование преобразовать человеческую природу в ангельскую означало не что иное, как смерть, умерщвление живого в человеке.

Идеалом монашества и старчества в «духовном совершенствовании» служили подвижники, добивавшиеся такой победы над плотью, что у них «изгнивали уды» и начинались галлюцинации, например «преподобная» Мария Египетская, которая «боролась со страстями как со зверями», или сибирский старец Василиск, ощущавший «молитвенное глашение во всех членах своих и как бы какое-то звонцание».

□

Ориентация на такого рода идеалы приводила к глубочайшей дисгармонии реальной духовной жизни человека. Внутренний мир монаха — это терзания и мучения, сознание неизбывной виновности и полнейшего своего ничтожества. Старчество доводило до логического конца христианскую идею виновности человека, социальный смысл и психологический механизм действия которой превосходно выразил Ф. Энгельс: «На все жалобы по поводу тяжелых времен и по поводу всеобщей материальной и моральной нищеты христианское сознание греховности отвечало: да, это так, и иначе быть не может; в испорченности мира виноват ты, виноваты все вы, твоя и ваша собственная внутренняя испорченность! И где бы нашелся человек, который мог бы это отрицать?.. Ни один человек не мог отказаться от признания за собой части вины в общем несчастье, и признание это стало теперь предпосылкой духовного спасения, которое одновременно было провозглашено христианством» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 314).

В подчиненных им монахах, а также и в мирянах старцы, руководствуясь христианским учением о греховности, заботливо взращивали и гипертрофировали чувство вины перед богом. Это помогало укреплять монашескую дисциплину, заглушать чувство собственно-

Продолжение. Начало см. в № 4.

го достоинства, самоуважение и т. п. Когда к старцу Леониду приходил человек, не признававший за собой никакой вины, тот гнал его прочь, говоря: «Иди-ка, иди со своей праведностью, а нам, грешным, не мешай». Так повторялось до тех пор, пока человек не смирялся и не признавал свою виновность.

□

Основным условием старческого духовного руководства было «откровение помыслов». Один из монашеских авторитетов Феофан Освященный раскрыл его суть следующим образом: «Что влагается тебе в уме, повеждь пастырям, и они решат, истина ли тут или прикрытая ложь». От монахов требовали вести запись не только своих поступков, но даже и помыслов. «Монах, — наставлял еще в IV веке Антоний Великий, — если можно, должен спрашивать старцев о всяком шаге, который делает в келии своей, и о всякой капле воды, какую выпивает» (12, 17). Все это побуждало монахов к постоянному контролю, притом не только за своими реальными поступками, но и за намерениями, в которых им мерещилось греховное, «бесовское».

С помощью «откровения помыслов» оптинское старчество насаждало среди людей самые дикие суеверия. Монастырская жизнь была благодатной почвой, на которой несчетно плодились легенды о всевозможных чудесах, явлениях, видениях. Так, старец Амвросий занимался толкованием снов монахов и мирян по «Добротолюбию» и выделял «сны простые», «зрения» и «откровения». «Простые сны бывают людям обыкновенным... и наигрываются... от бесов. Зрения бывают людям... которые чрез зримое в сновидении благодетельствуемы бывают к постижению вещей божественных и к большему духовному восхождению. Откровения бывают людям... которые... достигли степени пророков церкви божией» (9, 15—16).

В умах многих монахов реальность переплеталась с самыми причудливыми вымыслами. Христос, богородица, ангелы, святые давали им о себе «знать» какими-либо неожиданными событиями, чудесными исцелениями, запахами, голосами, видениями. Аскетическое умерщвление плоти настолько расстраивало их психику, что такие люди оказывались подчас на грани умопомешательства. Не удивительно, что в монастырях, где постоянно велись разговоры о чудесном, создавалась атмосфера, предрасполагающая к галлюцинациям.

Из переписки старца Амвросия с одной из его «духовных дочерей» — монахиней — можно увидеть трагическую картину разрушения у этой образованной женщины психики, нарастания у нее полубредовых состояний, мало чем отличающихся от тех, которые переживали древние пустынники. «Вражеские искушения: тоска и страх, скорбь до исступления ума... Какой-то покой, но тайный голос предупреждал, что под этой тишиной кроется обольщение вражие...» — жалуется монахиня своему духовному отцу. И далее: «Бес явился и плясал некоторое время, хвалясь, что изобрел новое и сильное ухищрение... Враги душевные воздвигли такую брань, что мешают молиться, производя около шум и гул, как бы пляску целого хоровода».

Именно бесы более всего напоминают людям об их греховности, и борьба с ними входит в качестве основного, если не определяющего момента в монашеское понимание духовной жизни. Оптинские старцы категорически настаивали на признании реального существования рогатых и хвостатых служителей князя тьмы. Обитатели Оптиной пустыни и других монастырей часто «имели дело с бесами» и этим ничуть не отличались от Антония Великого (III—IV вв.), которого однажды «бесы избили так, что он два дня был как мертвый» (7; I, 183). Без постоянного противодействия бесам немыслимо было «духовное совершенствование», как его понимали старцы. «Некто спросил монаха: кто тебя научил молиться? Он ответил: бесы, — с умилением повествует один из ревнителей Оптиной пустыни. — Как бесы? — Да так! Они меня бороли разными помыслами, а я отбивался от них молитвой» (13, 220).

Поддерживая у подопечных тягу к подобного рода переживаниям, старцы ставили перед собой конкретную цель: монастырям — «цехам» по фабрикации чудес нужны были люди, способные искренне пережить «чудесные события» и убедить в их реальности других. Суеверное представление о чудодейственной силе, исходящей от старца, десятилетиями внедрялось в сознание людей через официальные церковные каналы. Как часто и подробно рассказывается об исцелениях — с помощью мощей, икон, лампадного масла, молитв, прикосновения старцев и т. д. — в православных изданиях XIX — начала XX века!

Письма оптинских старцев тоже живописуют чудесные исцеления. Так, Амвросий сообщал: «Два бесноватые исцелились, один — от чудотворной иконы божией матери, а другой от ключевой воды на даче. Это явное знамение благоволения божия к... обители, — многозначительно продолжает он, — и может служить началом прославления ея» (9, 32).

Именно с помощью старцев — на уровне лесных отшельников это было бы невозможно — монастырские чудотворцы попадали под контроль церковной иерархии, и помогало им в этом «откровение помыслов». Сны, галлюцинации, даже движения мысли старцы оценивали с нужных церкви позиций. Все это усугубляло присущую любой религии деформацию нравственных чувств. Это можно увидеть на примерах отношения старцев к трагическим ситуациям в жизни людей, к страданиям, болезни, смерти.

□

В полном соответствии с волей церковного и мирского начальства старцы рекомендовали рассматривать бедность, угнетение, тягостный труд, страдания как знак особого божьего благоволения. Кого бог хочет привлечь к себе, наставлял Макарий, того поражает скорбями, «бежать от скорбей — значит бежать от своего спасения». Следуя древним авторитетам, оптинские старцы учили относиться к болезни как к возможности поупражняться в аскетических подвигах. «Св. Лествичник, — писал Амвросий, — и болезнь называет подвижничеством, и притом подвижничеством отраднейшим, хотя и невольным» (7; I, 118).

Казалось бы, мужественное отношение к болезни и несчастьям следует поощрять. Однако в поучениях старцев речь идет не о мужестве, а о смирении. Социальная суть проповеди смирения по отношению ко всем бедам, постигающим людей, особенно обнажается в высказываниях старцев в связи с угрозой эпидемий. Слухи о приближении холеры побудили Макария написать: «Такого рода болезни попускаются для обращения нашего к богу», — и он советовал спасаться «покаянием и смирением» (8, 295). «В болезни чумы, — говорил старец Амвросий, — никто другой действует, как посланный от господа ангел наказания» (7; II, 111).

Не случайно в качестве образца кротости оптинская литература рекомендовала слепца Карпа, которому однажды игумен Варлаам, «искушая его», сказал: «Не хочешь ли поехать в Москву? Там есть искусные доктора, они бы сделали тебе операцию, и ты бы стал видеть». На что смиренник кротко пролепетал: «Что вы, что вы, батюшка... я этого вовсе не хочу, я спасаюсь своею слепотой» (3, 239, 240). За кротость раб божий Карп вошел в хронику обители как праведник, лицо которого якобы просияло перед смертью, а от тела на третий день не было ни малейшего запаха.

Оптинские старцы рассматривали болезнь и смерть как избавление и от «еще большего зла» — неверия, свободомыслия. Некую А. С., плакавшую о покойном брате, Макарий «утешал» следующим образом: «В нынешние времена не только жалеть, но надо радоваться, когда кто отходит юный, не зараженный нынешними вредными мнениями безверия, маловерия, своеверия» (6; III, 345). Женщине, переживавшей из-за больного брата, по-видимому, уже «зараженного» идеями свободомыслия, Амвросий пишет: «Болезнь телесная ему на великую пользу. Если он умрет и чахоткою, не сожалей. Если болезнь чахоточная его не вразумит и не обратит к вере и к богу, то ничто другое не может ему принести никакой пользы» (7; II, 119).

Отсутствие полнокровной жизни, сужение духовного горизонта религиозно-аскетическими предписаниями неизбежно замыкало сознание монашества на мысли о смерти.

Смерть во всех ее аспектах — физиологическом, психологическом, моральном — для старцев неизменный объект любования. «Мое любимое поучение, — говорил Макарий, — поучение о смерти». Понятия жизни и смерти у них не только смещались, но и совмещались, отождествлялись в полном соответствии с христианским учением о жизни истинной — на небесах и неистинной — на земле. С каким смакованием и одновременно тайным, по-человечески вполне понятным ужасом пишет о смерти Макарий: «С моим зачатием написывался внутри меня закон разрушения; на каждый вновь образующийся член смерть накладывала свое грозное клеймо, говоря: он мой. Цепь дней моих есть цепь больших или меньших страданий; каждый новый день моей жизни есть новый шаг, приближающий меня к истлению» (8, 98).

Некая помещица Ключарева при содействии старца Амвросия приобрела недалеко от Оптиной пустыни имение. Жила она вместе с двумя внучками-близнецами. Амвросий следил за воспи-

танием девочек, приучал их к мысли о ранней смерти и добился в этом немалых успехов. Девочки будто бы не раз говорили: «Мы не хотим жить дольше 12 лет, что хорошего в этой жизни». Старцу, видно, удалось укрепить девочек в этом настроении. К девочкам приставили «благочестивую особу», которая должна была, как говорил Амвросий одной даме-благотворительнице, «их наставить и приготовить к будущей жизни». В самом деле, через два года после кончины Ключаревой, завещавшей имение монастырю, девочки, приехав к старцу, внезапно заболели и одна за другой умерли. «Это пророческое исполнение во всей своей силе! Вот и детей не стало, и обитель в их имении устроилась!» — восторженно писала почитательница старца (14, 4). Так на смерти двух девочек был воздвигнут Шамордин монастырь (см. также: 13, 284—285).

□

Постоянно окруженные людьми, домогавшимися у них совета и благословения, уверенные в своем праве распоряжаться чужой жизнью на основе благодати свыше, старцы были, как правило, весьма капризны и своевольны. С монахами и посетителями они церемонились мало. Первый оптинский старец Леонид был, судя по свидетельствам его биографа, человек малообразованный, грубый. Биографы Леонида, выпустившие о нем книгу в 1917 году, вынуждены были признать, что верующим приходилось выслушивать «неприличные речи» старца. Он юродствовал, но его самодурство представлялось в наилучшем свете: «Сам господь умудрил его под видом буйства Христа ради приносить душевную пользу ближним» (5, 80, 81).

Стиль «духовного руководства» не изменился и позже. Письма Макария и Амвросия, считавшихся интеллектуальной и нравственной вершиной старчества, представляют собой разоблачительный материал огромной силы. Они полны упреков и ругательств. Проповеди смирения, покаяния, самоуничижения (Макарий, например, называл себя «греховным блатом (болотом), источающим смердячую воду»), кочующие из письма в письмо, резко противоречат тону посланий. «Дура ты из дур, — пишет Амвросий монахине, усомнившейся в одном евангельском положении. — Смирись, оставь безумие свое...» (7; II, 40).

Диктуемый религией взгляд на человека как греховную, ничтожную тварь с неизбежностью дополняется отсутствием элементарного к нему уважения. Стиль духовного руководства, свойственный оптинским старцам, невольно вызывает в памяти горькие слова Ивана Карамазова: «У нас историческое, непосредственное и ближайшее наслаждение истязанием битья». Леонид, случалось, отгонял палкой приближавшихся к нему посетителей из простонародья. Амвросий «в знак особого старческого благоволения» мог стукнуть по голове. Бывало, что в целях «окормления» он дергал некоторых за бороду и бил по щекам. Старец «при откровении помыслов», — умиляются его биографы, — «иногда наносил... удары... костылем, или палками, или плетками, которыми бьют мух... В видах, ему известных, он, ничтоже сумняся, в некоторых случаях награждал пощечиной и иеромонахов» (4, 132). Биограф Амвросия восхищается и тем, что крестьянки, страдавшие головными болями, приходили к старцу и просили: «Побей меня, голова болит».

Уже этих фактов достаточно, чтобы увидеть несостоятельность мифа о «сухоньких старичках» — праведниках, дающих народу «напутствующее, поучающее... слово» (11, 190). Могли ли старцы на основе подобных представлений о «духовной жизни» и с помощью таких методов воспитывать у людей общечеловеческие нравственные качества? Могли стать человек, попавший в сферу их влияния, лучше, чище, благороднее? Это принципиальный вопрос, правильное решение которого помогает нам выявить истинную роль старчества в нравственном развитии народа.

Нравственные воззрения старцев подчинены аскетическим принципам и далеки от общечеловеческих идеалов. Иные из поступивших в монастырь людей приходили в недоумение и отчаяние, настолько не соответствовали их представления о духовной жизни действительной практике старческого окормления. Впечатлительный юноша Павел Тамбовцев, который вначале «ловил капли благодати из уст старца», через пять лет пребывания в Оптиной пустыни пришел в крайнее смущение от поведения своих наставников. Мучимый сомнениями, он обратился к старцу Леониду с письменными вопросами, на которые тот ответил записками. Ответы старца особого интереса не представляют — это упреки в непослушании, недостатке смирения, в дерзости, подозрительности и т. д. Но вопросы юноши, живописующие дух взаимоотношений обитателей Оптиной пустыни, показывают, что для мыслящего и чувствующего человека пребывание в монастыре становилось трагедией.

Вот некоторые из этих вопросов: «Как поступать, когда я... н в тебе, отче, иногда, не видя старческой кротости в обращении с другими, также оскорбляюсь? Почему в течение пятилетнего жительства в пустынной здешней обители, стараясь сколько-нибудь о собственном назидании, я чувствую, напротив, что действительно сделался хуже, о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и недостаток великодушия? ...Каким образом поступать тогда, когда бываю в кругу первейших обители нашей старцев, которые иногда между собой в разговорах помещают такие происшествия, что, слыша оные, трудно одержать победу над смехом? Как избавиться от угнетения духа уныния?» (5, 159—171).

На последний вопрос старец ответил так: «Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать тягостного мрака уныния». Очевидно, Павел Тамбовцев так и не смог обрести «свободу от собственной воли» — «мрак уныния» привел его к смерти в возрасте 26 лет.

□

Итак, «духовная пища», какую предлагали оптинские старцы, — это смирение. «Считать себя за ничто и иметь себя под всеми», — поучал Макарий (6; III, 133). Амвросий писал, что «смирение состоит в том, когда человек видит себя худшим всех, не только людей, но и бессловесных животных, и даже самых духов злобы» (13, 200).

Смирение ставится старцами настолько высоко, что ради него отвергаются любые достоинства человека. В качестве образца для подражания ученики и последователи оптинских старцев рекомендовали читающей русской публике «смиренного послушника Николашу — ангела божия, человека небесного», который никому не перечил и все улыбался, за что и сподобился перед кончиной созерцать «видение благодатное». (3, 197, 198).

Смирение, взятое в социальном аспекте, означает полный отказ от личной самостоятельности, абсолютное подчинение руководству вышестоящих, а значит, церковному и всякому прочему начальству. «Отсечение своей воли, — наставляет Макарий, — и не составление своего разума есть первое средство к стяжанию смирения» (8, 7—8). В «Добротолюбии» можно найти немало мест, дающих представление о монашеском идеале духовного совершенствования в послушании. Так, один из почитаемых православием «учителей духовной жизни», автор настольной книги для иноков «Лествица», Иоанн Лествичник назвал послушание «погребением своей воли», «совершенным отречением от своей души». «Послушание есть... добровольная смерть... гроб собственной воли и воскресение смирения, — поучал этот идеолог старчества. — Послушный, как мертвый, не противоречит и не рассуждает ни в добром, ни в мнимо худом; ибо за все должен отвечать тот, кто благочестиво умертвил душу его» (цит. по: 12, 21).

«После того, как предашь ты всего себя духовному отцу своему, — писал один из наивысших авторитетов православного монашества Симеон Новый Богослов, — знай, что ты чужд всему, что принес со вне, вещи ли то какие или деньги, почему ничего не делай с ними без его воли и ничего не проси себе у него из того: ни малого, ни большого; разве только сам он по собственному произволению, или тебе велит взять что, или собственноручно даст тебе то» (12, 24).

Старческое окормление опутывало человека густой сетью запретов. Иоанну Лествичнику принадлежит парадоксальное утверждение, как нельзя лучше обнажающее социальную суть старчества. «Лучше грешить против бога, — поучает он, — чем против начальствующего, ибо грех против бога начальствующий может отпустить. Но кто отпустит грех против начальствующего?» (цит. по: 10, 33). «Решение начальника есть воля правителя всяческих», — поучал старец Леонид (5, 173).

Следует отметить, что православная церковь пропагандировала и тип старца-отшельника, отличный от Леонида или Амвросия. Примером может служить легенда о жизни Серафима Саровского. Больше всего идеологи церкви прославляли его смирение и отречение от своей воли. «Он всегда таков: сносит обиды и даже побои, побеждает великую гордость людскую великим смирением» (2, 5—6). Аскетизм Серафима, его способность выдерживать невыносимые условия жизни — удобный пример для неимущих. Зимой он жил в нетопленной келье, спал сначала сидя, потом — в гробу. Под рубашкой носил 20 фунтов железных крестов, еще надевал железный пояс, на спину взваливал мешок с камнями, время от време-

ни таскал железо из одного угла кельи в другой. Днем старец читал Библию, ночью творил молитву.

Старец такого типа дает модель поведения, рассчитанную на эксплуатируемых. Вот почему ее активно поддерживали и пропагандировали идеологи самодержавия и православия, стремившиеся обеспечить классовый мир. Протоиерей Введенский, биограф Серафима, подчеркивал, что он являет собою «пример довольства скромною долею и умения мириться с ней во имя веры». Оптинский старец Макарий пояснял: «Вера соединяла и скрепляла все сословия союзом любви и повиновением воле божией чрез исполнение заповедей его» (8, 380).

Церковь часто рисовала народу идиллические картинки умильного единения неимущих с богачами, используя для этого легенды о старцах, называя бедных «смиренников» «богатырями духовными». «Святыня православия тем дорога, — отмечал В. И. Ленин, — что учит „безропотно“ переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня!.. Вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 265).

Окончание следует

ИСТОЧНИКИ

1. С. С. Аверинцев. Судьбы европейской культурной традиции в эпоху перехода от античности к средневековью. В кн: «Из истории культуры средних веков и Возрождения». М., 1976.

2. Дм. Введенский. Дивный старец. М., 1902.

3. Историческое описание Козельской введенской Оптиной пустыни. М., 1876.

4. Историческое описание Козельской Оптиной пустыни и Предтечева скита (Калужской губернии). 1902.

5. Первый великий старец оптинский иеромонах Леонид (в схиме Лев). Шамордино, 1917.

6. Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария к монашествующим. М., 1862, т. 1, 2, 3.

7. Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к монашествующим, ч. I, 1908; ч. II, 1909.

8. Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Макария к мирским особам. М., 1880.

9. Собрание писем блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия к мирским особам, ч. I. Сергиев Посад, 1908.

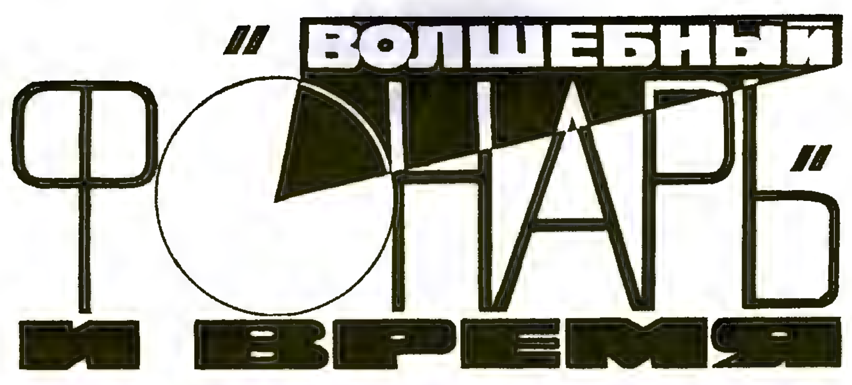
10. И. Смолич. Жизнь и учение старцев. Вена, 1936.

11. Вл. Солоухин. Время собирать камни. «Москва», 1980, № 2.

12. Старчество. Мысли святых отцов о необходимости и пользе старческого руководства в духовной жизни. М., 1910.

13. С. Четвериков, протоиерей. Описание жизни блаженныя памяти оптинского старца иеросхимонаха Амвросия. Козельская Оптина пустынь, 1912.

14. А. А. Шишкова. Несколько дополнений к статьям об отце Амвросии. М., 1893.

Б. СВЕРДЛОВ,
кандидат юридических наук

Многие исследователи доказывают — и небезосновательно, — что еще в глубокой древности служители культа использовали технические средства для пропаганды своих идей. Например, есть основания полагать, что мистические картинки, демонстрировавшиеся в Древнем Египте на празднествах в честь богини Исиды, были элементарной оптической проекцией. Ее секреты были известны и священнослужителям Древнего Рима.

Утраченное в средние века искусство возродилось в первой половине XVII века, когда монах-иезуит Афанасий Кирхер показал в Риме отцам церкви свое изобретение — аппарат, с помощью которого любое изображение, сделанное на прозрачном материале, проецировалось на экран. Этот прообраз современного диапроектора изобретатель назвал «волшебным фонарем».

Оптическая схема диапроектора, предложенного Кирхером, была настолько совершенна, что почти без изменений сохранилась до нашего времени. Изобретение встретило поддержку со стороны иерархов католической церкви и сразу же нашло практическое применение. Обычно «волшебный фонарь» скрытно устанавливали в алтаре и в самый напряженный момент богослужения перед глазами изумленных и потрясенных молящихся на стенах храма вдруг возникали страшные видения: ад, Сатана и т. п.

В России также сохранились документальные свидетельства использования «волшебного фонаря» священнослужителями. Первые, известные нам русские серии диапозитивов на религиозные сюжеты были публично продемонстрированы 28 декабря 1871 года в Петербурге, в народной аудитории во время лекции «О святой Земле». Диапозитивы были разработаны преподавателем закона божьего 1-й военной гимназии протоиереем В. Г. Певцевым. В то время духовным лицам не разрешалось читать публичных лекций, но для этой было сделано исключение. Позднее право выступать с подобными лекциями было предоставлено и другим священнослужителям. Со временем в их распоряжение поступили серии: «К священной истории Нового завета», «К истории христианства на Руси» и т. п.

Со второй половины XIX века «волшебный фонарь» стал использоваться в «народных чтениях». Известный общественный деятель Г. Н. Жуков писал об этом так: «За последнюю четверть истекшего века истинные радетели народного образования решили пользо-

На текущій и будущій годъ

принимается подписка на журналъ

„ВОЛШЕБНЫЙ ФОНАРЬ",

посвященный вопросамъ устройства и постановки народныхъ чтеній, организація образовательныхъ чтеній для учащихся и научныхъ демонстрированій на лекціяхъ помощью волшебнаго фонаря.

Журналъ разрѣшенъ для народныхъ библіотекъ, школъ и читаленъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

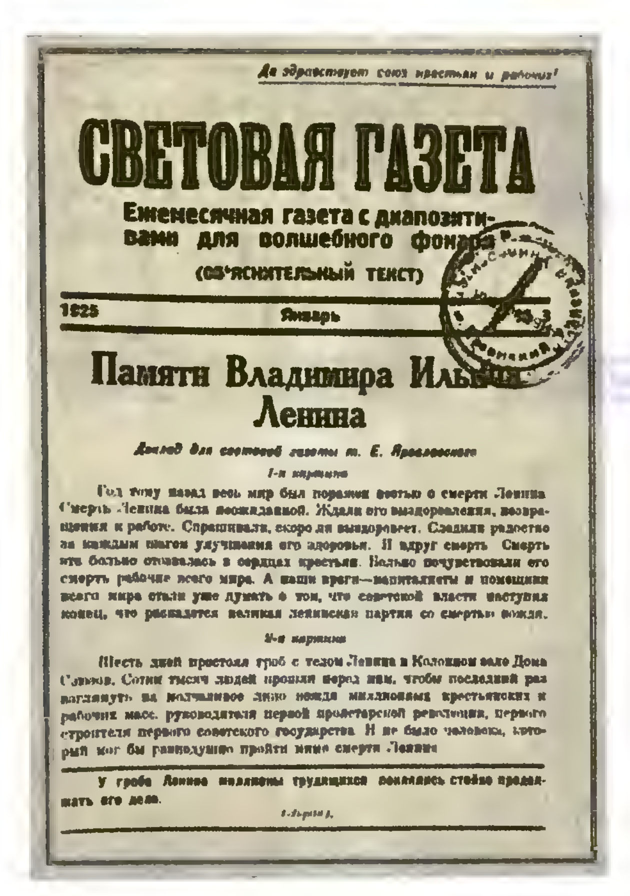
Правительственныя распоряженія, касающіяся народныхъ чтеній. Усовершенствованія въ техникѣ волшебнаго фонаря и картинъ къ нему. Изготовленіе картинъ. Новые приборы и принадлежности для освѣщенія. Наставленія какъ управлять фонаремъ и демонстрировать въ немъ научные опыты. Организація и устройство аудиторій и народныхъ домовъ. Тексты къ новымъ чтеніямъ съ картинами.

Объявление о подписке из журнала «Волшебный фонарь».

Диапозитивы первых лет Советской власти.

Да здравствует союз крестьян и рабочих!

СВЕТОВАЯ ГАЗЕТА

Ежемесячная газета с диапозитивами для волшебного фонаря

(ОБ'ЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТ)

1925 Январь

Памяти Владимира Ильича Ленина

Доклад для световой газеты т. Е. Ярославского

1-я картина

Год тому назад весь мир был поражен вестью о смерти Ленина. Смерть Ленина была неожиданной. Ждали его выздоровления, возвращения к работе. Спрашивали, скоро ли выздоровеет. Следили радостно за каждым шагом улучшения его здоровья. И вдруг смерть. Смерть эта больно отозвалась в сердцах крестьян. Больно почувствовали его смерть рабочие всего мира. А наши враги — капиталисты и помещики всего мира стали уже думать о том, что советской власти наступил конец, что распадется великая ленинская партия со смертью вождя.

2-я картина

Шесть дней простоял гроб с телом Ленина в Колонном зале Дома Союзов. Сотни тысяч людей прошли перед ним, чтобы последний раз взглянуть на молчаливое лицо вождя миллионных крестьянских и рабочих масс, руководителя первой пролетарской революции, первого строителя первого советского государства. И не было человека, который мог бы равнодушно пройти мимо смерти Ленина.

У гроба Ленина миллионы трудящихся поклялись стойко продолжать его дело.

Титульный лист «световой газеты» — уникального журнала, посвященного использованию диапозитивов в пропаганде.

ваться услугами этого прекрасного орудия для распространения образования». Сопровождали свои лекции демонстрацией диапозитивов К. А. Тимирязев и А. П. Чехов. Энтузиастом использования технических средств в народном просвещении был Л. Н. Толстой.

Царские власти чинили всяческие препятствия любой просветительской деятельности. Так, по высочайше утвержденному положению о народных чтениях с «волшебным фонарем» предписывалось не только «чтобы чтения не говорились, а читались по тексту», но и одновременно устанавливалось правило, согласно которому текст лекции и иллюстрирующие ее диапозитивы проходили двойную цензуру — правительственную и церковную. Разумеется, это вызывало негативную реакцию общественности. Комиссия по организации народных чтений по медицине и гигиене в своем докладе Московскому уездному санитарному совету, в частности, отмечала, что условие, по которому «наблюдение за народной аудиторией возлагается на духовенство... комиссия не признает нормальным вообще, а по отношению к медицинским чтениям в особенности».

Использование технических средств в религиозной пропаганде привлекло внимание В. И. Ленина. В 1913 году он опубликовал в газете «Правда» (№ 120) статью «Организация масс немецкими католиками», где писал: «Ведется особая «социально-политическая», особая «апологетическая» (т. е. защищающая религию и христианство) корреспонденция. Издаются серии брошюр по всем вопросам. Рассылается в год до 5000 конспектов разных рефератов. Особое отделение работает над пропагандой посредством кинематографа».

Революция внесла коренные изменения в методику пропаганды, в том числе антирелигиозной. Использование наглядной агитации и технических средств рассматривалось как естественный процесс. Более того, в молодом Советском государстве технические средства пропаганды были приравнены к боевому оружию. Видный партийный пропагандист В. А. Карпинский писал: «С переходом государственной власти к пролетариату естественно возник вопрос об использовании для агитации и пропаганды всех богатейших средств техники, науки, искусства, которыми располагает современное государство».

В самые трудные для страны дни важнейшие партийные документы, включая Программу партии, подчеркивали необходимость использования технических средств в решении агитационно-пропагандистских задач. Причем виды технических средств назывались предельно конкретно: «волшебный фонарь», «кинематограф», «советская пластинка».

В частности, рассказывая о необходимости организации в крестьянских аудиториях углубленного изучения партийных и советских документов, VIII съезд партии указывал, что формой их изучения могут быть лекционные чтения. «Такие чтения, — отмечалось в резолюции съезда, — желательно сопровождать наглядными демонстрациями при помощи кинематографа или волшебного фонаря».

В. И. Ленин уделял большое внимание развитию этого вида пропаганды. Еще в апреле 1919 года, ознакомившись на заседании Совнаркома с материалами о вскрытии мощей в Троице-Сергиевой лавре, Владимир Ильич пишет поручение секретарю использовать в пропаганде документальные кинокадры, зафиксировавшие это событие: «Надо **проследить** и **проверить**, чтобы поскорее показали это кино во всей Москве». А вот свидетельство управляющего делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича: «Владимир Ильич всегда спрашивал: снимают ли киноленты, когда вскрывают мощи различных святых? — Показать то, чем были набиты попами эти чучела, показать, что покоилось, какие именно «святости» в этих богатых раках, к чему так много веков с благоговением относился народ и за что так умело стригли шерсть с простолюдина служители алтаря — этого одного достаточно, чтобы оттолкнуть от религии сотни тысяч лиц, — не раз говорил Владимир Ильич».

Несмотря на все трудности того периода, технические средства пропаганды пробивали дорогу в самые глубинные районы страны. Так, вице-президент Академии медицинских наук В. В. Кованов, вспоминая, например, о работе, которую в начале 20-х годов проводили комсомольцы в отдаленном уезде Нижегородской губернии, говорил, что лекции и беседы по антирелигиозным вопросам часто сопровождались демонстрацией диапозитивов, потому что «волшебный фонарь» вызывал повышенный интерес деревенской молодежи.

О размахе использования технических средств в атеистической пропаганде убедительно говорят такие данные: только за 1919 — 1920 годы лекции, большинство из которых сопровождалось визуальной информацией, прослушали около 235 тысяч человек. Особенно в те годы был популярен опыт ростовчан. Так, в начале 20-х годов политпросвет Донской области развернул антирелигиозную выставку, во время которой выступления сопровождались демонстрацией диапозитивов, что неизменно производило большое впечатление на слушателей.

Каким же образом удавалось в тот трудный для страны период вести целенаправленную атеистическую пропаганду с использованием технических средств?

В годы гражданской войны в стране был налажен централизованный выпуск диапозитивов антирелигиозной направленности. К их созданию привлекались лучшие научные силы республики.

Государственным центром, сосредоточившим в 1920 году разработку и издание диапозитивов, а также методическое обеспечение их использования, стал Главный политико-просветительный комитет Республики (Главполитпросвет). Среди самых первых централизованно изданных диапозитивов были специально атеистические серии «Происхождение мира», «Происхождение человека» и т. д. Конечно, изданных только в центре диапозитивов не хватало. Поэтому на местах их либо копировали, либо создавали заново, используя рисунки антирелигиозного содержания из брошюр и журналов.

Параллельно шла и подготовка специалистов. В сентябре 1918 года были созданы курсы по подготовке инструкторов-пропагандистов. На этих курсах готовили и антирелигиозников. Лекционный курс читал А. В. Луначарский. Одним из главных учебных предметов был «Технические средства пропаганды». По программе на изучение методики использования «волшебного фонаря» и кинематографа в устной пропаганде отводилось 12 часов лекций и 18 — практических занятий. Кроме того, Главполитпросвет издавал ежемесячник «Световая газета». В нем публиковали пояснительный текст к сериям диапозитивов, а также статьи, объясняющие методику применения диапроекции в атеистической пропаганде.

Технические средства пропаганды позволили резко поднять эффективность пропагандистского искусства, которое, по определению В. И. Ленина, «в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой».

г. Казань

УЧИТЫВАЯ МЕСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Х. НАБИЕВ,
руководитель лекторской группы
Наманганского обкома
КП Узбекистана,
кандидат экономических наук,

М. ХАДЖИМИРЗАЕВ,
лектор,
кандидат исторических наук

ДУХОВНЫЙ ОБЛИК советского человека, его мировоззрение складываются под влиянием всего социалистического уклада нашей жизни, в процессе активного участия в строительстве коммунизма. Но это, разумеется, не исключает, а, напротив, предполагает целенаправленную идейно-воспитательную работу партийных организаций. Комплексный подход к воспитанию необходимо включает в себя и формирование атеистических убеждений. Именно так и организует атеистическую работу партийная организация Наманганской области Узбекистана.

В 1978 году Институт философии и права Академии наук Узбекской ССР и Наманганский обком партии провели социологические исследования, которые показали, что 83 процента жителей области свободны от влияния религии, остальные в той или иной степени подвержены ее воздействию. Более всего это проявляется в сохранении бытовых обрядов, связанных с исламом, в поклонении святым местам, в живучести суеверий. Эти исследования показали коренные качественные изменения массового сознания в нашем крае, где еще несколько десятилетий назад мусульманская идеология господствовала во всех сферах жизни.

Наманган был одним из видных мусульманских центров Средней Азии. В городе действовало 300 мечетей, около 20 медресе — духовных школ. Тысячи проповедников каждодневно внушали наманганцам, что единственно истинный в жизни путь — тот, что указан Аллахом, и любое отступление от него повлечет страшные наказания на том свете.

Преобразования в жизни народов Средней Азии за годы Советской власти изменили их сознание. У людей сейчас иные нравственные ориентиры, они живут по законам коммунистической морали. Тем не менее атеистическое воспитание не снято с повестки дня. Об этом напоминают нам и результаты социологических исследований.

Партийные организации нашей области регулярно обсуждают вопросы атеистического воспитания. Для руководства и координации научно-атеистических мероприятий при обкоме партии создан совет по научному атеизму, пропаганде и внедрению в быт трудящихся новых обрядов. Такие же советы созданы при горкоме и при всех райкомах партии. Это заметно активизировало работу, послужило стимулом к поиску новых, более интересных ее форм.

Сегодня наша область располагает хорошей базой для всесторонней пропаганды научного атеизма. У нас действует филиал республиканского Дома научного атеизма, на общественных началах создано свыше ста атеистических клубов, около двухсот радио- и кинолекториев. Атеистическим воспитанием активно занимаются партийные пропагандисты, ученые, преподаватели вузов, техникумов, школ, врачи, студенты.

В среднем за год в области по этой тематике читается 11 тысяч лекций, проводятся сотни вечеров вопросов и ответов. Но мы не ограничиваемся этими формами работы. У нас организуются выставки атеистической литературы в клубах и дворцах культуры, проводятся диспуты, научно-практические конференции по атеизму, встречи с известными в области людьми. Одна из важных форм — индивидуальные беседы с верующими. Для этого мы готовим специальные кадры, ибо не всякий, даже опытный лектор может вести индивидуальный разговор с верующим.

Социологические исследования позволили нам дифференцированно подойти к организации работы в разных населенных пунктах, среди различных слоев населения — в зависимости от образовательного уровня трудящихся, их социальной активности, степени и особенностей проявления религиозности. В частности, исследования показали, что большинство верующих — женщины, а среди них — домохозяйки. Оторванные по тем или иным причинам от сферы производства, от общественной жизни, замкнутые в узком домашнем мире, они оказываются главными хранительницами отживших традиций, передают их детям и тем самым в известной мере способствуют воспроизводству религии.

В связи с этим партийные организации области большое внимание уделяют работе с женщинами. Наша цель — вовлечь их в общественную жизнь, повысить образовательный и культурный уровень. В колхозах и совхозах, на промышленных предприятиях у нас действуют женсоветы, которые внимательно относятся ко всем сторонам жизни женщин, не ограничиваясь пределами производства. Созданы четыре народных университета для женщин, 10 университетов гигиены и культуры быта — в них занимаются 7 тысяч женщин.

Поучителен опыт работы женского совета Наманганского комбината ковровых тканей. В нем 11 человек — представители партийной и общественных организаций, передовики производства, ветераны труда. По инициативе совета в махаллях Иттифак, Хакикат, Ударник, где живут работницы комбината, созданы университеты культуры и быта, женские лектории. К участию в них привлекаются и домохозяйки. В гости к женщинам этих жилых кварталов часто приходят руководители городских хозяйств, учителя, ученые, писатели, артисты. Устраиваются консультации юристов, врачей. Такая работа эффективна. На комбинате из года в год увеличивается число женщин-работниц. Придя на это производство, женщины, за редким исключением, уже с ним не расстаются. Здесь созданы все условия для плодотворного труда и отдыха, повышения общеобразовательного и профессионального уровня рабочих, здесь здоровая нравственная атмосфера, и женщины всей душой чувствуют, как много дает им принадлежность к такому коллективу. Ансамбль народной песни и танца «Атлас» этого комбината известен всему городу, в нем участвуют 60 женщин. Работницы охотно посещают занятия народного университета «Здоровье». Поработав некоторое время на комбинате, многие поступают в институты, техникумы, вечерние школы, где учатся без отрыва от производства. Этот коллектив воспитал из числа женщин многих ответственных партийных и комсомольских работников, руководителей других предприятий, учреждений. Среди них — М. Шарипова, она была секретарем Наманганского горкома комсомола, теперь секретарь парткома на комбинате, З. Ташходжаева — директор художественной фабрики, М. Курбанова — руководитель объединения «Облшвейбыт» и другие. 10 работниц комбината — депутаты местных Советов.

Есть в нашей области и другие предприятия, где ведется эффективная воспитательная работа среди женщин и девушек. Хорошо она организована и во многих общеобразовательных школах, профессионально-технических училищах, высших и средних специальных учебных заведениях.

В Чустском педагогическом училище 1000 учащихся и более 700 из них — девушки. Они занимаются в спортивных секциях, в кружках художественной самодеятельности. Ансамбль училища «Гулрух» — лауреат республиканского конкурса коллективов художественной самодеятельности. На высоком уровне организовано в этом учебном заведении атеистическое воспитание. Один раз в неделю в учебных группах проходят атеистические беседы, два раза в неделю атеистические передачи звучат по местному радио. Кроме того, регулярно читаются лекции по атеизму. В кружке научного атеизма учащиеся готовятся к будущей пропагандистской работе. Они участвуют в выездах агитбригады и выступают перед рабочими и колхозниками района с лекциями и беседами о происхождении ислама, его роли в судьбах народов Средней Азии, о сущности мусульманских обычаев и обрядов.

Не только в этом училище вовлекают молодежь в атеистическую пропаганду. Почти во всех учебных заведениях области есть кружки атеистов, готовящие пропагандистов, а при педагогическом институте и медицинском училище с 1975 года на факультетах общественных профессий действуют отделения по подготовке лекторов-атеистов.

Проблема кадров пропагандистов атеизма — одна из самых важных. У нас этому уделяется серьезное внимание. В областном университете марксизма-ленинизма есть факультет атеизма. В Намангане и во всех районах области постоянно действуют двухгодичные семинары, изучающие историю религии и атеизма, вопросы теории и практики атеистического воспитания, есть 11 народных университетов научного атеизма.

Многое делают для атеистического воспитания трудящихся народные университеты гигиены и культуры быта. В колхозе имени Куйбышева Касансайско-

го района уже 10 лет действует такой университет. На колхозные средства оборудованы кабинеты для занятий. В этом университете занимаются в основном колхозницы и домохозяйки. Врачи, учителя, агрономы, работники культурно-просветительных учреждений знакомят их с правилами гигиены быта, советуют, как обставить квартиру, создать в доме уют, как пользоваться современной домашней техникой, учат кройке, шитью. Передовая доярка колхоза О. Рахимова, прослушавшая курс университета, от души посоветовала своим подругам и соседкам пойти туда заниматься. Бригадир крупной хлопководческой бригады Ш. Латыпова, звеньевая Б. Ахмедова, их подруги Х. Муминова, М. Махкамова, обучившись в этом университете, сами стали активными пропагандистами нового быта, в котором нет места устаревшим обычаям, ограничивающим жизнь женщины-узбечки узким домашним кругом.

В Наманганской области, как уже говорилось, есть еще немало паломников к святым местам. Но жизнь показала, что люди перестают верить в их чудодейственную силу, если им хорошо разъяснить происхождение святых мест, а порой помочь им в том, о чем они просят святых.

Большой популярностью у верующих пользовалась местность Сумбул-мазар. Растение сумбул считалось священным, его способность снимать головные боли приписывалась сверхъестественным силам. Жаждущие исцеления платили солидные суммы хранителям Сумбул-мазара за то, что они совершали вокруг этой травы «необходимые ритуалы», без которых якобы сумбул не поможет. Медики, изучившие эту траву, установили, что она благодаря своим природным свойствам может оказывать благоприятное воздействие при головных болях, гипертонической болезни. Это лекарственное растение не более «божественно», чем, скажем, корень валерианы или ландыш, камфарное дерево и т. д. Вокруг Сумбул-мазара была проведена разъяснительная работа. Люди перестали поклоняться траве сумбул, а просто используют ее в лечении, как и многие другие средства народной медицины.

Недавно в Намангане выпущен плакат «Правда о святых местах». Областные и районные газеты, передачи радиовещания рассказывают правду о популярных местах паломничества, что способствует затуханию этих очагов невежества и антисанитарии.

Органической, необходимой частью атеистического воспитания стало у нас внедрение в быт новых обрядов и ритуалов. Создаваемые с учетом национальных особенностей, новых черт жизни, они духовно обогащают людей, способствуют формированию активной жизненной позиции, постепенному вытеснению из быта обрядов религиозных. Партийные, советские и общественные организации области многое сделали для создания системы новой обрядности, которая охватывает различные сферы жизни и деятельности трудящихся. Тут нашли отражение характерные черты советского образа жизни, идеи социалистического интернационализма, дружбы народов. Важно, что в этих новых обрядах сохранилось и национальное своеобразие быта, отразились добрые традиции узбекского народа.

Лучше всего внедрение новых обрядов идет там, где в этом принимают участие все жители кишлаков, поселков, кварталов. Именно так обстоит дело в Чустском, Касансайском районах. Районные комитеты партии, исполкомы Советов народных депутатов этих районов, разрабатывая и рекомендуя тот или иной новый обряд, ритуал, выносят его на суд сельских сходов. Примечательно, что в обсуждении участвует много женщин. Часто такие сходы превращаются в торжественный праздник, что тоже стало традицией. Организаторы его заботятся о том, чтобы участники схода получили полезную информацию, посмотрели новый обряд или ритуал, приуроченный к какому-то конкретному событию.

Разносторонняя агитационно-массовая работа, связанная с внедрением новых, прогрессивных обрядов и ритуалов, дает хорошие результаты. В сельской местности стали современнее такие традиционные семейно-бытовые обряды, как свадьба. Так, большая часть свадеб проходит в торжественной, праздничной обстановке, без разорительного застолья, устрашающего количества подарков, демонстрирующих богатство гостей.

В жизни наманганских трудящихся появилось много новых праздников, а часть старых наполнилась новым содержанием или в чем-то изменила свою форму. Традицией стало торжественное празднование 1 Мая, годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, Дня Победы, 8 Марта, Дня Конституции и т. д. Прочно утвердились в быту золотые и серебряные свадьбы. Традиционны уже посвящение в рабочие, колхозники, торжественное вручение свидетельств о рождении и первых паспортов, дни «Серпа и Молота», праздник «Дары земли Наманганской». Древний праздник весны — новруз-байрам теперь отмечается как торжество труда, в нем отразился оптимизм нашего народа, его умение и веселиться, и решать большие хозяйственные задачи.

Тесно связанные с практическими, хозяйственными и общественными делами, новые праздники несут в себе богатый воспитательный заряд, прививают уважение к труду, к коллективу, способствуют утверждению нового быта, повышению социально-политической активности трудящихся. В них ярко проявляется также забота о человеке, ибо именно человек труда всегда в центре любого нового праздника.

Последнее время у нас все чаще средоточием всей идеологической, политико-воспитательной работы, патриотического и интернационального воспитания трудящихся становятся дома и кабинеты боевой и трудовой славы. Сегодня они созданы в Намангане и восьми районных центрах, в 142 колхозах и совхозах, на крупных предприятиях, в 19 учебных заведениях и 322 общеобразовательных школах области. В них собраны материалы, документы, фотографии, магнитофонные записи, рассказывающие об истории предприятий, колхозов, совхозов, учебных заведений, показывающие трудовой и боевой путь знатных людей, принимавших активное участие в становлении и укреплении Советской власти, в Великой Отечественной войне.

В домах боевой и трудовой славы организуются встречи с ветеранами партии и революции, войны и труда, здесь вручают комсомольские билеты, паспорта, свидетельства о рождении, чествуют передовиков и представителей трудовых династий...

Немало сделано в нашей области для атеистического воспитания населения. Здесь рассказано только об основных формах этой работы, о главных успехах. Однако при всех наших достижениях существуют нерешенные задачи. Ведь это один из самых сложных участков идеологической работы, требующий постоянного внимания, незаурядного умения, такта и вместе с тем принципиальности, ясности позиций.

К сожалению, еще не создан современный обряд похорон, который бы удовлетворял потребности людей при этом печальном событии. Большинство похорон в области до сих пор совершается по религиозному ритуалу. Есть еще такие коллективы, особенно малочисленные, например, на предприятиях службы быта, где атеистическое воспитание ведется плохо. Не хватает и кадров атеистов — таких, которые позволяли бы везде вести эту работу на высоком уровне. Надежный путь повышения ее эффективности — комплексный подход к воспитанию трудящихся. Организованная по этому принципу пропаганда научного атеизма без сомнения служит формированию у советских людей высокой идейности, культуры, гражданской ответственности, коммунистического отношения к труду, нравственной чистоты, советского патриотизма и интернационализма. Именно эти требования к воспитанию и предъявляет партия.

г. Наманган
Узбекской ССР

ИЗ ТУРКМЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

● Не взывай к небесному своду, обращайся к народу.

● Гонимый и гонитель — оба бога призывают.

● Когда сеяли, хаджи не было, косили — тоже, а на току он тут как тут.

● На бога полагайся, но ослика привязывай крепко.

● Скажешь «бери» — мулла раскроет глаза; скажешь «дай» — отвернется и от Аллаха.

● Не угождай ишану — последнего ишака лишишься.

● Слушай, что мулла говорит, но не делай того, что он творит.

● Спасенья ищешь — богу не молись;
спасенья ищешь —
к людям обратись.

● Не видел никогда
никто: ни я, ни ты
от бога милости,
от бая доброты.

● Нет щедрости
у богача в руке,
есть щедрость
у муллы на языке.

● Пойдешь к знахарю — болезнь найдешь.

разговор на телеэкране

«Языком одиннадцатой музы» — так называлась статья кандидата философских наук П. Каушанского («Наука и религия», 1977, № 5), посвященная передачам Одесского телевидения «Атеистические диалоги». Этот убедительный и доходчивый разговор привлек внимание широкого круга телезрителей, и в Одесском телевидении накопилось много интересных откликов. Об этих письмах, их авторах рассказывает редактор атеистических передач Лариса Васильевна ТРИФОНОВА.

НАША ПЕРЕДАЧА «В ожидании армагеддона» — о членах общины свидетелей Иеговы — прошла в марте 1975 года. На осень того года бруклинские лидеры назначили очередной «конец света» — армагеддон. В беседе с ведущим нашей передачи П. Л. Каушанским Николай Гац — глава татарбунарской общины свидетелей Иеговы — сказал, что, если бы жизни его детей угрожали враги, он не воспрепятствовал бы этому. Ведь, по словам Гаца, возьми он в руки оружие для их защиты, он утратил бы возможность «спасения в царстве божьем».

Жестокость этого заявления поразила многих. Стали приходить письма. В них удивление граничило с недоверием. Некоторые зрители сомневались — возможно ли такое?

Мы решили продолжить разговор. Следующая передача так и называлась: «Еще раз об армагеддоне».

На этот раз перед зрителями выступили молодые верующие другой общины — Мурга и Липак — и повторили то же, что высказал в прошлой передаче Н. Гац.

Снова пришли письма...

«Дорогая редакция, — писала школьница Маша Терзийская из села Холмское Арцизского района Одесской области. — Смотрела вашу передачу и удивлялась, что до сих пор так могут думать люди... Моя бабушка тоже старалась «просветить» меня. Но я отрицаю это. Я пионерка, была октябренком, буду комсомолкой. Хочу быть коммунистом. Меня учит мама: «Будь достойной своего деда-коммуниста, первообразователя колхозов».

С письма Маши Терзийской мы и начали передачу «Им жить в XXI веке». Рассказали о ней, о ее сверстниках — учениках 31-й школы, организовавших клуб «Юный атеист». В передаче принимала участие десятиклассница из пригородного села Ирина К. Вот ее ответы на вопросы ведущего: «В бога верю с пяти лет. Мама очень интересно рассказывала о боге. Учусь на четверки и пятерки. Верю в Библию...» «А кем хочешь стать?» Молчание...

«Атеистических диалогов» прошло более 40, почти после каждой передачи писал нам пенсионер Георгий Николаевич Мудряков. Его критические замечания: об этом вы рассказали неполно, а вот об этом совсем ничего не сказали, его интересные вопросы подсказали нам несколько тем для передач, например «Ученые и бог: правда и вымысел».

Однажды жительница Одессы Е. И. Исаченко прислала нам такое письмо: «Мы с подругой только что окончили училище. Получили назначение. И вот — первая зарплата. И надо же, все первые в жизни заработанные деньги выманила у нас гадалка». Дальше она описывала, как это случилось. Мы встретились с нашей корреспонденткой и попросили повторить свой рассказ перед кинокамерой — он послужил отправной точкой для большого разговора о суевериях.

Можно без преувеличения сказать, что за любым из наших «Диалогов» стоят письма; эти передачи без обзора телепочты немыслимы.

Письмо Анатолия Шкарнибо из поселка Белино начиналось таинственно: «Однажды темной дождливой ночью некто неизвестный прошел по поселку и разбросал непонятную литературу про страшную кару в день божьего суда...»

Далее Анатолий спрашивал: кто стоит за этой «божественной литературой»? Интересовались авторами таких сочинений и другие телезрители. В серии телепередач «Под покровом евангельской проповеди», «Диверсанты от религии», «Инцидент на таможне» мы подробно рассказали о враждебной идеологической пропаганде, которая ведется под прикрытием религии.

В одной из этих передач мы использовали интервью со студенткой Одесского института инженеров морского флота Ольгой Тараненко. Она подтвердила: «Да, именно такую литературу приносила мне моя учительница музыки...» Это было тяжелое время для девушки — умер ее отец. Учительница не скупилась на ласку и приносила книжки, на обложках которых изображен был Христос, а внизу мелкими буквами напечатано: США, ФРГ. На какое-то время у потрясенной горем Ольги возникло чувство веры в те истины, о которых говорила учительница. Но постепенно, читая книги, размышляя, слушая лекции в институте, Ольга утратила интерес к религии, к религиозным изданиям. Какой же путь проделали эти «божественные книжки», прежде чем попали к Оле Тараненко?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы отобрали несколько фрагментов кинохроники, взяли интервью у сотрудника Одесской таможни. Собранные факты позволили ведущему П. Л. Каушанскому убедительно показать, как строится деятельность антисоветских разведывательных центров, засылающих в нашу страну специальную «божественную» литературу.

О конкретных проводниках вполне определенных политических идей, скрывающихся под религиозной оболочкой, рассказывалось в нашей передаче «Тени на улице Цымлянской». Некий Бойко, один из руководителей местной баптистской общины, человек с темным прошлым, занимался враждебной пропагандой, пуская в ход лживые утверждения о преследовании верующих в Советском Союзе. В передаче были показаны документальные материалы уголовного дела Бойко, в свое время осужденного за измену Родине и пособничество гитлеровцам, подписанные им признания.

Передача получила большую почту, письма пришли из разных городов и сел нашей республики. «Смотрел и слушал вашу передачу, все время негодовал и возмущался, — написал П. Бугрименко из Николаева. — Я ветеран войны и труда... Нет, не могу передать, какое чувство бурлило в моем сердце...»

«Пишет вам Анна Ефимовна Таценко. Я пенсионерка, и лет мне уже много. Я верующая, но «Атеистические диалоги» всегда жду и смотрю с интересом. В них много полезного для всякого человека. Как мы ненавидели фашистов, а еще больше — предателей. Как советский человек я помогала нашим партизанам. Как же могли верующие сделать Бойко своим пресвитером? Пусть они хорошенько подумают...»

Телезрители доброжелательно относятся к нашим передачам, хотят помочь атеистической пропаганде. Например, мы нередко используем сообщения инженера Павла Григорьевича Васильева. «Не выдуманными, а фактическими явлениями природы пользуется порой религия, — написал он в одном из писем. — Так, неподалеку от Баку, в Сураханах, стоял храм, в котором никогда не затухал «священный огонь». Многие сотни лет со страхом и трепетом приходили к храму верующие и, завороженные «чудом», преклоняли колени... А горел, оказывается, природный газ, залежи которого были обнаружены не так давно».

Особое место в нашей почте занимают письма одесситки Горяново-Донцо-

вой. Первый раз она написала после передачи «Библия: история и легенды, правда и вымысел». Дочь священника, на протяжении многих лет певчая архиерейского хора, в прошлом глубоко верующая, она теперь — убежденная атеистка. Интервью с Горяново-Донцовой, ее рассказ об отходе от религии мы использовали для подготовки передачи о Библии.

С. Д. Данилюк из Нововолынска рассказал в письме о своей судьбе, о детстве, прошедшем в среде свидетелей Иеговы, о своей жизни сейчас: «Ныне я ветеран шахтерского труда. Пока продолжаю работать. Став гражданином СССР в 19 лет, о многом думал. Мне удалось сделать правильные выводы. В 1961 году я стал членом атеистической секции общества «Знание». Из трех моих сыновей двое — инженеры, третий — офицер-подводник. Мои сыновья — воспитанники Ленинского комсомола».

С Данилюком у нас завязалась оживленная переписка. Мы побывали у него в гостях — в молодом шахтерском городе на берегу Волыни, сняли его новостройки, шахты, парки и широкие проспекты...

В наш адрес приходят и письма из-за рубежа. Люди, покинувшие Родину, но мечтающие о возвращении, описывают свои впечатления: «Для интереса была в синагоге... Был праздник... Вход — два с половиной доллара. На первых рядах сидели сильные мира сего, сияя бриллиантами. Я хотела сказать пару слов, но побоялась, что вызовут полицию. Это называется «братья по крови». Кому они братья? Доллару, вот кому!..» (из письма бывшей одесситки, Монреаль, Канада).

«Здесь человек ничего не стоит — все решает община: кому дать работу, кому не дать (речь идет о сионистских общинах). Здесь мы никому не нужны... Все правильно вы говорили и показывали по телевидению», — так написал бывший одессит из Остии, предместья Рима.

Эти короткие фрагменты из писем, присланных в адрес передачи «Мифы и реальность», мы использовали в следующей программе. В письмах бывших одесситов, ставших людьми без родины, находит подтверждение все то, о чем мы рассказывали и в передаче «Иудаизм и современность», «Ветхий завет и иудаизм» и других.

А вот как откликнулся на эту передачу житель г. Бровары Киевской области А. И. Гуценюк: «У меня в США жил дядя — уехал туда еще в 1911 году. Я переписывался с ним, его сыновьями. Однако мы друг друга плохо понимали, надо сказать, не только из-за языка. Например, он мне, атеисту, прислал мацу к пасхе и высказывал недовольство смешением национальностей в нашей семье».

Письма наших телезрителей свидетельствуют о том, что передачи «Атеистических диалогов» нужны, что они способствуют формированию научно-материалистического мировоззрения. Предлагая людям информацию к размышлению над теми или иными проблемами, атеистические передачи интересны и для верующих, и для неверующих.

г. Одесса

ЧЕМ СЧАСТЛИВ ЧЕЛОВЕК?

Н. АЙВАЗОВА

НЕИЗМЕННОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ пользуются в стране вечерние выпуски газет. Не составляет исключения газета «Вечерний Фрунзе», выходящая в столице Киргизии. Тысячи людей разных национальностей, разного возраста после трудового дня с интересом разворачивают это издание, чтобы узнать последние новости, соотнести ритм своего труда с темпами страны, республики, родного города. Впрочем, газета не только информирует своих читателей, она вторгается в практическую жизнь, старается, говоря словами Л. И. Брежнева, «помочь делать эту жизнь лучше, правильнее, светлее, богаче не только материально, но и духовно...»

Недавно одна из страниц «Вечернего Фрунзе» целиком была отдана рубрике «О мире, религии, человеке». В газете эта рубрика появилась давно, однако столько места ей было предоставлено впервые, что, на наш взгляд, объясняется темой выступления — «Два взгляда на смысл жизни».

В обращении редакции к читателям отмечается, что верное решение проблемы смысла жизни и счастья человека исключительно важно, — ведь оно определяет меру жизненной активности личности, ее практическую деятельность. Коммунистическая этика видит смысл жизни в том, чтобы каждый человек вносил посильный вклад в борьбу людей за осуществление идеалов добра, мира и справедливости. Правда, и сегодня, в обществе развитого социализма, есть люди, чья жизнь катится от одного случайного увлечения или влияния к другому. Нередко цепь подобных увлечений и влияний ведет к деградации личности. В то же время есть примеры, казалось бы, и осмысленной жизни, но тем не менее лишенной общественной значимости. Это происходит тогда, когда смысл человеческого существования усматривается не в самой жизни, а в стремлении отгородиться от волнующих человечество проблем, уйти в заботы о спасении собственной души. Такую жизненную ориентацию дает людям религия. Об этих двух взглядах на смысл бытия и ведет диалог газета.

В основу его были положены две специально организованные встречи. Ведущим на них был председатель координационного совета по атеистическому воспитанию при горкоме партии Б. И. Гальперин. На первой встрече присутствовали ветераны партии и комсомола, участники гражданской и Великой Отечественной войн, рабочие, ученые, педагоги, представители творческих профессий. На вторую пришли верующие, принадлежащие к общинам евангельских христиан-баптистов и адвентистов седьмого дня. На обеих встречах ставились одни и те же вопросы: в чем, по мнению каждого участника встречи, смысл жизни и каковы его представления о счастье?

Для меня, сказал член КПСС с сентября 1917 года Я. И. Гритчин, смысл жизни и счастье — понятия равнозначные, ибо жизнь, лишенная смысла, в принципе не может быть счастливой. Более того, чем труднее осмысленный путь, тем полнее ощущение счастья. А счастливыми я считаю людей, которые претворяют в жизнь общественно значимые мечты и до конца дней сознают, что они нужны людям.

В том же видит счастье ветеран Великой Отечественной войны Т. П. Троньков. Испытав в жизни много невзгод, он считает себя счастливым, ибо с оружием в руках защищал Отечество и испытал радость великой Победы. Сегодня Т. П. Троньков уже третий десяток лет отдает трудной и нужной работе с детьми.

Участник комсомольского подполья времен гражданской войны, делегат III съезда РКСМ, член партии с 1919 года Н. Д. Черкасов рассказал о том, чем стала для него речь В. И. Ленина о задачах союзов молодежи. Этот человек считает себя счастливым — за его плечами причастность ко многим славным делам Родины. И сегодня он отдает все силы делу коммунистического воспитания подрастающего поколения. По его инициативе и при активном участии создан один из лучших в стране школьных исторических музеев. Говоря о счастье, Н. Д. Черкасов осудил как эгоистическое «счастье» накопительства, так и уход в мир иллюзий в ожидании загробного блаженства. Оставить добрый след в жизни, до конца бороться за ленинское дело — вот в чем, по мнению Н. Д. Черкасова, смысл жизни.

Большой разговор о значении труда, о радости, которую он приносит, начал рабочий завода сельскохозяйственного машиностроения имени М. В. Фрунзе, лауреат Государственной премии Киргизской ССР Д. Иманалиев. Труд приносит мне, сказал он, не только огромное удовлетворение, сознание причастности к делам коллектива, но и общественное признание. Смысл жизни — чтобы делать ее все лучше, а счастье — и человеческое и родительское — воспитывать детей и внуков так, чтобы они выросли лучше нас. О том же говорила и доцент медицинского института К. Ажыбекова: «Счастлив тот, кто утром с радостью спешит на работу, а по окончании трудового дня с желанием возвращается домой».

Газета изложила и точку зрения верующих. Один из них, Николай К., не отрицал, что в земной жизни можно быть счастливым. Свое земное счастье Николай К. видит в том, что он живет в СССР, в том, что защищал Родину с оружием в руках и остался жив. Однако высшее счастье, по его признанию, заключается в сознании того, что его имя записано на небесах.

Некоторые участники встречи, как, например, Александр Б., соглашались с тем, что ощущение счастья можно получить в добросовестном труде, но такое счастье, по их мнению, неполное, полное же дает только надежда на вечную жизнь после смерти. Для верующего Валерия Н. счастье в боге, и не только потому, что вера помогает ему надеяться на вечную жизнь, но и потому, что следствием веры в бога становится новое отношение к людям. Владимир Ш. сказал, что земное счастье — это иллюзия. Его поддержали Валерий К., утверждавший, что земная жизнь лишена смысла, и Иван Д., видящий смысл жизни в служении богу. Но главное, все сошлись на том, что подлинное счастье возможно лишь после смерти.

Выступления участников встреч в газете иллюстрированы фотографиями, на которых читатели газеты видят и моменты трудовой жизни, и молитвенные собрания. Здесь же — высказывания о религии К. Маркса, В. И. Ленина, Д. Дидро, Л. Бетховена, Т. Гоббса, П. Гольбаха, Л. Толстого, Н. Лескова, Д. Писарева, А. Луначарского и других.

В редакционном комментарии газета подводит краткий итог диалогу. В нем обобщается точка зрения верующих о земной жизни как о временном пристанище по пути в «небесную отчизну». Авторы указывают, что, направляя помыслы людей на достижение райского блаженства, религия обесценивает значение и смысл реального бытия, подчиняет иллюзиям действительные интересы человека, объективно лишает его самого дорогого — радости жизни, яркой, творческой, содержательной.

Комментарий раскрывает глубоко индивидуалистическое понимание счастья, которое предлагает религия. Газета указывает, что те, кто соизмеряет все с личной выгодой (реальной или иллюзорной), в конечном счете, оказываются неспособными понять ту простую истину, что счастье обусловлено не дарованными благами, а собственной деятельностью. С религиозной точки зрения, если человек посвятил себя делу устройства лучшей жизни на земле, он вредит своему загробному будущему, обрекает свою душу на вечные мучения. Однако земное будущее не вымаливается, оно созидается. И те реальные материальные и духовные блага, которые у нас в стране предоставлены в равной мере всем людям независимо от их миропонимания, служат свидетельством истинности наших представлений о смысле человеческого бытия.

Особое место в комментарии отведено вопросам морали, так как верующие обычно говорят об облагораживающей роли религии, аргументируя тем, что она учит сочувственному отношению к ближнему, утешению страдающего. Но такое отношение людей друг к другу не является монополией религии. Еще французский мыслитель XVIII века Э. Сенанкур писал, что «нет иной морали, кроме морали человеческого сердца, как нет иного знания или иной мудрости, кроме знания своих потребностей и правильного представления о путях к счастью». В нашем понимании подлинный гуманизм, человеколюбие проявляются не только в утешении, но главным образом в борьбе с условиями, порождающими человеческие страдания. А если говорить о религиозной морали, то она исходит прежде всего из сознания личной вины в несовершенстве мира и направлена сугубо на личное самосовершенствование. Такая мораль, несомненно, глубоко индивидуалистическая. Кроме того, провозглашая основой морали чувство ответственности за поведение людей не перед обществом, а перед богом, религия подменяет реальную ответственность человека за судьбы общества фикцией и тем самым подрывает действительные основы морали.

Следует, однако, признать, что религиозная мораль, будучи на протяжении тысячелетий господствующей, глубоко вошла в психологию людей. Порой она до сих пор сказывается на поведении даже тех, кто не считает себя верующими, проявляет себя в представлениях о страдании как неизбежном уделе, в боязни за личное благополучие, зависящее якобы от судьбы, в убеждении, что справедливость и правда поддерживаются какой-то высшей силой.

Развивая мысль о содержании понятия счастья, газета указывает, что его нельзя представить в виде некоего состояния, исключающего какие-то новые желания, как это представляет религия. Истинное счастье — не состояние, а процесс, постоянное движение вперед. Счастье человеку приносит не только то, чем он уже обладает, но и то, к чему стремится, за что борется. В отличие от религии атеизм не обещает земного счастья в виде падающей с неба манны. Он утверждает, что действительное счастье на земле — коммунизм создается сознательным трудом всех членов общества, огромным напряжением усилий всего человечества. Отсюда и нравственное содержание атеизма: основой морали является чувство ответственности каждого человека за свой образ жизни, за свое поведение и поступки перед своей совестью, другими людьми, перед обществом в целом.

Достойно венчают подборку, опубликованную газетой, некоторые ответы молодых фрунзенцев разных национальностей на вопрос о смысле жизни. Эти высказывания были получены в ходе социологического исследования, проведенного среди выпускников средних школ. Вот одно из них: «Я хочу давать людям, партии все, чему научился, что имею. Иначе зачем жить? Жить для себя — это значит вообще не жить! Хочу быть нужным народу».

После того как «Вечерний Фрунзе» поместил на своих страницах подборку «Два взгляда на смысл жизни», на многих предприятиях, в учреждениях и организациях Киргизии с успехом прошли общественно-политические чтения на эту тему, в которых приняли участие партийные работники, ученые, сотрудники газеты. Отклики фрунзенцев на необычную публикацию показали, что газета нашла интересную и действенную форму атеистической работы.

А КАК ИНАЧЕ?

Размышляя над тем, как внедряются новые обряды, я думаю, что пока еще неблагополучно с обрядом похорон. А ведь именно ему должно было быть уделено особое внимание — священнослужители, пользуясь чувством глубокого горя людей, провожающих человека в последний путь, берут это дело в свои руки, используют для распространения религии. Религиозные песнопения, горящие свечи перед иконой, чтение «святых» книг над покойником, бесконечные поминки — на 9-й, 40-й день, через полгода, год — разве это не укрепляет религиозные чувства окружающих?

Ну, а как иначе хоронить своего близкого? Многие люди этого не знают и «плывут по течению». Иногда даже там, где новый обряд похорон внедрен в обиход, люди следуют ему неохотно, встречаясь с черствостью, формализмом, равнодушием.

М. МЕЩЕРЯКОВА,
учительница-пенсионерка

Воронежская область

ШКОЛЫ ПРИ ПАРТКОМАХ

При парткомах агрегатного и тракторного заводов в Чебоксарах действуют школы научного атеизма. За три года здесь из числа рабочих, ИТР, служащих подготовлены более ста агитаторов. Многие из них стали организаторами атеистической работы в цехах и службах заводов. В частности, можно отметить Т. И. Ашлапову, И. В. Васильева, Н. М. Твердохлебову, А. А. Дружинина, Р. Г. Обухову, А. А. Жукова, Р. С. Матвеева.

Силами выпускников школ атеизма в 1979—1980 годах проведено свыше 80 лекций и бесед по атеистической тематике. Ряд пропагандистов ведут индивидуальную работу с верующими. Сегодня опыт этих школ перенимают и другие производственные коллективы — хлопчатобумажный комбинат и завод имени Чапаева.

Л. БРАСЛАВСКИЙ,
заместитель председателя научно-методического совета по пропаганде научного атеизма Чувашской республиканской организации общества «Знание»

г. Чебоксары

ИНФОРМАЦИЯ, ХРОНИКА

В поселке Стебник Львовской области на калийном заводе открыт народный университет научного атеизма. Среди слушателей рабочие и служащие предприятия, учащиеся профтехучилища. Лекции в университете читают опытные специалисты, преподаватели Дрогобычского пединститута.

Институт общественых наук Академии наук Украинской ССР заключил договор о творческом содружестве с рядом предприятий и колхозов Львовской области. Договор предусматривает и такой раздел, как методическая помощь местным пропагандистам атеизма. В частности, ученые рассказали слушателям народного университета атеизма в колхозе «Прогресс» Нестеровского района об интересных результатах своих исследований среди лиц, порвавших с религией.

В городе Луцке Волынской области в здании бывшего костела открылся областной музей атеизма. Его экспозиция отражает историю возникновения религиозных верований, борьбу священнослужителей со свободомыслием.

Значительное место отведено материалам, отражающим достижения советских людей во всех областях жизни.

В городе Усть-Каменогорске есть автоклуб «Атеист». Он совершает регулярные поездки по районам области. Не так давно он побывал в отдаленных поселках Курчумского района. Лекторы прочитали труженикам села лекции по вопрсам атеизма.

НА СЕМИНАРАХ ПО ИСТОРИИ МУЗЫКИ

Ж. ГЕРМАШЕВА,
проректор по научной и учебной работе Астраханской государственной консерватории, кандидат философских наук

...Идет семинар по истории зарубежной музыки. Студенты слушают «Реквием» Моцарта. Потом начинается анализ произведения.

Студенты отмечают, что «Реквием» — величайшее создание гениального композитора и наряду со «Страстями» Баха один из потрясающих трагедийных музыкальных шедевров XVIII века. Написанный на текст заупокойной мессы, он далеко выходит за ее рамки. Средствами хора, вокального квартета и симфонического оркестра композитор выражает драматизм душевных конфликтов, скорбь и горе по утраченным близким, любовь и веру в человека. Хотя Моцарт был человеком верующим, он не раз высказывался против церковных порядков, выражал веру в силу разума. Вот что писал композитор своему старому учителю и другу падре Мартини: «Мы живем в этом мире, чтобы постоянно усердно учиться, просвещать друг друга во взаимном общении и трудиться над тем, чтобы всегда продвигать вперед науки и изящные искусства».

В свое время А. В. Луначарский писал, что только люди, подходящие к оценке искусства с человеческих, эстетических и исторических позиций, «могут ценить некоторые, непревзойденные по поэтическому блеску лирические или повествовательные страницы Библии или Агады и могут восхищаться стройностью мусульманских минаретов, религиозной поэзией и т. д. Они могут упиваться «Страстями» Баха или религиозной живописью Фра Анжелико Микеланджело».

От этого положения мы и отталкиваемся, когда речь идет об атеистическом воспитании в нашем вузе. У студентов консерватории интерес к мировоззренческой проблематике проявляется, как правило, через эстетическое восприятие искусства, связанного с религиозными идеями и формами.

Общий смысл этой работы сводится к тому, что мы стараемся показывать: художественное мышление по своей природе отнюдь не тождественно религиозному, сила подлинного искусства — в его общественной значимости. И, конечно, стремимся привить будущим музыкантам потребность щедро дарить людям истинную красоту, радость бытия.

В ряде наших учебных курсов — таких, как музыка народов СССР и история зарубежной музыки, — есть темы, в которых развитие музыкальной культуры рассматривается в тесной связи с влиянием церкви. Одновременно студенты знакомятся с произведениями, которые, сохраняя формально культовое значение, либо совсем не звучали в храмах («Высокая месса» Баха), либо даже подвергались резкому осуждению со стороны церкви, — как это случилось, например, с ораториями Генделя. Далее педагоги показывают, как музыкальное искусство, используя религиозную форму, насыщает ее новым — реальным содержанием («Реквием» Берлиоза, посвященный памяти жертв польской революции 1830 г.; хоровые произведения Чайковского, Рахманинова, «Военный реквием» Бриттена, хоровые произведения Пендерецкого, «Реквием» Кабалевского и т. п.).

Большой интерес у студентов вызывает цикл лекций «Музыкальное искусство и церковь», который в консерватории читает старший научный сотрудник ленинградского Музея истории религии и атеизма Л. Романов. Популярны также регулярные выставки атеистической литературы и публикаций на философско-этические и эстетические темы в журнале «Наука и религия». Они обсуждаются в дискуссионном клубе «Афина». Так, один из диспутов — «Моральные ценности — истинные и мнимые» — был посвящен нравственному содержанию атеизма.

Атеистическая проблематика находит у нас отражение также в курсовых и дипломных музыковедческих работах, рефератах по общественным наукам. «Драгоценное наследие духовной культуры минувших веков — великое свидетельство высокой одаренности народа, его могучего творческого духа. Всякий взлет человеческого гения — это бунт против духа покорности, мракобесия и фанатизма. Вот почему замечательные творения художников, композиторов — антипод религиозной идеологии, — такой вывод сделала студентка музыковедческого факультета С. Севастьянова в своем реферате «Музыкальный мир и идеологическая борьба».

В дипломной работе «Проблемы программности в концерте-картинах «Андрей Рублев» К. Волкова» выпускница О. Фролкина отметила: «Даже условная форма не помешала прекрасным произведениям иконописи А. Рублева воплотить гуманистические идеалы своего времени. В этом их непреходящая ценность. Глубокое человеческое содержание, выходящее за рамки религиозного сознания и даже противоречащее ему, делает их близкими нам».

Интересную атеистическую работу проводит студенческий фольклорный ансамбль, созданный в 1978 году выпускницей, ныне преподавателем кафедры истории музыки нашей консерватории Е. М. Пугиной. Ансамбль стремится максимально использовать стиль и манеру исполнения народных певцов. С этой целью его участники обращаются к обрядовым песням и танцам. В нашей области сохранились колядки, масленичные, веснянки и троицкие песни. Близкое знакомство с народным музыкальным творчеством позволило обнаружить в обрядах, связанных с календарным циклом, следы смешения язычества с христианством. В результате фольклорный ансамбль показал на концертных площадках города и области три комплексные программы: «Астраханский свадебный обряд», «Частушки, пляски, переборы», «Календарные обряды и песни».

Консерваторцы часто выступают также с лекциями-концертами по местному телевидению. В настоящее время такие лекции начала читать группа будущих музыковедов. Слушателей привлекает тематика их выступлений: «Музыка и религия», «Религиозные праздники и народные традиции», «Музыка Древней Руси», «Гуманистический смысл творчества И.-С. Баха», «Трансформация жанров и форм церковного искусства в современной мировой и советской музыке». Это радует нас — ведь лекционная работа — лучший показатель того, что наши усилия по мировоззренческому воспитанию студентов не пропадают даром.

г. Астрахань

РАБОТАТЬ В СОДРУЖЕСТВЕ

Наша печать уделяет немало внимания пропаганде научного атеизма. При этом видно, что наиболее эффективно работа идет там, где есть комплексные планы, где достигнуто тесное сотрудничество между заинтересованными учреждениями и организациями.

Информация об этом подготовлена по материалам, опубликованным в газетах: «Вечерняя Москва», «Рабочая газета» (Киев), «Правда Востока» (Ташкент), «Казахстанская правда», «Коммунист Таджикистана», «Советская Башкирия», «Советская Чувашия», «Приокская правда» (Рязань), «Кировская правда», «Магнитогорский рабочий», «Вечерний Таллин».

■ При обсуждении работы научно-методического совета по пропаганде научного атеизма Таллинской городской организации общества «Знание» Эстонской ССР подчеркивалось, что атеистическая пропаганда неотрывна от всего комплекса коммунистического воспитания и становится особенно эффективной, если налажены связи с другими учреждениями и организациями. Так, НМС совместно с Управлением кинопроката и рекламы составил соответствующие рекомендации для использования на лекциях, тематических вечерах и других атеистических мероприятиях художественных, документальных и научно-популярных кинофильмов. С 1977 года с помощью работников библиотеки имени Крейцвальда делаются обзоры атеистической литературы. Цель совместной работы — добиться такого положения, чтобы каждый труженик города ежегодно мог прослушать две-три

атеистические лекции. Такая работа ведется, в частности, на заводах торгового оборудования, «Марат», «Пунане Рэт» и других предприятиях.

■ Широкое распространение получили общественные советы по атеистической пропаганде в Чувашии. Недавно еще один такой совет был создан в Доме культуры колхоза имени Мичурина Вурнарского района. В его состав вошли руководители и специалисты хозяйства, работники сельсовета, учителя. Первые лекции были прочитаны на полевых станах колхоза в дни уборки урожая. Планы общественного совета разнообразны: вечера вопросов и ответов, обсуждение номеров журнала «Наука и религия», пропагандистская и практическая работа по внедрению в жизнь сельских тружеников социалистической обрядности.

■ Научные сотрудники Академии наук Таджикской ССР, преподаватели вузов Душанбе принимают активное участие в коллективных выездах лекторов, организуемых республиканским Домом научного атеизма. Группа ученых уже выезжала в Куляб, Курган-Тюбе, Гарм и Нурек, где перед рабочими промышленных предприятий, совхозов и колхозниками они выступили по актуальным вопросам научного атеизма, провели консультации для лекторов на местах, участвовали в вечерах вопросов и ответов. Дом научного атеизма направляет группы высококвалифицированных лекторов не только в крупные областные и районные центры, но и в отдаленные горные районы республики.

■ В Советском районе города Москвы разнообразны формы атеистической пропаганды. Интересно, например, работает лекторий «Религия и искусство», организованный в Доме культуры «Маяк». Научно-атеистическая секция районной организации общества «Знание» использует в своей деятельности циклы лекций, вечера вопросов и ответов, тематические вечера, беседы «за круглым столом», а совместно с работниками кинотеатра «Бирюсинка» — кинолекторий для старшеклассников.

■ Вот уже более 10 лет работает в Москве народный университет научного атеизма, созданный при планетарии Центрального Дома Советской Армии. Около тысячи человек — рабочие, инженеры, медицинские работники, учителя, строители, сотрудники институтов и учреждений города уже завершили обучение. Универсальная техника и аппаратура планетария делает выступления лекторов особенно привлекательными для молодых воинов, молодежи допризывного и призывного возрастов, широкой массовой аудитории.

■ 12 лет действует в педагогическом институте имени Айбека города Термеза народный университет научного атеизма. Уже более тысячи его слушателей получили общественную специальность лекторов. Большинство из них стали активными членами общества «Знание», ведут пропаганду во многих городах и селах Узбекистана. В прошлом году таких выпускников было 115, сейчас еще 130 студентов овладевают общественной профессией лектора-атеиста.

■ Ученые Казахского педагогического института имени Абая активно сотрудничают с учреждениями культуры Алма-Аты. Вот уже шесть лет в кинотеатре «Ала-Тау» действует атеистический лекторий, в котором за это время было прочитано свыше 100 лекций. Сотрудники кафедры философии, руководимой К. Шулембаевым, не только сами регулярно выступают перед широкой аудиторией, но и привлекают к подготовке сообщений и докладов студентов, посещающих в институте школу лектора-атеиста.

■ Тесно сотрудничают партийная организация Рязанского кооперативного техникума и Дворец культуры нефтяников. Учащиеся техникума охотно посещают работающий во Дворце лекторий по научному атеизму. В свою очередь и пропагандисты общества «Знание» часто бывают в техникуме — читают лекции, проводят беседы, помогают готовить тематические вечера. Один из них был посвящен ленинскому атеистическому наследию. Он прошел живо и интересно.

■ Правление организации общества «Знание» Башкирской АССР совместно с Дворцом культуры уфимского моторостроительного производственного объединения создали лектории «Разум против религии» и «Юный атеист». Их слушатели — старшеклассники Калининского района города. Несколько занятий в лекториях посвящены знакомству с журналом «Наука и религия».

■ Труженики колхоза имени Ленина близ города Турсунзаде (Таджикская ССР) с большим интересом посещают занятия атеистического кружка при колхозном клубе. Культпросветработники и учителя, проводя занятия, особое внимание уделяют пропаганде новых советских традиций, праздников и обрядов.

■ Слушатели атеистического отделения пропагандистского факультета Магнитогорского университета марксизма-ленинизма совместно с библиотекой металлургов создали клуб читателей журнала «Наука и религия». Его задача — не только познакомить слушателей с журнальными публикациями, но и научить эффективно использовать их в своей деятельности. Первое заседание клуба было посвящено 20-летнему юбилею журнала. Членами клуба стали инженеры, врачи, учителя, творческие работники. Всегда тщательно готовятся к ежемесячной встрече работники библиотеки: со вкусом и знанием дела оформляют выставку, проводят обзоры новой литературы, организуют просмотры кинофильмов и прослушивание грампластинок.

ДЕНЬ В ПСЕБАЕ

Р. ВОЙЦЕХОВСКИЙ, заведующий отделом редакции газеты «Предгорье»

Актовый зал опытно-показательного лесокомбината был переполнен. Деревообработчики с большим вниманием слушали беседу о причинах сохранения религиозных пережитков при социализме и путях их преодоления. Доцент Кубанского государственного университета И. П. Панов говорил ярко, образным языком, приводил десятки примеров и фактов.

В то время, когда деревообработчики слушали И. П. Панова, лекцию по атеизму в колхозе имени Куйбышева читал ученый секретарь Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС кандидат философских наук Ю. П. Зуев. Такое стечение обстоятельств — не случайно. Отдел пропаганды и агитации Мостовского райкома партии и методический совет по атеистическому воспитанию проводили в Псебае день атеиста. В нем участвовали лектор Краснодарского крайкома КПСС кандидат философских наук Л. А. Зуб, лектор Новокубанского райкома партии В. В. Казакова, а также пропагандисты Усть-Лабинской организации общества «Знание» В. И. Плехина и Н. Н. Истягин. Старший методист краевой библиотеки Л. Н. Суслина сделала подробный обзор новинок литературы по научному атеизму.

Почти в 30 трудовых коллективах выступили в этот день лекторы-атеисты. Кроме того, была оказана методическая помощь партийным, советским и профсоюзным организациям в проведении атеистической работы в трудовых коллективах и по месту жительства. Для идеологического актива состоялись семинарские занятия.

Мостовский район Краснодарского края

КНИЖНАЯ ВЫСТАВКА

Большое внимание уделяют пропаганде научного атеизма сотрудники филиала № 1 Торезской центральной городской библиотеки. Здесь имеется постоянно действующая книжная выставка атеистической литературы. На ней представлены работы В. И. Ленина «Социализм и религия», «Об отношении рабочей партии к религии», сборники «Гуманизм, атеизм, религия», «Партийная организация и атеистическое воспитание», учебное пособие «Основы научного атеизма» и другие. Всегда на стендах очередные номера журналов «Наука и религия» и «Людина і світ». Удачно дополняют выставку картотеки, списки рекомендуемой литературы, а также папка с журнальными и газетными публикациями на атеистические темы.

Н. КОЛЕСНИКОВ

г. Торез Донецкой области.

А. ФАТУЛЛА-ОГЛЫ

ШИИТЫ СЕГОДНЯ

Расскажите, пожалуйста, чем отличаются мусульмане-шииты от других мусульман. Есть ли шииты в нашей стране? — спрашивают в письмах многие читатели. Предлагаемая ниже статья дает ответ на эти вопросы.

В ИСЛАМЕ ЕСТЬ ДВА ГЛАВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯ — суннитское и шиитское. Сторонники первого — сунниты составляют более 90 процентов мусульман в мире. Суннитский ислам распространен в арабских странах, в Северной Африке, в Индонезии, Индии, Пакистане, Малайзии, Афганистане, Турции, на Филиппинах и в ряде других стран. В СССР мусульмане-сунниты живут в Средней Азии, Поволжье, Сибири, на Урале, Северном Кавказе, а также частично в Закавказье. Шииты живут в основном в Иране и Ираке, немного — в Йемене и Пакистане. У нас в стране мусульмане-шииты живут в основном в Азербайджане, есть они в Армении, Грузии и Дагестане, а также в Средней Азии — в Таджикистане, Туркмении, Узбекистане.

Раскол в мусульманской общине обозначился уже в первые десятилетия существования ислама. После смерти Мухаммеда (632 г.), который был главой мусульманского государства, возник вопрос о наследовании верховной власти. Первые три халифа — Абу Бекр, Омар и Осман не относились к роду Мухаммеда, каждый из них стал главой государства и общины на основе «иджмы» — решения общины, которое выводилось из преданий о Мухаммеде, собранных в Сунне и основанных на свидетельствах не только членов семьи Мухаммеда, но и его сподвижников.

Сторонники принципа «иджмы» стали называться суннитами. Против иджмы выступили несколько групп, но самым сильным оказался протест партии сторонников Али-ибн-Абуталиба, двоюродного брата и зятя Мухаммеда, одного из активных его сподвижников (партия по-арабски — «шиа», отсюда — шииты). Они утверждали, что именно Али он назначил своим преемником, сказав однажды: «Кому я глава, тому и Али начальник». Шииты протестовали против того, что Али, которого они считали единственно законным наследником Мухаммеда, в течение 25 лет был лишен власти. В 656 году он все же был избран главой государства и общины, но вскоре (в 661 г.) был убит политическими противниками.

Отличия шиизма от суннизма определяются именно этими историческими предпосылками. Так, формула исповедания веры — «калмейн шахада» — у шиитов отличается от суннитской, ибо к общепринятому «Нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммед — посланник божий», они добавляют слова, что глава шиитов Али — наместник Аллаха. Шииты твердо придерживаются принципа передачи светского и религиозного главенства над мусульманами прямым потомкам Мухаммеда, а точнее — потомкам Али и дочери пророка Фатимы. Этих потомков они называют имамами и утверждают, что Аллах через пророка Мухаммеда только шиитским имамам передает сокровенные знания.

По мнению шиитов, халиф Осман, при котором был канонизирован текст Корана, нарочно не включил в него суру «Два светила» и несколько аятов, в которых указаны и обоснованы особые права Али в мусульманской общине.

За время своей истории шиизм распался на ряд сект, не согласных друг с другом в том, какой именно из имамов — потомков первого имама Али будет мессией. Большинство шиитов считают, что это — 12-й имам по имени Мухаммед. Он родился в 873 году и якобы не умер, а скрылся, исчез, чтобы возвратиться к людям «в конце мира» в роли мессии — махди — и принести им справедливость. Эта секта называется имамитской. Члены ее признают имамат — главенство халифа Али и 11 его потомков. Их также называют «асна-ашари», то есть «дюжинники», «алиды» или же «джафариты» — по имени 6-го имама, составителя основных принципов шиизма. Шииты, живущие в нашей стране, — в основном имамиты.

«Нет эпохи без имама», — говорят шииты, считая, что он, оставаясь скрытым, выражает свою волю через доверенных уполномоченных. Таковыми для шиитов являются особо почитаемые богословы, религиозные авторитеты. А имам каждой эпохи — это олицетворение самого пророка, единственный законный толкователь божественной воли. Из этого положения вытекает одна из главных черт шиизма — признание индивидуального авторитета отдельных личностей и отрицание суннитской терпимости к различным мнениям членов общины. Всякое разногласие устраняется единственно решающим словом непогрешимого имама, а в мечетях — мнением местных ахундов, руководствующихся учением имамов. Шииты очень требовательно подходят к выбору религиозных деятелей своих мечетей, а также своих духовных вождей.

Наиболее почитаемые шиитские религиозные авторитеты — это улемы, муджтахиды, их могут называть и имамами. Они, как правило, получают образование в старинных медресе в святых центрах шиитов — городах Неджефе и Кербеле (Ирак), в Куме и Мешхеде (Иран). Муджтахид — высшая религиозная ступень среди шиитов-богословов. Он имеет обширные познания в богословии, хранит шиитские предания — ахбары, знает мусульманское право, ведет благочестивый образ жизни, проявляет особую набожность. Когда попу-

лярность какого-либо муджтахида достигает высшей степени, его называют «аятолла» (буквально: чудо, знамение Аллаха). Наиболее авторитетного аятоллу именуют «аятолла ал-узма» (великий аятолла). Самый высший шиитский титул — «мердже аттаклид» (достойный подражания). Всеми этими титулами обладал иранский аятолла Боруджерди (умер в 1961 г.). У шиитов также известно звание шейх-уль-ислам, равное муджтахиду.

Обычаи, введенные первыми тремя халифами, которые, с точки зрения шиитов, были всего-навсего «товарищами пророка», в шиизме не признаются источником познания и руководства в жизни. Шииты считают, что если хадис (предание) основан на сообщении «товарища», то он не имеет значения. Они признают лишь те хадисы, которые восходят к свидетельству «членов святой семьи», только эти предания — достоверный источник. Шиитское богословие тщательно исследует жизнь и деятельность имамов и других членов «семьи» пророка и составляет свои, шиитские сборники хадисов, которые, в отличие от Сунны, называются сахих. Однако это различие в критерии достоверности религиозных источников на практике вызвало лишь очень незначительные расхождения в обрядах и богослужении.

Шииты, как и сунниты, признают, что нет бога, кроме Аллаха, признают посланничество Мухаммеда, Коран, соблюдают намаз—пятикратную молитву, пост-уразу, праздник жертвоприношения — курбан-байрам, совершают паломничество в Мекку, отмечают день рождения Мухаммеда. Но у них есть и свои ритуалы: они совершают паломничество к шиитским святыням в города Кербелу (Ирак) и Мешхед (Иран), а также отмечают дни рождения дочери пророка Фатимы и двенадцати шиитских имамов, соблюдают траур в дни их смерти; день гибели имама Хусейна — сына Али — отмечается целой системой траурных ритуалов «магеррам» (или «мухаррем»).

Каждая группа шиитов может считать себя последователями одного из знатоков шиизма — муджтахида, который способен составлять собственное мнение или суждение, основанное на Коране и хадисах. Например, в Иране имеются почитатели аятоллы Хомейни, а также последователи аятоллы Шариатмадари или других авторитетов.

В своих проповедях шиитское духовенство обычно перечисляет имамов и характеризует их как великомучеников, борцов за справедливость и восстановление традиций раннего ислама, установленных Мухаммедом. Все они погибли в борьбе с политическими противниками, шиизм был, как правило, оппозиционным по отношению к властям. Почти каждая пятничная проповедь сопровождается всеобщим плачем молящихся о мученичестве имамов.

В средние века шиизм играл важную роль в общественно-политической жизни его приверженцев в Иране и Азербайджане. Не раз он становился идеологией стихийного народного движения, направленного против феодальных порядков. Так, в XIV веке народные массы Хорасанской области Ирана выступили против эксплуататоров под религиозным флагом шиизма, преследовавшегося в то время халифатом и местными феодалами.

В начале XVI века шиизм был провозглашен государственной религией в Сефевидском государстве, в состав которого входили Иран и Азербайджан. Вплоть до середины XVIII века сефевидские шахи использовали его как идеологию и политическую платформу в борьбе против суннитской Турции и узбекских правителей — Шейбанидов.

В Азербайджане шиизм распространился в средние века под влиянием соседнего Ирана. Все действующие сегодня в Азербайджане мечети, за исключением двух, — шиитские. В них молятся в основном пожилые мужчины и женщины, молодежь — незначительное число — приходит сюда только в дни траура магеррам (мухаррем). В отличие от суннитских, в шиитских мечетях молятся также и женщины, но в специально отведенных для них местах.

Одно из основных проявлений религиозности шиитов в наши дни — паломничество к святым местам. Их посещают гораздо активнее, чем мечети. Причем сюда приходят не только пожилые, но и люди средних лет, женщины с детьми.

Несколько иначе, чем сунниты, шииты относятся к мечети и служителям культа. Суннит, закончив моление, сразу покидает мечеть, а шиит много часов может проводить тут. Он ведет вполне мирские беседы, попивает чай. Для него это — своеобразный клуб, место встреч, даже деловых разговоров.

В шиитских мечетях можно увидеть верующих, совершающих намаз индивидуально, в стороне от основной группы молящихся. Это те, кто не признает благочестивости ахунда и считает для себя зазорным стоять за его спиной в молении. Признанный ахунд пользуется большим авторитетом.

По мнению шиитов, пятничной молитвой — «джума-намазом» должен руководить шиитский имам, но поскольку все 12 имамов «обитают» в потустороннем мире, то их могут заменить муджтахиды или же другие религиозные руководители, имеющие на то разрешение самых авторитетных шиитских теологов. Поскольку на территории Советского Союза нет шиитского муджтахида и его доверенных лиц, то в шиитских мечетях нашей страны «джума-намаз» не проводится.

Несколько по-разному относятся шииты и сунниты к мусульманским праздникам и некоторым установлениям ислама. Например, в дни большого праздника жертвоприношения — курбан-байрама, когда мусульмане совершают паломничество в Мекку, приносят в жертву Аллаху скот и птицу, в шиитских мечетях большого оживления не бывает, молящихся здесь значительно меньше, чем в суннитских мечетях.

Шииты расходятся с суннитами и в том, в какие именно дни месяца поста — рамадана — был ниспослан Коран. По мнению суннитов, это делалось в течение 23 лет по 25, 27 и 29 дням рамадана, шииты же считают, что это совершалось 19, 21 и 23 рамадана. Эти дни называются «ахья». Для шиитов рамадан памятен еще тем, что в этом месяце, именно в дни ахья был ранен (19) и умер (21) их первый имам Али, а 23 были устроены его поминки. Поэтому у шиитов именно эти дни поста уразы главные, заполненные молитвами и благочестием. Намазы, совершенные в один день ахья, по значимости якобы равняются намазам тысячи дней.

В месяц поста шииты усиленно изучают Коран в мечетях.

Среди шиитов нашей страны мусульманская милостыня — один из столпов ислама, несколько разновидностей которой предписано Кораном, почти полностью забыта. Такие формы милостыни, как закят — пожертвование части дохода в пользу неимущих единоверцев и хумс — налог с доходов верующих от владения полезными ископаемыми и кладами, в нашей стране исчезли совсем. Между тем данные формы милостыни в исламе считаются необходимыми признаками принадлежности к этой религии. Недавно в Баку гостил ахунд одной из тегеранских мечетей. Посещая мечети, он часто заявлял, что имеет официальное разрешение от шиитских муджтахидов Ирана на получение закята и хумса от шиитов. Однако ни один из верующих, с которыми иранский мулла встречался, ничего ему не отдал, и это понятно: у нас заботу о людях, нуждающихся в материальной помощи, престарелых, инвалидах берет на себя государство. И уже давно мечети не организуют раздачу милостыни, не ведут учет нуждающихся. В измененном виде у шиитов в нашей стране сохранилась милостыня садака — «подаяние по внезапному побуждению», раздача в память об умерших, по обету и т. д.

Пожалуй, из всех шиитских обрядов наиболее стойко продолжает влиять на сознание шиитов в нашей стране траур по имаму Хусейну — мухаррем, хотя и этот ритуал существенно изменился за последние годы. Прежде дни этого траура всегда отмечались самоистязаниями верующих. Изображая битву при Кербеле, где погиб Хусейн, они наносили себе телесные увечья. Именно это считалось гарантией райского блаженства. Вершина траура девятый («тасуа») и особенно десятый («ашура») дни месяца мухаррем, когда шииты с криками «шах-Хусейн!», «вах-Хусейн!» (от этих восклицаний произошло бытовое название обряда — «шахсей-вахсей») шли по улицам, пели религиозные траурные песни — «марсии», наносили себе удары цепями, а порой и ножами.

Характерно, что среди участников шествий самоистязающихся никогда не было представителей зажиточных классов общества и духовенства. Эти организаторы траура, сами оставаясь в стороне, разжигали религиозные чувства людей, чтобы отвлечь внимание верующих от насущных социально-экономических и политических событий, усилить свою власть над трудящимися и сохранить их покорность. Видный публицист и мыслитель Азербайджана Мамедкулизаде, подчеркивая классовую сущность траура магеррам, писал: «Если самоизбиение по имамам святое дело, то почему среди истязающих себя людей нет ни одного служителя культа?» [1]

С первых лет Советской власти шиитский траур начал терять свою былую популярность и массовость. К середине 20-х годов он проводился значительно умереннее, чем раньше, и привлекал меньше людей. Этому способствовали разъяснительная работа среди населения, а также требования советского законодательства о культах и специальные указы и постановления советских органов, запрещающие изуверские обряды.

Однако и сегодня у шиитов в нашей стране траур магеррам остается самым значительным в году религиозным событием. В течение 50 дней магеррама оживляется религиозная жизнь в мечетях, увеличивается количество посещающих их людей, усиливается паломничество к святым местам. Иногда в домах верующих проводятся траурные собрания — «текья». Редко, но все же случается, что фанатично настроенные люди организуют сборища в незарегистрированных мечетях или на квартирах, где выполняются изуверские ритуалы, изображается сцена гибели Хусейна. Это — грубое нарушение советского законодательства о культах.

Ритуалы магеррама привлекают любопытствующих, среди которых немало молодежи и школьников. На эту сторону жизни шиитской общины нам необходимо обращать особое внимание. Здесь требуется разъяснительная работа с привлечением исторических материалов, литературы [2].

В шиитской среде соблюдается специфический религиозный обряд похорон. Отличительная черта его — привлекающий внимание хор аксакалов, сопровождающий процессию. Причем, как бывает в местах распространения ислама, по религиозному обряду хоронят и тех, кто при жизни не имел ничего общего с муллами, мечетью и т. п. Дело в том, что гражданский ритуал похорон полностью еще не вошел в быт, общественность этим печальным делом занимается крайне недостаточно и оно нередко пребывает в руках шиитского духовенства.

Есть у шиитов еще 30 дат, тоже отмечаемых богослужениями. Они связаны с днем рождения и смерти 12 имамов, а также с деятельностью первого имама — Али и его потомков и последователей. В связи с этим жизнь шиитской общины наполнена множеством религиозных мероприятий.

Служители культа внимательны к событиям, происходящим в нашей стране и за рубежом, знают в связи с этим настроения верующих, их интересы и потребности, что находит отражение в жизни общины. Они, например, учитывают постоянное ослабление влияния религии в наших условиях и поэтому проповедуют религиозные «свободы», не предусмотренные ортодоксальным исламом, ищут новые методы и формы религиозной пропаганды. Шиитские служители культа стараются, к примеру, облегчить исполнение ритуалов, упростить обряды.

Так, до недавнего прошлого на шиитских похоронах присутствующие были обязаны послушать муллу, читающего 36-ю суру Корана — «Йа син», и по его знаку наизусть произнести первую главу Корана — «Фатиху». Теперь же бывает, что верующие родственники умершего сажают служителя в отдельную комнату, где он читает Коран, а многие участники похоронного обряда даже не знают о его присутствии. «Ну что же, — говорит один из мулл бакинской мечети Таза-пир, — Коран читается для усопшего, а живые могут его и не слушать, пусть поедят, выпьют чай и побеседуют. Это понравится душе умершего».

Нововведения появились и в шиитском бракосочетании. Известно, что, по шариату, при совершении этого обряда требуется присутствие вступающих в брак и двух свидетелей — по одному от каждой стороны. Служитель культа с их согласия в документе о религиозном браке указывает стоимость приданого невесты, которое в случае развода должно возвращаться ее родителям. Но поскольку в нашей стране религиозный брак потерял юридичес-

[1] Дж. Мамедкулизаде. Избр. произв., т. 3 Баку, 1977, стр. 277.

[2] О шиитском трауре писали М. Ф. Ахундов (см.: Собр. соч., т. 2. Баку, 1961, стр. 28—29), А. М. Горький (см. очерк «Праздник шиитов») и другие писатели.

кую силу, это действие теперь носит символический характер. Религиозное бракосочетание совершается только по предъявлению свидетельства о гражданском браке, причем не обязательно присутствие не только свидетелей, но и самих молодых. Часто обряд идет заочно, по ходатайству родственников, предъявивших соответствующие документы жениха и невесты. Объясняя такое упрощение в ритуале, ахунд сабирабадской шиитской мечети заявил: «Поскольку этот обряд не имеет юридической силы, он стал только показателем принадлежности к мусульманству. Теперь часто молодожены сами не хотят обращаться к нам, поэтому приходится совершать этот ритуал заочно. Здесь никакого нарушения шариата нет, ибо согласие вступающих в брак и их свидетелей до обращения к мулле высказывается в загсе, с учетом этого служитель культа и заключает религиозный брак».

Шиитское направление ислама характеризуется множеством суеверий, но духовенство понимает, что в наше время они более всего компрометируют религию. Поэтому муллы нередко сами разоблачают святые места как «пережитки доисламского язычества». Так, в пятничной проповеди ахунда кубинской мечети говорилось, что на территории Кубинского района Азербайджанской ССР имеются так называемые святые места, но поклонение им — показатель отсталости, ибо ни одно из них не может иметь чудодейственной силы. «Религия ислама чудес не любит,— сказал ахунд. — Пророк Мухаммед ясно говорил, что единственное чудо для человечества — это ниспослание священного Корана. Поэтому, дорогие братья мусульмане, не верьте чудодейственной силе святых и потомков своих учите науке и благоразумию, наше время — это время ума и знания».

Интересно отметить, что и сами верующие сегодня требуют, чтобы ими руководили грамотные, разбирающиеся в явлениях современной жизни ахунды. Невежественные муллы, не понимающие смысла происходящих в мире событий, объясняющие их с позиций ортодоксального ислама, становятся объектом насмешек. И шиитское духовенство учитывает это, старается интерпретировать религиозные догматы и ритуалы в современном духе. Бывший глава шиитов нашей страны шейх-уль-ислам Хаким-заде в проповеди, произнесенной в бакинской мечети Таза-пир, говорил: «Если мы не осовременим нашу религию, не сделаем ее привлекательной и красивой, то можем потерять ее».

Весьма очевидно проявилась данная тенденция и в изменении взаимоотношений суннитов и шиитов. Это еще раз показало, что в нашей стране на религиозную жизнь верующих и религиозных организаций сильное влияние оказывают явления социально-политической жизни. Глубоко в сознание советских людей вошли такие моральные законы нашего общества, как равенство всех народов, братство, интернационализм, взаимопомощь и т. д. И духовенство суннитского и шиитского толков ислама понимает: в этих условиях разъединение их неодобрительно воспринимается населением и отрицательно влияет на позицию и авторитет религии. Поэтому они выдвигают лозунги: «религиозное единство», «объединение сил мусульман», «единый Аллах, единый пророк, единое мусульманство», стремятся забыть традиционную неприязнь друг к другу.

Если до революции шииты и сунниты в Азербайджане молились в отдельных мечетях, высмеивали религиозные убеждения и обряды друг друга, то теперь в Азербайджане есть смешанные мечети, в которых сунниты и шииты молятся поочередно. У них общие исполнительные органы (мутафалиат), управляющие финансовыми и хозяйственными делами обеих мусульманских общин. Бывает на практике и так, что в большие религиозные праздники или же при отсутствии руководителя молитвы той или иной общины обрядом руководит мулла другого направления ислама, и это воспринимается присутствующими спокойно. Когда бакинскую мечеть Аждарбек, где молятся поочередно члены суннитской и шиитской общин, посетил главный редактор Информационного агентства Пакистана Муаззам Али, его несказанно удивило, что шииты и сунниты совершали совместный намаз под руководством суннитского имама. «Такая солидарность религиозных толков,— сказал он,— возможна только в ваших условиях».

Бывший ахунд этой мечети шейх Фарзили говорил: «В нашей мечети сунниты и шииты молятся поочередно, но можно помолиться и вместе. Политика нашего государства направлена на объединение всех людей, независимо от их вероисповедания, национальности и расы... И нам незачем делить азербайджанцев на суннитов и шиитов...»

В заключение необходимо сказать, что международный империализм подталкивает зарубежную мусульманскую, в том числе и шиитскую, реакцию к насаждению в среде духовенства и верующих антисоветских настроений, преследуя при этом корыстные политические цели. В некоторых странах распространения шиизма нередко представители духовенства высказываются враждебно по отношению к нашей стране, даже предпринимают попытки возбудить религиозно-националистические настроения среди мусульман-шиитов. Достойный ответ на подобные акции — заявление главы шиитов Закавказья шейх-уль-ислама Аллахшукюра Паша-заде, сделанное им во время приема делегации афганской общественности в начале сентября 1980 года в Баку. «Советские мусульмане, — сказал он, — свой социалистический выбор сделали 63 года тому назад и за эти годы в дружной семье народов СССР добились выдающихся успехов во всех областях жизни. Поэтому мы с особенно большим пониманием относимся к борьбе афганского народа за построение общества без эксплуатации. Мы отвергаем клевету врагов мира и дружбы между народами о том, что социализм лишает мусульман возможности исповедовать свою религию. Как отмечали вы, наши гости, свободу совести нам на деле гарантирует Советская Конституция».

Как видим, недруги Советской страны не учитывают или не хотят понять, что у нас шиитское духовенство, как и духовенство других религиозных направлений, в подавляющем большинстве правильно понимает законодательство о религиозных культах, патриотически относится к Советскому государству, поддерживает его внутреннюю и внешнюю политику и верующие активно строят новое общество, им чужды экстремистские настроения и какая-либо неприязнь к советскому строю.

г. Баку

Операция „И"

Я. ШЕСТОПАЛ, Л. ЮЖАКОВ

■ Мозговым центром, архитектором «проекта» был Д. Курдиани. В отличие от двух других участников операции он изредка почитывал газеты, иногда даже книжки. На мысль о преступлении его навела случайно попавшая в руки книга о Сванетии, где были фотографии наиболее ценных икон и крестов церквей этого края.

Показывая книгу своим «коллегам» В. Ратиани и О. Зурабиани, он говорил:

— Вот смотрите. Знаете, в какой цене сейчас иконки и крестики? Любители таких вещей платят за них тысячи. Если операция пройдет удачно, на всю жизнь разбогатеем. Ни в чем себе потом не будем отказывать. Хочешь ковры — бери ковры, хочешь машину — покупай машину... И бояться нечего. Религия — опиум для народа, церковь отделена от государства. Неужели вы думаете, что милиция кинется разыскивать для попов их имущество?

Он сам поверил в свои слова и своих друзей уверил в том, что все пройдет гладко, без сучка, без задоринки.

Тут, вероятно, надо представить участников разговора. Ратиани — житель поселка Местиа, Курдиани — житель села Мулахи того же Местийского района, Зурабиани — из Кутаиси. Их жизненный путь, несмотря на разницу в годах (Зурабиани и Курдиани по 47 лет, Ратиани — 29), был сходен. Никто из троих не мог бы назвать свою специальность — у них ее просто не было. Трудиться, как все, они не умели и не хотели. Тунеядцы по психологии и укладу жизни, деляги по натуре, они предпочитали не зарабатывать деньги, а «делать» их. Ратиани и Курдиани уже были судимы до того, как задумали операцию «Иконы». К сожалению, даже пребывание в местах, как говорится, не столь отдаленных, не исправило их. Они не собирались работать и не работали до нового ареста.

Итак, договоренность была достигнута. Был продуман план похищения.

В этой книге Сванетии, которую показал Курдиани, особое внимание привлекала икона с изображением святого Георгия — она хранилась в церкви села Ланчвали. С этого храма они решили начать.

Глубокой ночью с помощью отмычек и лома преступники забрались в церковь, нашли «святого Георгия» и заодно прихватили еще два десятка икон. Первый успех вскружил голову. С помощью тех же «инструментов» — отмычек и лома — они ограбили еще две церкви — в селе Чвабиани, где украли 17 икон, и в селе Лахири, где взяли две иконы и крест...

Примечательно, что кражи прошли для воров безнаказанно. Никто не кинулся их разыскивать. Почти два года после преступления никаких заявлений от пострадавших — ни от священнослужителей, ни от прихожан — в милицию или прокуратуру не поступало. Почему? Да потому, что пострадавшие рассуждали в данном случае примерно так же, как похитители: ну кто будет разыскивать церковное имущество...

Два года спустя преступники обокрали церковь села Латали Местийского района, откуда в хмурую зимнюю ночь исчезли три иконы и три креста, позже оцененные специалистами очень высоко. На этот раз пострадавшие не стали молчать и пошли в милицию.

Надо сказать, что следователи, в руки которых попало дело об ограблении церкви (сначала они думали, что только одной), сразу точно оценили ситуацию: речь идет о произведениях искусства, памятниках древней истории, национальном достоянии. А раз так, надо употребить все силы, чтобы отыскать преступников и спасти ценности.

Нет нужды в деталях описывать трудную, кропотливую работу, проделанную следственными органами. Не было ни погонь, ни выстрелов, ни других душещипательных сцен, коими изобилуют многие детективные истории. Была работа — порой изнурительная, порой доводящая до отчаяния. Был тщательный поиск, дотошный опрос возможных и даже невозможных свидетелей, разработка версий, иногда удачных, иногда ошибочных. Поначалу дело вели работники следственной группы районного отдела внутренних дел, затем, учитывая его особую важность, — следователи следственного управления Министерства внутренних дел Грузинской ССР.

Картину преступления удалось прояснить.

Преступники, оказалось, были настолько невежественны, что толком не знали, на что они посягают. Даже Курдиани, который разрабатывал план «операции», очень смутно представлял себе реальную ценность икон, которые попали в его руки и руки его сообщников. Когда в самом начале он подбивал их на кражу, разговор о возможности «разбогатеть на всю жизнь» был затеян им, как он сам впоследствии признался, в целях «пропаганды». Он знал, что его приятели жадны, но трусливы, и ему надо было увлечь их возможностью крепко поживиться. Истинной стоимости икон (даже приблизительной) он не знал. Не знал и не понимал также, в чем их красота и ценность. Он и его дружки полагали, что самое дорогое в иконе — оклады, и чем ярче оклад блестит, тем больше стоит. Поэтому в ряде случаев преступники снимали оклады, а иконы просто выбрасывали.

Однако продать краденое нелегко. После первых же краж воры стали лихорадочно искать человека, который помог бы увезти иконы подальше от места преступления. У Ратиани был знакомый летчик, к которому он пришел домой и, ничуть не смущаясь, сообщил о совершенной краже.

— Ты можешь неплохо заработать, если возьмешь на борт своего самолета два десятка икон.

Такое предложение летчика возмутило, и он тут же выпроводил непрошенного гостя за порог. Однако, сделав первый честный шаг, не сделал второго. Видимо, посчитал, что, отказавшись стать соучастником грязного преступления, проявил себя порядочным человеком, ну а разоблачать грабителей — не его дело. Между тем, если бы он сделал этот второй шаг, похитители были бы обезврежены до совершения новых преступлений, не пропало бы бесследно еще несколько шедевров древнего искусства. Да и сам пилот не пострадал бы от рук жуликов. Когда он с возмущением рассказал о сделанном ему предложении кое-кому из своих друзей и это неведомыми путями дошло до преступников, его безжалостно избили. Но и после этого он не пошел в милицию...

Были и другие люди, которые оказались вольными или невольными пособниками грабителей.

К ювелиру поселка Местиа О. Жоршолиани они обратились как к эксперту, И тот выполнил их просьбу — стал вполне добросовестно проверять, что за металл на иконах. Не возмутился, не сообщил, куда следует, а молча принялся за работу и, довольный своей компетентностью, авторитетно заключил, что металл совсем не тот, на который рассчитывали клиенты.

Те не поверили местному доке и отправились за советом к знатокам в Кутаиси. Городские коллеги местийского ювелира подтвердили его «приговор» и повели себя ничуть не лучше: дали, так сказать, экспертное заключение и умыли руки. Раздосадованные сообщники оставили большую часть икон у Ратиани и, взяв несколько, двинулись выяснять их ценность дальше. Ратиани иконы закопал в земле у себя во дворе.

Зурабиани с двумя иконами, в том числе и «святым Георгием», отправился в Тбилиси, на консультацию к своему знакомому Т. Баблуани, у которого в это время находились его друзья — Д. Гардабхадзе и Г. Бурдули. Увидев иконы XIII—XIV века и догадавшись, что речь идет об исключительных художественных ценностях, они силой отобрали их у жулика. Но что делать с ними дальше? Решили обратиться к знающему человеку — доценту Тбилисского университета Г. М. Маргвелиани — пусть он вернет иконы туда, откуда они взяты. Двое незнакомцев явились в дом Г. Маргвелиани, оставили иконы с запиской и удалились. Хозяин даже не успел разглядеть посетителей. Правда, в ту минуту ему было не до того. Глянув на иконы, столь неожиданно очутившиеся в его руках, он ахнул и кинулся устраивать их немедленное возвращение в церковь.

В этих хлопотах Г. Маргвелиани както не подумал, что странное появление икон в его доме связано с преступлением. Его задача сводилась к тому, чтобы вернуть сокровища на свое место. И тут его не в чем упрекнуть, чего, к сожалению, не скажешь о тех людях, которые принесли украденные иконы в его дом. Они ведь знали вора в лицо, знали, как его зовут, но не захотели «мараться» и оставили злостного преступника на свободе. Впрочем, спасибо и на том, что они отобрали у преступника замечательные произведения искусства. А то ведь неизвестно, как бы потом сложилась судьба шедевров. Тем не менее, хотели они этого или не хотели, вполне честные и порядочные люди, по сути, оттянули на два года разоблачение преступников. Более того, позволили им ограбить еще одну церковь.

Только через два года началась большая и сложная работа по поимке грабителей. Это уже потом найдутся свидетели (их оказалось более 120), будут найдены украденные ценности (к сожалению, не все), назначены экспертизы — графические, товароведческие, искусствоведческие. А тогда, в самом начале, следователям, которым поручили дело, пришлось нелегко. Они начинали на пустом месте, думали, что речь идет об одном похищении, а оно обернулось еще несколькими, к тому же после первой кражи прошло много времени.

Но они искали упорно и терпеливо, ясно понимая, что речь идет о бесценных памятниках истории и культуры народа, о произведениях древнего искусства, стоимость которых невозможно исчислить ни в какой валюте.

Один за другим были задержаны и арестованы грабители. Ратиани, например, поймали в городе Иванове, где он рыскал в поисках покупателей.

Верховный суд республики после тщательного рассмотрения уголовного дела трех преступников, обвиняемых в краже произведений церковного искусства, осудил их по статье 96/I Уголовного кодекса Грузинской ССР — «За хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах». Курдиани был приговорен к 13, Ратиани — к 12, Зурабиани — к 4 годам лишения свободы.

Так закончилась эта, в сущности, очень печальная, несмотря на успех следствия, история. Бесследно пропало несколько старинных икон — шедевров народного искусства. Большинство тех, кто вольно или невольно оказался вовлеченным в операцию «И» (в том числе и жертвы преступления), проявили поистине дремучее невежество — и юридическое и эстетическое. Они не знали или забыли о том, что старинные иконы не просто предмет культа, необходимый атрибут интерьера церкви, но и уникальная художественная ценность, народное достояние, которым надо дорожить. И государство, закон стоят на страже этого достояния, независимо от того, находятся ли предметы искусства в музее, или украшают стены скромной сельской церквушки.

"КОЛЛЕКЦИОНЕРЫ"

В. КАШЕВА

Ночью из добрянской церкви украли иконы. Никто и подумать не мог, что сделали это Владимир Буцков и Николай Никитиных. В Добрянке их знали, парни были видные. Буцков работал долгое время слесарем по ремонту холодильников в леспромхозе, заочно учился в техникуме. Окончив его, стал инженером. Николай Никитиных руководил техническими кружками добрянского Дома пионеров. И тем не менее, кражу совершили они. Ночью на автомобиле Буцкова они подъехали к церкви, взломали окно и проникли внутрь. На другой день краденые иконы отвезли в Пермь. Купил их Георгий Алексеевич Шеленков, кандидат медицинских наук.

Буцков и Никитиных в иконах разбирались плохо. Ценными (написанными старыми мастерами) оказались лишь две. Впрочем, Шеленков и эти иконы у себя не оставил, а вместе с другими перепродал их гостю из Ленинграда, некоему Парамонову. В коллекции Шеленкова были иконы из агеевской церкви Верещагинского района. Передали их Шеленкову Валерий Графин, учащийся курсов шоферов, и Евгений Караваев, слесарь моторостроительного завода имени Я. М. Свердлова.

Приезда его ждал не только Шеленков. К встрече с ним приготовились братья Колеговы, Галышевы и Александр Костарев.

Однажды Иван Колегов с младшим братом Григорием и его другом, студентом Пермского университета Александром Костаревым выехали «искать работу» в районы области. Под видом электриков Григорий и Александр входили в деревенские дома, делали вид, что осматривали проводку, и незаметно крали одну-две иконы. Так они посетили домов пять. В другой раз они ездили с Галышевым и представлялись жителям то электриками, то землемерами.

Прибывший из Ленинграда Парамонов

иконы упаковал и отправил багажом в Ленинград на имя Титарчука. Но никакого Титарчука не было, как, впрочем, и Юрия Парамонова. Под этими именами скрывался Семен Александрович Розет — он же инженер научно-исследовательского института Ленинграда. Покупая в Перми иконы, он перепродавал их по спекулятивным ценам обучавшимся в Ленинграде иностранным студентам. От них, кроме денег, получал джинсы, колготки, сигареты, зонтики, а затем спекулировал ими. Только при обыске у него обнаружили более 20 пар нереализованных джинсов.

Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры» гласит, что все памятники, находящиеся на территории нашей страны, подлежат учету и охраняются государством, независимо от того, в чьей собственности они находятся: государства, религиозных организаций или отдельных граждан. Охраняются государством и иконы. Они — национальное достояние. Кражу икон и спекуляцию ими закон рассматривает как посягательство на исторические и культурные ценности народа. Народным судом Ленинского района Перми Розет был приговорен к пяти годам лишения свободы с конфискацией имущества; Шеленков — к четырем годам лишения свободы; получили по заслугам и Графин, Колегов, Никитиных, Буцков.

Характерно, что их близкие, выступая на суде, говорили, что не видели опасности в увлечении своих родственников иконами. Георгий Шеленков слыл человеком широко образованным, увлекался литературой, музыкой, живописью, поэтому никто не удивился, когда он начал собирать иконы.

Но почему же он оказался на скамье подсудимых? Интерес к иконам затянул Шеленкова в круг купли-продажи. Кандидат медицинских наук понял, что здесь можно легко заработать. Имея неплохую коллекцию, пустил ее в оборот. Даровые деньги развращали, началось падение. В 1976 году он ушел из института — целиком занялся «коллекционированием». Призрак легких денег привел на скамью подсудимых и Буцкова с Никитиных: как они сами заявили на суде, жили материально хорошо.

На своих машинах ездили по деревням за иконами и братья Колеговы со своими друзьями Галышевыми. Иван Колегов и братья Галышевы — кандидаты в мастера спорта по легкой атлетике, не раз защищали спортивную честь области на всероссийских и всесоюзных соревнованиях. Однако небезынтересна характеристика, которую дали Колегову в пединституте: «Спортивные успехи привели к тому, что студент Колегов стал с некоторым превосходством смотреть на товарищей, появились пропуски занятий, неодолимая тяга к деньгам». На «иконный промысел» Ивана Колегова и его друзей толкнули не денежные затруднения, а мечта о «красивой жизни», которая виделась в импортных товарах.

Поклонение вещам делает душу скудной. Такой человек за импортные джинсы, зонтик и даже сигареты, не задумываясь, отдаст любую художественную и историческую ценность, в том числе и икону. Смотря на что будет спрос. И в итоге оказывается или сообщником преступлений или преступником.

г. Пермь

[1] «Овод». Киностудия имени. А Довженко. Режиссер-постановщик Н. Мащенко, сценаристы Ю. Дунский и В. Фрид, оператор С. Стисенко, музыка из произведений Вольфгаига-Амадея Моцарта и Генри Перселла.

Кадры из 3-серийного телевизионного фильма «Овод».

Этель-Лилиан Войнич (1864—1960 гг.), снимок сделан в 1898 г. Незадолго до этого она закончила работу над своим первым и наиболее известным романом «Овод».

Джузеппе Мадзини (1805—1872 гг.) — основатель и руководитель тайного революционного общества «Молодая Италия», демократ-республиканец, реальный прототип одного из персонажей телефильма «Овод».

ТРИ ВЫБОРА

В. МАЗОХИН, кандидат исторических наук

КТО ИЗ НАС В ЮНОСТИ не зачитывался «Спартаком» Р. Джованьоли и «Оводом» Э.-Л. Войнич, сколько молодых поколений нашего века, начиная с Павки Корчагина, мысленно равнялись на героев этих книг! Не удивительно, что названные романы вот уже десятилетия влекут к себе мастеров мирового кино, в том числе и в нашей стране. Недаром создатель телевизионного фильма «Как закалялась сталь» режиссер Николай Мащенко, выступая в конце прошлого года за неделю до премьеры своего нового телевизионного 3-серийного художественного фильма[1], о котором здесь пойдет речь, за «круглым столом» очередной «Кинопанорамы», сказал, что, поставив эту телетрилогию, он тем самым уже наполовину осуществил свою заветную мечту — экранизировать две самые любимые книги юного Николая Островского — «Овод» и «Спартак».

И вот десятки миллионов людей три вечера сидели у телевизоров, заново переживая и переосмысливая знакомую с детства трагическую судьбу легендарного книжного, а теперь уже и кинематографического героя (ведь только в советском кино этому фильму предшествовали две экранизации романа Э.-Л. Войнич: одна еще до войны, другая — в 50-е годы). И, разумеется, сравнивали эти похожие и непохожие друг на друга киноварианты «Овода», главным же образом актеров, которым довелось исполнить в них главные роли: Олега Стриженова — с Андреем Харитоновым, Николая Симонова — с Сергеем Бондарчуком.

Заранее оговоримся: здесь не будут затронуты вопросы актерского мастерства — его оценка содержится в многочисленных рецензиях, появившихся после демонстрации фильма в центральной и местной печати. Не будем и сравнивать кинотрилогию Н. Мащенко с ее односерийными предшественниками. Ограничимся лишь разбором того, насколько полно и выразительно удалось воспроизвести в ней ту альтернативу между проповедью спасения во Христе как решения всех жгучих проблем, стоящих перед человечеством, с одной стороны, и революционной борьбой — с другой. Иначе говоря, попытаемся разобраться в том, какое художественное воплощение нашла на телеэкране та постоянная проблема выбора, которую от первой до последней страницы романа приходится решать его героям.

Надо отдать должное постановщику: уже в первой серии, названной «Память», он ставит своих персонажей перед необходимостью такого выбора. Она встает во весь рост, в сущности, уже в тех кадрах первой серии, где мы видим юного сына ливорнского судовладельца-англичанина Артура Бертона (артист Андрей Харитонов) в кругу таких же, как и он, молодых приверженцев основанного в 1831 году в Марселе карбонарием Джузеппе Мадзини тайного общества «Молодая Италия». Оно ставило своей задачей борьбу за объединение на республиканской основе раздробленной на несколько королевств и герцогств страны, северо-восточная часть которой (Ломбардия и Венеция) к тому же входила в Австрийскую империю.

Глубоко религиозный, восторженный 19-летний Артур находился под сильным влиянием своего многолетнего духовника и наставника ректора Пизанской духовной семинарии каноника Лоренцо Монтанелли (народный артист СССР Сергей Бондарчук), или, как юноша доверительно называл его, падре (по-итальянски — отец). В той же студенческой ячейке «Молодой Италии» вместе с Артуром состояла и 17-летняя подруга его детства дочь английского врача Дженифер Уоррен, Джемма (артистка Анастасия Вертинская).

Уже первый диалог главных героев фильма и романа, двух влюбленных, ставит перед Артуром проблему выбора: с кем он из двух самых любимых им на свете людей: с Джеммой и ее друзьями, которые готовы взяться за оружие и пролить свою и чужую кровь

во имя свободы, либо со своим падре, который учил его во всем уповать на милость божью и хоть тактично и деликатно, но все же не одобрил его участия в тайной революционной организации. Впрочем, эти иллюзии Артура тогда в известной мере разделяли и сами основатели «Молодой Италии», избравшие ее девизом слова «Бог и народ!».

Как и карбонарии 20-х годов XIX века, Мадзини, сам вышедший из их рядов, ориентировал своих сторонников в Италии на организацию многочисленных, как правило безуспешных, заговоров и восстаний силами малочисленных конспиративных групп, в основном состоявших из либерально настроенной дворянской и буржуазной молодежи, типичными представителями которой уже в начале романа и фильма выведены Артур, Джемма, Джованни Болла, Карло Бини и другие пизанские студенты. Десятки этих заговоров и мелких восстаний, организованных мадзинистами в 30—40-х годах, беспощадно подавлялись итальянскими монархами (одним из которых, кстати, был сам папа) и австрийскими оккупантами. Силы революционеров распылялись и истощались. Давая оценку всей этой деятельности тайного общества «Молодая Италия», Маркс указывал, что главная его слабость и причина неудач заключалась в игнорировании мадзинистами чаяний и нужд крестьян, составлявших подавляющее большинство тогдашнего итальянского населения. Мадзини, писал Маркс, «забывает, что ему следовало бы обратиться к крестьянам, к этой веками угнетаемой части Италии, и... знает только города с их либеральным дворянством и «просвещенными гражданами» [2].

В водоворот событий, связанных с раскрытием и подавлением властями Тосканского герцогства в 1833 году одного из первых мадзинистских заговоров, оказываются втянуты Артур и его друзья из пизанской ячейки «Молодой Италии». Подозревая, что студенты занимаются нелегальной доставкой и распространением пропагандистской литературы, власти герцогства усиливают надзор за учащейся молодежью, стремясь задушить «крамолу» в самом зародыше. И их первым помощником в этом деле выступает католическая церковь, чьи интересы переплелись с интересами итальянских монархов (сам папа был королем Романьи, так называемой Папской области). Не удивительно, что церковь видела для себя непосредственную угрозу в попытках Мадзини и его сторонников словом и делом проложить путь к образованию единой и неделимой Итальянской Республики.

Знакомство восторженного христианского либерала-идеалиста, каким мы видим в начале фильма Артура, с одним из многочисленных полицейских шпионов в рясе, отцом Карди, круто меняет судьбу юноши, срывает с его глаз пелену, сотканную религиозным воспитанием, и в конечном счете — пусть жестоким для него образом — помогает решить стоящую перед молодым, неопытным бунтарем мучительную проблему выбора. Жаль только, что беседы Артура с новым ректором семинарии каноником Карди, сменившим на этом посту Монтанелли, который получает епископство и покидает Пизу, остались, так сказать, за кадром. Ведь мы узнаем о его назначении лишь из нескольких слов, сказанных падре на прощание Артуру, а видим Карди лишь в соборе, куда во время страстной недели юноша приходит на исповедь.

Безусловно, в превращении юного Артура Бертона из восторженного и глубоко верующего либерального христианина (каким его воспитали католичка-мать и ее близкий друг каноник Монтанелли, долго и тщательно скрывавшие от мальчика, чей он сын) в ярого антиклерикала далеко не последнюю роль сыграло — как показано в первой серии фильма — и разоблачение этой тайны. Причем юноша узнает ее в тот момент, когда переживает глубочайший душевный кризис, вызванный тем, что в день выхода из тюрьмы на него сваливаются сразу две непосильные ноши: он наконец осознает, кто его выдал, и одновременно теряет любимую девушку, не желающую иметь ничего общего с «предателем».

И вот тут-то семейная тайна, брошенная в лицо Артуру в пылу дикой сцены, устроенной ему по возвращении из тюрьмы женой его сводного брата, — эпизодическую роль которой, кстати, прекрасно сыграла Ада Роговцева, — и оказывается той каплей, что переполняет чашу терпения. На молодого человека, уже согнувшегося под страшной тяжестью сознания своего невольного соучастия в предательстве, усугубляемой потерей Джеммы, обрушивается еще одна не менее тяжкая для него весть: другой священник, притом не кто-нибудь, а столь любимый и почитаемый им падре, выходит, тоже лгал ему всю жизнь, скрывая свое отцовство. Этого последнего удара вера Артура, еще в тюремной камере продолжавшая оставаться горячей и крепкой, уже не может вынести и переходит, если можно так выразиться, в собственную противоположность. Швырнув еще недавно дорогое его сердцу распятие, он навсегда порывает с религией, становится ее противником.

Таким образом, трагические обстоятельства, жертвой которых Артур стал из-за своей набожности, для него лишь ускорили и обострили необходимость сделать бесповоротный выбор между тем, чему его учили Библия и падре, и решительным антиклерикализмом Джеммы и вчерашних товарищей по «Молодой Италии», которые теперь с презрением отвернулись от него. Но Артур пошел дальше них в своей переоценке ценностей — об этом свидетельствует записка, оставленная им для передачи падре, чьего возвращения он даже не стал дожидаться. Бежавший тайком в Южную Америку с репутацией предателя, созданной ему провокаторами-жандармами, Бертон без остатка сжег все, чему поклонялся: не только память о матери и отце, но и веру в бога, стал убежденным врагом религии. Такие тогда, даже среди либеральной молодежи, насчитывались единицами.

Мы убеждаемся в этом во второй серии фильма — «Джемма» — в ходе дискуссий либеральных оппозиционеров в салоне Фабрицци — через 13 лет после «самоубийства» Артура, который возвращается в Тоскану под видом латиноамериканца Феличе Ривареса, опытного заговорщика и талантливого памфлетиста, выступающего под псевдонимом Овод. На сей раз — в условиях ограниченных либеральных реформ, на которые вынуждены были пойти многие итальянские государи, включая нового папу Пия IX, чтобы ослабить накал народного гнева, нараставшего в канун революций 1848—1849 годов, — сочувствующие Мадзини либералы, по крайне мере во Флоренции, собирались уже не таясь, открыто и даже затевали свою легальную газету, печатали памфлеты против иезуитов и санфедистов (сторонников неограниченной власти папы).

И в этой обстановке действующие лица телеповествования снова стоят перед необходимостью выбора. На сей раз, однако, его приходится делать уже не набожному и неопытному студенту-мадзинисту, а умудренным опытом заговорщикам, в том числе и Джемме, к тому времени похоронившей мужа и сына. Мы видим ее в центре споров, которые ведутся в кружке флорентийских мадзинистов между приверженцами правительственных реформ и сторонниками вооруженных действий, призванных свалить прогнившие итальянские монархии и ускорить объединение страны. Решительным защитником этого второго пути выступает Риварес-Овод, окруженный ореолом борца, сражавшегося вместе с Гарибальди за свободу в Южной Америке, искалеченного в боях и пытках революционера. Большинству тосканских мадзинистов и даже Джемме, еще в юности стоявшей на антиклерикальных позициях, воинствующий, прямо-таки исступленный атеизм Ривареса кажется чрезмерным и пугающим.

По их мнению, такие откровенные нападки на католическую церковь, которая пользовалась тогда непререкаемым авторитетом в глазах темных и забитых крестьян, подавляющего большинства итальянцев того времени, могли лишь оттолкнуть массы от освободительного движения.

И все-таки, даже отдавая себе отчет в сектантском характере бунтарских взглядов Овода, наиболее революционные и последовательные из тосканских мадзинистов — а в фильме это Джемма, ее друг Мартини и врач Риккардо — делают свой выбор между велеречивым хозяином салона Фабрицци, уповающим на просвещенный абсолютизм итальянских монархов и нового папы-короля, с одной стороны, и несимпатичным им поначалу ожесточенным заговорщиком и террористом Оводом-Риваресом — с другой, в пользу последнего. Сделав выбор, они берутся помочь Оводу в доставке оружия в Папскую область для организации восстаний.

А, как мы помним, в прологе к первой серии фильма Дж. Мадзини, навестивший Овода в Париже, просит его взять на себя подготовку восстаний в северных легатствах этой области, захватив там в качестве заложников четырех кардиналов. Один из них — популярный в народе Монтанелли, дворец которого расположен в пограничном городе Бризигелла. Именно такой план рисует Риварес перед своими единомышленниками.

Никакие лестные характеристики, которые дают Монтанелли друзья Овода, не могут заставить его отказаться от реализации намеченного плана. Впро-

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 507.

чем, Риварес соглашается внести в свои замыслы небольшую поправку: брать кардинала в Бризигелле будет он лично, сколько ни отговаривают его от этого более чем рискованного предприятия. Чем оно закончилось, мы знаем: заслонив офицера, который ворвался в собор, чтобы арестовать Овода, Монтанелли тем самым помешал Риваресу выстрелить в этого жандарма и уйти от погони.

Но если кардинал способствовал аресту Овода, вмешавшись в перестрелку между заговорщиками и жандармами, то в третьей серии фильма, озаглавленной «Отец и сын», ему придется уже сделать сознательный выбор между своей многолетней безупречной верностью богу и папе, с одной стороны, и своей отцовской любовью — с другой. Правда, поначалу он вроде бы выступает чуть ли не как добрый ангел-хранитель опасного террориста и заговорщика (ведь уже при первой беседе его преосвященства с узником на вопрос прелата, что он предпримет, если ему снова удастся выйти на свободу, тот, не задумываясь, отвечает: «Убивать крыс!») и даже осуждает начальника полиции полковника Феррари за жестокое обращение с заключенным.

Бескомпромиссный и продолжающий любить своего «падре» Артур-Овод и не собирается облегчать ему трагический выбор. Более того, поначалу он даже издевается над кардиналом, снизошедшим до бесед со смертником и собственноручно разрезавшим ремни на его измученном теле, и с сарказмом произносит известные слова евангельского Христа «Кто напоит одного из малых сих...».

Монтанелли откровенно излагает Оводу дилемму, стоящую перед ним как перед духовным пастырем целой епархии: либо принять на душу грех, какой он взял бы на себя, фактически санкционировав казнь узника, либо, воспротивившись передаче его в руки военного суда, тем самым, как уверяет полковник, допустить кровопролитие в день церковного праздника тела господня, когда, по агентурным сведениям полиции, заговорщики непременно постараются совершить вооруженное нападение на тюрьму, чтобы освободить Овода, — а это наверняка приведет к гибели уже не одного, а многих людей.

Однако эта альтернатива не идет ни в какое сравнение с той, перед которой ставит кардинала узник, дав ему понять, что он — тот самый Артур, которого падре давно уже похоронил в своем сердце, столько лет оплакивая его «самоубийство» и казня себя, что довел своего любимца до этого.

Узнав, что перед ним не просто страдающая жертва изувера Феррари, а его собственный сын, кардинал, по существу, уже готов поступиться своим священническим долгом. Он предлагает сыну бежать с его помощью — пусть даже тот на свободе снова займется «истреблением крыс», попирая одну из 10 важнейших библейских заповедей — «не убивай».

Не упуская случая даже в том отчаянном положении, в каком он находится, направить жало своего сарказма на ненавистное ему церковное лицемерие, узник бросает в лицо самому дорогому для него человеку, облаченному в кардинальскую мантию, слова библейского Христа (Евангелие от Матфея, гл. 5, ст. 30): «И если правая твоя рука соблазняет тебя...» и так далее». (А далее будет: «...отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое...»). Добавим, что Риварес мог бы в данном случае напомнить его преосвященству и другую заповедь евангельского спасителя, которую тот уже готов был преступить ради того, чтобы сохранить жизнь своему детищу, а именно: «...И кто любит сына или дочь более, нежели меня, не достоин меня» (Евангелие от Матфея, гл. 10, ст. 37).

Так Монтанелли шаг за шагом отступает от незыблемых христианских принципов, которым он всю жизнь учил других, и, казалось бы, уже вступает на тот путь, на какой его с бескомпромиссной одержимостью призывает страдающий, но не сломленный нежданно объявившийся сын его. Однако сделать окончательный выбор между отцовской любовью и верностью «Христу и его матери-церкви» и более того — пойти рука об руку с сыном по его, как все еще глубоко убежден кардинал, безбожному и губительному пути насилия и крови падре все-таки оказывается не по силам.

«— Разве вы не понимаете, что, пока вы веруете в вашего Иисуса, мы можем быть только врагами? — пытается переубедить его Овод.

— Артур, как же мне не веровать? Если я сохранил веру все эти страшные годы, то как отказаться от нее теперь, когда ты возвращен мне богом? — отвечает смятенный Монтанелли.

— Падре, ваш бог — обманщик! — заклинает сын отца. — Не верьте его ранам, не верьте, что он страдал, — это все ложь... Вам нужно выбрать одного из нас. Если вы любите меня, снимите с шеи этот крест и пойдемте со мной. Мои друзья готовят новый побег, и в ваших силах помочь им. Когда же мы будем по ту сторону границы, признайте меня публично своим сыном. Если же в вас недостаточно любви ко мне, если этот деревянный идол вам дороже, чем я, то ступайте к полковнику и скажите ему, что вы согласны!.. Не надо больше компромиссов, падре... Вы откажетесь либо от своего сана, либо от меня...

— Идти с тобой мне нельзя: я священник, — возражает Монтанелли. — Я не могу сделать то, чего ты требуешь, Артур, но то, что в моих силах, я сделаю. Я устрою тебе побег... Ничего другого я не могу сделать. Это большой грех, но, я надеюсь, господь простит меня.

— Падре, пойдемте с нами! — в тщетной надежде взывает Овод. — Что у вас общего с этим мертвым миром идолов? Ведь они прогнили насквозь, от них веет тленом! Уйдите от чумной заразы церкви — я уведу вас в светлый мир. Падре, мы — жизнь и молодость, мы — вечная весна, мы — будущее человечества! Заря близко, падре... Проснитесь, и начнем нашу жизнь заново!»

Но в эту решающую для обоих минуту кардинал оказывается не в силах сделать свой выбор: груз верности прошлому перевешивает любовь к сыну.

— Господи, ты слышишь, — поворачивается он только к распятию.

Однако, как мы знаем и из фильма, и из романа, Монтанелли, который своей нерешительностью обрек сына на верную смерть по приговору военного суда, все же не удалось уйти от выбора, перед каким его поставили Овод и сама жизнь. Но кардинал делает этот запоздалый выбор только после казни сына. В необычной богохульной проповеди, с какой он вдруг обратился к собравшимся в соборе по случаю церковного праздника тела господня «сливкам общества», Монтанелли сжег все, чему поклонялся, и поклонился наконец тому, что сжег во имя бога. Выбор этот оказался уже непосилен для кардинала и стоил ему жизни.

Вообще надо отдать должное режиссеру и сценаристам: во всем, что касается антирелигиозной направленности романа, они почти не отклоняются от первоисточника. К сожалению, однако, как раз эта сторона повествования и образа главного героя выглядит у Войнич художественно наиболее слабой. И виной тому не столько недостаток мастерства, сколько односторонность, свойственная немарксистскому атеизму и антиклерикализму, начиная от французских просветителей и кончая буржуазным свободомыслием.

Вполне естественно поэтому, что образу Овода-атеиста и в романе, и в фильме как раз присущи именно эти черты нигилистической, сектантской антирелигиозности, стремление возложить вину за все социальное зло на одну только церковь, в то время как она была и есть при капитализме лишь один из многих институтов эксплуататорского общества, в основе несправедливости которого лежит не религия, а отчуждение труда масс кучкой сильных мира сего.

И, разумеется, научный, марксистский атеизм, который во времена, описанные в романе «Овод» (30—40-е годы XIX в.), только еще начинал складываться, был незнаком, да и не мог тогда быть знаком его героям. Вот почему неправомерно требовать от Войнич — а стало быть, и от ее теперешних экранизаторов, — чтобы Риварес высказывал суждения, свойственные научно-материалистическому мировоззрению, на котором воспитаны сегодняшние советские читатели и зрители этого произведения. И церковь ныне уже не та, какой она была в середине прошлого века, да и атеисты уже не те. Одним словом, другой мир — другие проблемы.

Взять к примеру, третью серию — «Отец и сын» — наиболее впечатляющую в телетрилогии. Трагизм происходящего, прекрасная игра С. Бондарчука, достойным партнером которого здесь выступает молодой А. Харитонов, — все это помогает глубже и убедительнее раскрыть образы главных героев, но, как ни парадоксально на первый взгляд, еще резче оттеняет декларативность, а иногда и малоубедительную патетичность антирелигиозных тирад Ривареса.

Ведь нельзя же в самом деле уверить многоопытного зрителя и читателя, будто Джемма, падре, а тем более религия в целом виновны в бегстве избалованного барича, каким был Артур в 19 лет в первой серии фильма и в первой части романа, в Южную Америку и во всех невзгодах, какие там

выпали на его долю. Между тем патетические упреки или намеки такого рода Овод не раз бросает этим любимым им и любящим его людям.

Что касается каноника Карди, выдавшего полиции тайну исповеди молодого Артура, то ведь опять-таки не очень убедительно, когда Овод возлагает ответственность за это не только на рясоносного полицейского агента и поощрявшую такие услуги римскую церковь, но и на религию вообще. Ведь предатели во все времена рекрутировались из разных слоев общества. Прошлое и настоящее освободительной борьбы знает немало имен священнослужителей, сыгравших прогрессивную, а порою даже революционную роль. Да и сам Артур в первой серии в споре с Джеммой упоминает о двух священниках, которые участвовали в подпольной борьбе тосканских ячеек «Молодой Италии» еще на заре существования этого тайного революционного общества.

Как уже говорилось, антирелигиозная риторика Овода, перекочевавшая со страниц романа Э.-Л. Войнич в картину Н. Мащенко, весьма далека от научного, марксистского атеизма. Разумеется, Риварес исповедует атеизм, но атеизм ограниченный, буржуазный, сектантский. Такой атеизм, по сути, есть религия наизнанку и не менее чужд народным массам, чем фанатизм иезуитов и санфедистов, которые в годы господства в Европе Священного союза (1815—1848 гг.) предпринимали отчаянные попытки утвердить приоритет папы и римской церкви во всех мирских делах. Недаром антиклерикальные памфлеты Овода вызывают оторопь даже у таких наиболее трезвомыслящих и активных подпольщиков, как Джемма и Мартини. Одним словом, атеизм Ривареса — это оборотная сторона той глубокой и восторженной религиозности, какая переполняла юного Артура, пока мир его иллюзий не рухнул при первом же столкновении с жестокой реальностью.

Вот почему многочисленные выпады Ривареса против религии и церкви не стали органической частью художественного образа этого героя ни в романе, ни в его экранизации. Зато заимствованные из книги невольные художественные аналоги образа Овода с образом евангельского Христа обрастают на экране, что называется, плотью и кровью благодаря той проникновенно-страстной манере, с какой играет терзаемого духовными и физическими муками узника-революционера Андрей Харитонов. Сходство с евангельским страстотерпцем, невольно сыгранное способным молодым актером, становится еще более явственным на фоне гуманно-мудрой и трагически-сдержанной фигуры кардинала, которую выразительно скупыми штрихами мастерски вылепил Сергей Бондарчук. В особенности, под воздействием ассоциаций, вызываемых у зрителя покаянно-гневной филиппикой обезумевшего от горя Монтанелли, с какой он обрушивается на современных фарисеев, распявших его возлюбленного сына.

И хотя вряд ли можно согласиться с читателем, чье письмо здесь публикуется, который считает, что А. Харитонов в третьей серии переигрывает С. Бондарчука, однако, перефразируя его мысль, хочется заметить, что оба они, каждый в меру собственного таланта, невольно переигрывают некоторые из своих литературно-сценарных ипостасей: христоподобный мученик-революционер — резонера-попоеда, а скорбящий отец — святошу-кардинала. Недаром, видно, верующий читатель в своем письме воспринял кинообраз Овода как современный вариант Иисуса, распятого и пострадавшего за счастье всего человечества. Да и чем тут не аналогия! Овод боролся с господством монархов, с всевластием папской теократии. А евангельский Христос выступал с проповедью пассивного сопротивления господству римлян и послушной им иудейской теократии в лице синедриона и фарисеев. И оба за это были судимы судом скорым и неправедным и умерли в страшных муках. Вот как, оказывается, субъективно восприняли некоторые верующие зрители художественный образ Овода, пропустив мимо вложенную в его уста антирелигиозную риторику.

Бережно перенеся в телефильм некоторые черты ходульности, декларативности и ложной патетики, присущие образу, созданному писательницей, режиссер-постановщик вместе с тем счел возможным внести в его, так сказать закадровую, биографию некоторые весьма сомнительные коррективы.

Разумеется, любой писатель, драматург или режиссер, взявшийся воплотить в образах события прошлого либо настоящего, имеет право на художественный вымысел. Однако сколь бы ни была богатой авторская фантазия, она тем не менее должна соответствовать историческим фактам и уж тем более — не вступать в противоречие с ними.

Сказанное вовсе не означает, что драматурги и постановщики — будь то инсценировка или экранизация — обязаны во всем следовать за автором. И уж тем более в тех случаях, когда его герои — как в романе Войнич — персонажи от начала до конца вымышленные [3].

Вот почему, например, превращение Овода в первой серии, вопреки роману, в эдакого графа Монте-Кристо, который у Дюма, вернувшись через много лет, тоже мстит своим недругам, не вызывает резкого упрека в адрес режиссера. Ведь убийство одним действующим лицом (Риваресом) другого (каноника Карди, выдавшего за 13 лет до этого тайну исповеди юного Артура жандармам) само по себе не расходится с какими-либо подлинными историческими событиями, хотя, строго говоря, и искажает благородно самоотверженный образ революционера, созданный Войнич, привносит в него не свойственные тому террористические

[3] См., в частности, письмо Э.-Л. Войнич Б. Н. Полевому (1957 г.), процитированное в предисловии к ее «Избранным произведениям», в двух томах (М., 1958, т. 1, стр. 13).

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Я верующий. На этой неделе мы все, телезрители, смотрели телефильм «Овод». Эта картина, особенно исполнение артистом А. Харитоновым роли Артура Бертона и Ривареса, буквально потрясла меня. Да, фильм антиклерикальный. Он не подавляет верующего, а заставляет думать, размышлять, сопоставлять, пересматривать свою веру.

Я, помню видел фильм «Овод» студии «Ленфильм». Он не взволновал меня, я был равнодушен. Забыл и фильм, и его героев, и постановщиков, которые, не знаю, какую задачу ставили и какому зрителю его адресовали*.

Сегодняшний фильм «Овод» поставлен Ник. Мащенко заново, мудро и тонко, заново прожита на экране жизнь героев Войнич. Фильм новаторски свеж и современен.

Артист А. Харитонов физически, эмоционально, по форме изображал живого Христа, его волосы, глаза, голос, боль, страдания. Это сильное впечатление, я плакал, слезы застилали глаза, комок в горле мешал дышать.

Я глубоко убежден — и как верующий, и как гражданин Советского Союза, — что предательство всегда аморально. То, что Артур был чист и наивен, доверчив, честен, — сослужило ему плохую службу, сделало его жизнь и трагической и горькой до конца дней его. И виновата в этом церковь. Предал тайну исповеди священник. Омерзительно!

В фильме «Овод» мощно звучит тема народного гнева против деспотов. Настойчиво, психологически углубленно разрабатывается проблема нравственного долга человека перед окружающими — без Иисуса Христа, без церкви. У Артура-Ривареса ощутима тоска по миру, свободному от реальных противоречий, свойственных историческому развитию. Все эти важные темы и мотивы пропускаются через призму религиозного сознания.

Фильм проповедует антагонизм между революцией и теологией. В фильме этой идее подчинено многое: сценарий, трактовка главного образа, музыка.

За 60 лет советского кино я впервые встречаю такое трепетное, чуткое отношение к музыке. Знаете, что заставило меня смотреть, слушать все 3 серии? Это музыка. Она мобилизовала меня, она была тихая, грустная, раздумывающая... Это впервые так отлично сделано музыкальное оформление по сравнению с другими антирелигиозными кинолентами.

Фильм богатый, красочный. Исторически документальный, интеллигентный тонкий. Этот фильм смотрели и местное духовенство, и верующие, и их мнение единодушно, о чем я говорил выше.

А вот кардинал в исполнении С. Бондарчука спорен. Он какой-то сегодняшний, бытовой. Не аскетичен, без наития, не прозорлив, даже равнодушен как человек, без интуиции и т. д. За что его Ватикан сделал кардиналом? А кто-то говорит: он святой. Артист Харитонов подчас забивает Бондарчука. Артур одержим, обречен, прекрасен в своем «катарсисе».

Вторая серия могла бы быть и без кардинала. Вся она построена на Артуре, его катарсисе. И это захватывающе эмоционально.

В. ДУШКИН

г. Усть-Каменогорск

* Читатель, наверное, имеет в виду экранизацию «Овода», осуществленную в 1955 г. на студии «Ленфильм» режиссером А. Файнциммером по сценарию Е. Габриловича, музыка Д. Шостаковича. Мнение редакции об этом фильме не совпадает с оценкой читателя.

черты. Это же можно сказать и по поводу сочиненной создателями фильма сцены возмездия (вторая серия), которое собственноручно вершит Овод над провокатором на нелегальном собрании заговорщиков.

Совсем другое дело, однако, когда творческая фантазия вступает в противоречие с историческими рамками действия. Взять, к примеру, сцену, с которой начинается телетрилогия. Овода на его парижской квартире посещает не кто иной, как сам основатель и прославленный руководитель «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини. И вот какую характеристику при этом он дает Ривересу, тем самым знакомя зрителя с, так сказать, закадровой, частью биографии главного героя: «...Вы родились в Италии. В 30-х годах были арестованы. После освобождения бежали в Южную Америку. В **Эквадоре** участвовали в боях против диктатора **Розаса...** Были ранены, взяты в плен, подвергнуты жестоким пыткам, искалечены... Чудом бежали... Нам пригодится ваш опыт, приобретенный в Южной Америке. Восхищаюсь вашим прошлым (подчеркнуто мною. — **В. М.**)». Во второй серии фильма эту героическую аттестацию дополняет Джемма, которая, сидя у постели больного Ривареса, говорит ему: «Наш друг Орсини (один из сподвижников Мадзини. — **В. М.**) рассказывал мне, что вы сражались в Южной Америке против диктатора **Розаса** в отряде **Гарибальди** (подчеркнуто мною. — **В. М.**)...»

Не говоря уже о том, что вся сцена с визитом Мадзини к Ривaресу, включая и сообщаемые в ней подробности из его жизни в Южной Америке, не имеет ничего общего с романом, остановимся лишь на исторических неувязках в этом фрагменте.

Спрашивается, как мог аргентинский диктатор генерал Росас (а не Розас, как в фильме) вести войну за несколько тысяч километров к северу — в Эквадоре, где ни он сам, ни его войска никогда не бывали. Правда, он ряд лет пытался захватить и оккупировал соседствующий на Востоке с Аргентиной Уругвай, но все же, согласитесь, это не то же самое, что Эквадор. Что касается Гарибальди, то этот революционный полководец действительно сражался с войсками Росаса, но, как и тот, никогда не бывал в расположенном далеко к северу Эквадоре.

Перечень подобных исторических неувязок можно было бы продолжить.

Вот на какие размышления наводит телетрилогия режиссера Николая Мащенко. Не часто наши кинематографисты обращаются к тематике, так или иначе связанной с религией и церковью. Случаи такого обращения можно, как говорится, перечесть по пальцам. Все мы помним немую сатирическую комедию «Праздник святого Йоргена», вошедшую в золотой фонд отечественной кинематографии. Ряд добротных, реалистических кинолент на эту тему был поставлен в последние десятилетия («Чудотворная», «Тучи над Борском», «Исповедь», «Ищу мою судьбу» и др.).

А теперь к этой скромной атеистической фильмотеке прибавилась пусть не свободная от недостатков, но все же сделанная в верном мировоззренческом ключе телетрилогия режиссера Н. Мащенко.

девять дочерей мангу

Алина ЧАДАЕВА

В ДОМЕ КУЛЬТУРЫ ульчского села Булава уже много лет хранится заветный фильм. Заветный потому, что скажи кому-нибудь: сегодня, мол, будет «Любовь каюра»,— и объявления вывешивать не надо: все и так придут. Придет — в который уж раз — и Петр Леонтьевич Дечули. Ведь это им сочиненную музыкально-песенную драму о любви бедняка-каюра к дочери богача положила в основу фильма киногруппа Хабаровского телевидения.

Сейчас он встретится с собой молодым: заслуженный работник культуры республики — с начинающим библиотекарем. На экране он наедине с книгой. Конспектирует этнографическое исследование А. М. Золотарева «Родовой строй и религия ульчей». Не оно ли натолкнуло Дечули на мысль о художественном воплощении типичной в старину драмы? Калым — тори и приданое — олбу — от их ценности зависел выбор невесты. Сколько трагедий приносил ульчам жестокий обычай выкупа!

Да, так было раньше. И не только в книге Золотарева вычитал Дечули этот сюжет. Детство Петра Леонтьевича совпало с тем временем, когда родовые обычаи были законами. Детство его — тесная фанза, где ютились двадцать две души. Дед с четырьмя женами, отец с двумя, дети, внуки. «Детство — значит работа»,— скажет много лет спустя Петр Дечули. «Дед сажал меня с собой в лодку, давал кормовое весло. Учил острожить рыбу, ставить сети».

Ни одно слово в ульчском языке, пожалуй, не имело столько синонимов, сколько слово «сеть»: ставные — нимдэ, чидя; плавные — хасмагда, тэштэ; подледные — ангга... Если перевести все эти названия на язык работы, то нужно представить себе тонны крапивы или дикой конопли, которую надо было срезать, потом высушить, раздавить и выбрать из стеблей волокна, затем свить их в длинные нитки и, наконец, сплести из них сети.

И в этой работе были свои ритмы, въевшиеся в память, в боль уставших мышц. Но было и веселое упоение тогда, когда дружно спорилось дело. Десятки лет никто уже не трогает крапиву в ульчских селениях, разве что для весеннего борща сорвут. Современные орудия лова пришли на смену первобытным. Только в трудах ученых можно встретить теперь упоминание о них да еще в репертуаре ульчского национального ансамбля.

Такая уж особенность у Дечули — хранить в себе старинные ритмы жизни, труда. Он не просто помнит их, но умеет облечь в танец. «Сети из крапивы» — так называется хореографическая миниатюра, созданная им по воспоминаниям детства. Петр Леонтьевич — хореограф по призванию, а по образованию — учитель. В 1937 году закончил Николаевское педучилище и преподавал в Аури, Калиновке, Богородском — ульчских селах. Но, может быть, его педагогическая струнка и опыт наиболее полно выразили себя, когда он пришел работать в Дом культуры села Булава. А лет этому «когда» — более тридцати.

«Танцевальными картинами» называет Петр Дечули свои произведения. Их герои — стаи волн и стаи рыб, крылатый ветер и крылатая чайка, картины природы, переведенные на язык национального танца. Еще ребенком Дечули усвоил элементы этого языка. С его помощью разговаривали с душой медведя на самом большом празднике ульчей — медвежьем.

В самый торжественный момент церемонии старший в роде возлагал голову «хозяина» тайги на почетное место — посреди жилища, устилая хвоей, стружками. Голову животного окружали дарами — клали колчан со стрелами, табак, сахар, резные ковши, туши осетровых рыб. И пока совершалось действо, одна из женщин надевала узорный халат из рыбьей кожи, брала в руки по пучку травы или стружек и, повернувшись спиной к медведю, начинала танцевать, имитируя движения медведя. А ее сородичи выбивали ритм по музыкальному бревну — удядюпу.

Медвежий праздник был долгожданным особенно для молодежи: строгие обычаи запрещали юношам и девушкам встречаться в обычные дни, и только на празднике они могли общаться свободно. Взявшись за руки, вставали в хоровод, и начиналось быстрое, веселое кружение. Молодые охотники, фехтуя длинными палками, сходились, как бойцовые петухи, в воинственном танце под барабанную дробь — удядюпу.

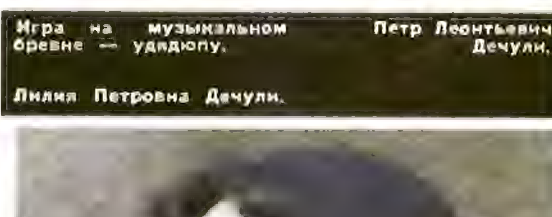
Впрочем, танцевали не только на этом празднике. Петр Леонтьевич рассказал мне историю, когда с помощью танца-заклинания старые ульчи пытались воздействовать и на небесные светила. «Был такой случай у нас в Булаве. Я дома сидел — лет десять мне. Слышу, бубны. Выглянул за дверь: старухи на улицу высыпали. Что такое? Говорят: «Луна умирает» И правда: она сделалась маленькая и красная, как кровью исте-

кает. Старухи, старики в бубны бьют, пляшут, просят луну не умирать. Стучали, плясали — луна все больше, белее, потом совсем как прежняя стала. Все радуются: выздоровела бе — луна. Александра Ивановна Волынская, учительница русская, собрала детей, тут же ночью нас в школу повела. Стала объяснять, что это было затмение луны...»

Свои хореографические композиции Дечули сочиняет в традициях национального искусства, далекого от классического европейского балета. И так уж удачно сложились обстоятельства, что в самом начале творческого пути он встретился с русским хореографом Татьяной Федоровной Петровой-Бытовой. Наверное, нет на Севере и Дальнем Востоке ни одного национального ансамбля, где бы не знали ее имени. Создавали все эти ансамбли ее ученики; впрочем, и ее учителя одновременно. Благодаря им (а они представляли в Институте народов Севера, где Татьяна Федоровна преподавала, 26 национальностей) она познавала этнографические тонкости быта, своеобразие мышления, фольклор северных народностей.

Игра на музыкальном бревне — удядюпу.

Петр Леонтьевич Дечули.

Лилия Петровна Дечули.

Петр Леонтьевич стал «студентом» Петровой-Бытовой, не выезжая из Булавы. Она сама приезжала в ульчское село, помогала ему разрабатывать его замыслы. Именно помогала — с тактом и пониманием природы национального танца.

Когда в клубных библиотеках приамурских сел появился репертуарный сборник, изданный Хабаровским краевым Домом народного творчества, в его заголовок — «Чайки над Амуром» — было вынесено название танцевальной картины, поставленной Петром Дечули и Татьяной Петровой-Бытовой. Сборник — не только итог плодотворного содружества, смысл его шире, чем подробнейшая фиксация партитуры танцев, костюмов, музыкального сопровождения. «Автор надеется,— писала в предисловии Т. Ф. Петрова-Бытова,— что сборник окажет помощь коллективам национальной самодеятельности, вызовет у них желание работать над развитием своих самобытных танцев и собирать фольклорный материал».

Фольклорный материал для Дечули — это плоть и кровь его творчества. Ведь и те обряды, свидетелем которых он был в детстве, напоминали инсценированную сказку. Когда начиналась эпидемия или уходили мужчины на зимнюю охоту в тайгу, ульчи обращались к невидимому «небесному старику». Для этого из чонгко — отверстия в стене дома протягивали веревку, привязанную к шесту. Хозяин дома махал лебединым крылом, звонил в колокольчик, дергая за веревку. Веревка и шест, считали ульчи, передадут небесному покровителю сигналы земного бедствия или попросят удачи в охоте.

Этот первобытный спектакль не мог не задеть живое воображение ребенка. Его музыку — звон бубенцов и шум лебединого крыла Дечули запомнил навсегда и вернул людям, когда древний обряд ушел в небытие. Бубенцы «работали» не только в этом обряде. Их перезвон, по поверьям, отпугивал злых духов, и поэтому их непременно нашивали на спину халата каждому ребенку.

Петр Леонтьевич Дечули и его дочь Лиля прикрепили эти бубенчики к узорным палочкам. Получилась музыкальная игрушка. У нее два языка, два голоса: деревянный перестук и медный перезвон. А работает она в танце, придуманном отцом и дочерью Дечули и поставленном Т. Ф. Петровой-Бытовой. Это танец-игра, в которой участвуют дети, и не подозревающие о древних мистериях, оставивших им в наследство звонкие, говорливые бубенцы.

Как ученик — с бумагой и ручкой приходит Дечули к старикам, будоражит их память. Однажды мы вместе отправились к столетней Алтаки Ольчи. Опираясь на посох, она вышла на крыльцо, села, попыхивая неизменной трубкой — даи. Тонкие браслеты на пергаментных запястьях, волна седых волос, тяжелые веки, гасящие взгляд. Но вдруг смыло, смело равнодушие: ожили глаза, улыбнулись. Это Петр Леонтьевич показал Алтаки два ритуальных посоха: две тонкие палки — ноги, вместо ступней — деревянные расплющенные туловища жаб — куттуэ. Локоны стружек привязаны к верхнему концу палок, на которых небрежно спиралью вырезаны змеи и крохотные головки идолов — сэвэнов.

Шаманка из Булавы.

— Для чего они? — спросил Дечули, кивнув на унизанные загадочными символами посохи.

Алтаки усмехнулась, взяла их в руки, легко прошлась, приплясывая. И приплясывали в такт ее ритмичному шагу плоские жабы, струились змеиные кольца, сэвэны вращали безглазые сумрачные лики.

— Таежная женщина ходила-пела,— сказала, отдышавшись, старая Алтаки, и Петр Леонтьевич описал в своем блокноте древний обряд, завершавший когда-то медвежий праздник.

Ульчи их считали родственниками: жабу с походкой медведя, женщину, родившую близнецов, хозяина тайги — медведя. По поверьям древних, бережно хранивших обглоданные на пиршестве кости зверя, душа медведя возвращалась обратно в тайгу и только таежная женщина знала дорогу его души. О ней-то и пела она людям, верившим в воскрешение с почестями убитого ими боё — медведя:

Вот первое озеро встретит, нырнет —
грязь с костей очищает.
Встретит второе, нырнет —
на костях появляется кожа.
В третье — альми — прыгнет —
вынырнет — шерстью обросший.
Снова здоровый и сильный
сородичам скажет,
сколько почестей разных ему
нани воздали!

В сюите «Медвежий праздник», давно и с успехом поставленной Дечули, пока нет этого финала. В ней восстановлены в основном фрагменты спортивных ристалищ, игра на музыкальном бревне и долгожданный миг встречи юношей и девушек. Так же, как когда-то на празднике, порхают на сцене чучела уток и гагар — символы быстроты, легкости, удачи. Ведь национальный фольклор народов Приамурья рожден обычаями, обрядами, языческим мировоззрением древних племен.

Естественно, нет нужды переносить на современную сцену все тонкости ритуальных мистерий, и Дечули берет из них поэтическую образность и нравственные начала, не устаревшие и сегодня.

А сколько возможностей таится в старой сказке! «Было у Мангу — Амура девять дочерей. Вот однажды восемь их вышли на берег. Солнцу радуются, резвятся...» Какие они? Как движутся?... Воображение художника рисует девушек гибкими и игривыми, как волны. Их руки плавно покачиваются. «Понравились шаману водяные девы. Хоть одну из них хочет взять себе в жены». Сам Дечули пляшет завораживающий, страстный танец шамана. Зловещ и гневен его рисунок, когда превращает он непокорных дочерей Амура в кувшинки, а сам оборачивается деревом. Он будет танцевать и коварную неподвижность, и резкие движение геспу — ножа, которым он притягивает, заманивает к себе самую юную — девятую дочь Амура, и превращение в змею в сражении с богатырем — марга. И как во всякой сказке, маленький балет завершается торжеством светлых сил, и Дечули придумает танец радости — одно из лучших своих творений.

Я спросила Петра Леонтьевича, кто писал музыку для его композиций.

— Сам придумывал,— ответил он.— Сочиню и бегу к дочке быстрее, чтоб не забыть. Она записывает.

Воспитанниц у Петра Леонтьевича куда больше, чем дочерей у Амура. Среди них — молодой хореограф ансамбля — Надя Росугбу, самая юная солистка — школьница Эля Дяфу и, конечно, дочери Петра Дечули. Одной из самых одаренных танцовщиц Севера называет Т. Ф. Петрова-Бытова Клару Дечули.

Но, пожалуй, самый тесный творческий дуэт у Петра Леонтьевича с Лилей, профессиональным музыкантом и первым ульчским композитором. Она окончила дирижерско-хоровое отделение Хабаровского училища искусств, а потом два года стажировалась при Ленинградской консерватории.

В один из знойных июльских дней я пришла в дом к Лилии Петровне и попросила рассказать о творческом содружестве с отцом. Она откинула крышку пианино, раскрыла рукописный, пока, к сожалению, не опубликованный, сборник и, аккомпанируя себе, напела «Песню о Булаве».

Булава — солнечный луч
В обручальном кольце тайги.
В колыбели зеленых круч
И великой Мангу-реки...

— Отец еще не закончил работу над текстом,— сказала Лиля. — А мелодия вот как родилась. Несколько лет назад я услышала, как старая Алтаки Ольчи пела какую-то обрядовую песню в унисон с бубном — унчху. С тех пор этот напев и жил во мне. И вот недавно я разработала его для детского хора. Мы с отцом решили, что «Булавинской мелодией» можно озвучить танцевальную сюиту «Праздник на Амуре». Получилось удачно, показывали даже в Москве.

Мелодия—песня — танец — сплав жанров стал возможен благодаря редкому — с полуслова, полутакта—взаимопониманию Петра Леонтьевича и Лили. Впрочем, что ж тут удивительного, если она с детства была ученицей и единомышленницей отца, танцевала в его ансамбле, жила его заботами. «Музыку создает народ. Мы, композиторы, ее только аранжируем»,— сказал Глинка. Я думала об этом, когда Лилия Петровна листала свой «Детский альбом», где собраны песенки, сочиненные ею для малышей детского сада, в котором она работает.

Лирическая нежность с искорками доброго юмора — стиль детских песен Лилии Дечули. Их признание пока изустно: их любят и поют дети, им аплодировали на смотре в Москве, где четверо ребят из школьного фольклорного ансамбля показывали некоторые песни, их отметили грамотой и дипломом первой степени на краевых смотрах.

Сплав песни и танца — явление чисто фольклорное, и Лилия Петровна наследует и разрабатывает давние традиции, передает их своим воспитанникам, как в свое время передавал ей их отец.

И это знаменательно. В искусстве, которому они служат, существенную роль играет преемственность культурных традиций народа, утверждение неиссякаемости фольклорных истоков современного народного танца. В нем — плодоносная гармония национального творчества и высокого профессионализма, ставшая возможной в наши дни.

«КОРОЛЬ СВАДЕБ»

● В соседней деревне жил старик по имени Лев. За глаза все его звали «король свадеб». Потому что не проходило в деревне ни одной свадьбы без него. Специально приглашали, и сидел он на самом почетном месте.

По обычаю, на свадьбу юноши приезжали верхом, а семейные на повозках: зимой на санях, летом — на телегах. И сколько раз случалось, что лошади, приближаясь к воротам дома, где готовилось торжество, вставали на дыбы, шарахались в сторону и дальше не шли ни в какую. Тогда приглашали деда Льва. Он подходил к воротам, вставал на колени, молился шепотом, царапал землю. После этого лошади, хотя и с опаской, фырканьем, но входили во двор.

Народ старика считал колдуном. А ларчик раскрывался просто. Дед Лев через охотников доставал медвежье или волчье сало, завертывал в тряпку и накануне, втайне от людей, припрятывал у ворот, где должна была проходить свадьба. От запаха медведя или волка лошади и шарахались. Потом же, притворяясь, что молится, он тряпочку с салом прибирал и сам отходил в сторону.

М. САКМАРОВ

с. Балабаш-Башиево Чувашской ССР

И. ОЧЕРЕТ

СТЕБЕЛЬ ПОЛЫНИ

Рассказ

Сзади позиции была топь, она охватывала ее полумесяцем, концы которого упирались в реку. За рекой вдоль крутого правого берега нависли немецкие траншеи. Сама позиция находилась на вершине песчаного холмика размером с волейбольную площадку. Топь была шириной метров в триста, через нее вела к своим гиблая тропа, которой пробирались кое-где по пояс в жиже. Топь сплошь простреливалась с чужого берега, так что выходили на нее только ночью. Благо, осенние ночи темны. От мертвенного света вражьих осветительных ракет прятались в воде, замирая между мохнатыми кочками.

Позиция состояла из окопа полного профиля длиной шагов в двадцать. Хорошего сухого окопа. В средней части его находилась ячейка для пулемета Дегтярева при двух номерах, а по краям — стрелковые ячейки.

До соседей, располагавшихся на таких же клочках суши справа и слева, метров по двести: в обороне людей не хватало, их скупо разбрасывали вдоль линии фронта — на одного бойца более полусотни метров.

Ширина речки Новли — с деревенскую улицу, но глубина достаточная — коню по уши; чужой берег высокий, так что участок не танкоопасный, тихий.

«Гарнизон» позиции состоял сейчас из троих. Отсиживались тут уже неделю. Ни немец их особо не тревожил, ни они его — глухая оборона, вроде бы забытый участок.

На рассвете седьмого дня, продрогшие за ночь, похлебали принесенный медведистым с виду, а на самом деле проворным ефрейтором Кузьмой Быковым то ли густой пшенный суп, то ли жидкую кашу, похрустели сухарями.

— Вместо компота, — объявил Кузьма и вытащил из рукава гимнастерки письмо, протянул его добродушному и улыбчивому младшему сержанту Косте Архипову. — Держи, командир. Из родного колхоза.

— Бра-ишки пи-ишут,— почти пропел Костя.

Сначала он прочел письмо с Быковым, сидя с ним плечо к плечу. Потом Быков сменил на посту рядового Федю Веткина, парнишку с постоянно удивленным лицом, и Архипов прочел письмо еще раз. А Быков зло щурился на противоположный берег.

Погрелись немного в лучах неяркого осеннего солнышка и стали поочередно чистить оружие. Надраив свой с потертым воронением, покрывшийся кое-где рыжиной от ночной росы «Дегтярев» и установив его на место, Архипов привалился к стенке окопа и закурил самокрутку. Сделав несколько сладких затяжек, решил поглубже загнать сошки пулемета в песок. Высунулся слегка из окопа и потянулся рукой вперед, вдоль ствола.

Тут и вошла в него вражеская пуля.

— Ох, — сказал негромко Архипов и сполз на дно окопа.

— Младшего сержанта ранило! — тонко вскрикнул Веткин, не двигаясь с места и вцепившись в карабин. Он искал цель для ответного выстрела, но не видел ее.

Подбежал Быков и рухнул на колени возле Архипова.

— Куда тебя, младший? Костя, куда?

— Бок...

Архипов не чувствовал боли. Просто ему казалось, что в тело вошло что-то постороннее, вроде наскоро проглоченного большого куска сухаря, и требует себе внутри места.

По светлому пляжному песку дна окопа расползалось бурое пятно.

Быков отдернул Косте поясной ремень с подсумками к бедрам, расстегнул ему рукава и ворот гимнастерки. Стал стаскивать ее вместе с набухшей нижней рубахой.

Архипов никак не хотел оторвать локоть от правого бока.

— Федор! — позвал Быков.

Веткин еще раз окинул взглядом вражеский берег, осторожно уложил карабин и нерешительно приблизился. Быков плавным и в то же время сильным движением выпрямил руку младшего сержанта. — Тащи! — Веткин, преодолев страх перед чужой раной, сдернул с раненого гимнастерку и с отвращением отшвырнул ее.

Из распоротого пулей подрагивающего молодого тела струей хлестала кровь. Быков с Веткиным одновременно принялись рвать оболочки своих перевязочных пакетов. Стоя на коленях, Быков приподнял раненого и положил его голову себе на грудь. Белые змеи бинта обвивали одна за другой испачканное песком тело. Веткин поглядывал в сторону реки, но там все было спокойно. Стянув туго концы бинтов, Быков с опаской глянул на место раны.

— Течет.

— Должно перестать, — неуверенно сказал Веткин. Они передвинули раненого на сухое место, подложили под голову противогаз.

— Пить...

Веткин осторожно приложил к посеревшим губам котелок. Раненый сделал несколько глотков и прикрыл глаза. Потом прошептал:

— За немцем... поглядывай...

— Глядим, — буркнул Быков, всматриваясь в лицо товарища. Лицо ему не понравилось: черты заострились, скулы костисто выступили, кожа на щеках стала дряблой, а на лбу — тонкой и полупрозрачной. Веткин неохотно сунул руку под бок лежащего и тут же отдернул ее окровавленной. — Заново перевяжем?

— Перевязано по правилам... — прохрипел Архипов. — Не тревожь. Тут сосуды зажимать надо.

— Рана пустяковая, — сказал Веткин, стараясь верить себе. — Долежишь до ночи — перенесем на ротное КП, Фая новую перевязку сделает. В медсанбате кровь перельют.

— Течет? — спросил Архипов.

— Капает только, — быстро ответил Быков.

— Врешь...

— Немного-немного, — вмешался Веткин. — Попей еще.

— Кровь водой не заменишь, — прошептал младший сержант. — Не докурил я...

Быков свернул, зажег и подал ему самокрутку. Архипов сделал три слабые затяжки. Почувствовал тошноту, но самокрутку не отбросил, а бережно вернул ее назад. Во рту у него сначала было липко, а теперь пересохло, пульс частил мелко и несмело, иногда пропадал. На глаза опускалась какая-то мутная пелена, которую хотелось смахнуть. Вокруг все качалось и плыло. Им овладело сильное беспокойство.

— Кузя, — позвал он Быкова.

— Что, Костя?

— Не дожить мне до ночи.

— Молчи! Не городи!..— Быков повернулся к Веткину: — Слыхал, чего буровит?

Усталое, нервное лицо Веткина покривилось, как от боли.

— Пустобрех, слушай его... — Он склонился над раненым и разглядел вновь расплывшееся под ним пятно. — Только не лучше ли ночью сначала Фаю сюда привести. Да пару ребят для подмены? Тогда на носилках через болото перетащим.

Архипов произнес:

— Фаю сюда не надо. Еще пристрелят на болоте... — Дыхание его стало хриплым, чувствовалось волнение. — Трудно девчонкам на войне... Трудней нашего. Сберегите...

— Не петушись, — оборвал его Быков. — Разберемся под вечер.

Младший сержант покорно умолк.

Солнце медленно, очень медленно ползло по чистому, без единого облачка небу. Волны нагретого воздуха накатили с ближних пашен и достигли речной поймы, исказив легкой дрожью очертания другого берега. Один из бойцов присматривал за противником, другой сидел возле раненого.

— Мерзну, — сказал очнувшийся Архипов.

Быков распустил свою скатку, постелил шинель, уложил на нее товарища, сверху набросил его шинель, натянув воротник до самого подбородка.

— Потеплело?

— Трясет. Кровушки мало...

Подошедший Веткин скинул с себя гимнастерку, под ней оказалась теплая немецкая фуфайка. Скинул и фуфайку, оставшись в нательной рубахе. Все это надели на раненого. Поверх шинели Веткин набросил еще и свою.

— Вот ты опять в рядовых, Костя, — несмело пошутил Веткин по поводу своих погон на гимнастерке и шинели. — Ничего, сейчас перевяжу тебе твои погоны.

Веткинская шутка прозвучала недаром.

— Не надо. На том свете и рядовому генеральский почет, — отозвался на нее Архипов.

— Замолчи, добром прошу, — взмолился Веткин.

— И накинь, уж раз такое дело, мою, — бесстрастно продолжал младший сержант, — а то в белой рубахе больно заметен.

— Нет, — Веткин замотал головой. Он боялся прикосновения крови.

Быков переложил в карман раненому его партийный билет и солдатскую книжку и заметил, что он продолжает мелко дрожать. С тыльной стороны холмика валялось много сушняка, оставшегося от половодья. Но огонь разжечь нельзя было: уже пробовали как-то раньше — немцы начинали бить по дыму из ротного миномета.

Со стороны немецкой траншеи раздались два автоматных выстрела. Но пули не провизжали — стреляли не в их сторону. Быков все же выглянул из окопа.

— Почему без каски? Немедленно надеть, — четко выговорил Архипов. Быков отмахнулся. — Кому говорят! — не унимался младший сержант.

— Раскомандовался, — ласково ухмыльнулся Быков и надел нагретую солнцем каску на пилотку. Веткин, хотя и был вне зрения командира, тоже взялся за каску.

— Умирать собирайся, а поле засевай, — сказал Архипов. Потом улыбнулся, но так, что товарищам стало больно от этой улыбки, и, обессиленный, забылся. Ему мерещились ветви больших деревьев, они плавно качались и изгибались, как руки скрипачей, издавая успокаивающую прохладную музыку — награду ему...

— Костя, есть будешь? — спросил к полудню Быков. — Пожуй, Костя.

Архипов очнулся и покачал головой.

— В горло не войдет...

Быков положил на ладонь его несколько кусков рафинада, а один вложил ему в рот. Архипов отыскал карман покрывавшей его шинели и хотел сунуть туда сахар с ладони, но потом попросил Быкова забрать его.

— Братишкам бы.

Веткин сполз к бочажку за водой, они с Быковым вскрыли кинжальным штыком банку тушенки и, стыдясь своего аппетита, съели ее, запивая болотным настоем.

Немецкий разведчик-наблюдатель, двухфюзеляжный самолет — «рама» неторопливо шел над поймой. Захлопали наши автоматические зенитки.

— Что? — вскрикнул Архипов и уперся руками в жесткое свое ложе, пытаясь приподняться. Тут же огневая боль рванула, впилась в него. А когда немного отпустила, он почувствовал, как тепло заливает бок и спину — затянувшаяся было кровяным сгустком рана снова открылась.

«Раму» отогнали плетьми трассирующих снарядов. Воющий гул ее долго еще катился по небу.

Стараясь больше не делать ни одного лишнего движения, Архипов попросил воды и долго пил. Пил даже тогда, когда не ощущал уже жажды. Несмотря на страшную слабость, он чувствовал крайнюю необходимость говорить. Такую же необходимость, как думать и дышать.

— Ребята, — сказал Архипов, — не думайте, что я смерть призываю. Просто не боюсь я ее... почти. Со стороны она страшнее. В этом хитрость есть: когда смерти боишься, она скорее тебя достанет. Как пес, она за убегающим гонится. А спокойного не тронет. Собачья у нее повадка, у смерти...

Солнце, как подстреленное, еле плелось по небосводу. Резиновые минуты растягивались в часы. Часы казались нескончаемыми. День — вечностью.

— Хотел я, — опять заговорил Архипов, — спросить после войны у немцев, что на нашей земле забыли.

— У пленных что не спросил? — поинтересовался Быков.

— Пленный тебя боится. Душу не раскроет. Говорить на равных надо...

— Спросим! — вырвалось у Веткина.

Он перелез в свою стрелковую ячейку, привалился к стенке и тихонько застонал.

Если бы Костя Архипов просто прилагал все усилия, всю волю на то, чтобы перетерпеть и выжить, — это не произвело бы на Веткина такого впечатления. Видел он такое. Однажды уже сам метался в горячечном бреду на госпитальной койке с одной только мыслью: выживи, обязан выжить. Его до глубины поразило другое: знал человек, что умирает. Знал, что обескровленный не перенесет длиннейшего дня, а если и перенесет, не выдержит ночного пути через топь. Тоже, видимо, держал при себе свой и чужой печальный опыт. Но спокойно выполнял все нехитрое, что требовалось для сохранения быстро испаряющихся сил. Был уравновешен. Вел себя так, будто собирался еще долго топтать землю в строю с товарищами. Хотел, стоя лицом к могиле, до конца вкладывать себя в общую страду. Такой мужик уходит!..

Внезапно Веткин рванулся к пулемету и дал бессмысленную длинную очередь по брустверу немецкого окопа. Фашистские снайперы и не думали отвечать, настолько это было нелепо. Быков сграбастал Веткина за плечи и оторвал от пулемета.

— Не дури! Как политрук учил? Есть риск солдатский, а есть — дурацкий.

— Что там? — спросил Архипов.

— Фриц морду показал.

— Достали его?

— Нет.

— Больно очередь неаккуратная.

Потом мысли раненого пошли по другому руслу:

— Жаль, не будете вы в наших краях... Деревенька моя ма-а-ленькая... На письмецо братишкам ответьте. — Он помолчал, часто и поверхностно дыша, затем продолжал: — Ребята, послушайте, что скажу. Настоящие вы. Среди вас и помереть легко. Привык я к вам. — И дальше шепотом: — Полынь здешних мест хороша. Полюбил я эту полынь. Нюхнуть бы напоследок...

Веткин медленно двигался вдоль окопа спиной к противнику, держа перед собой чуть повыше головы карманное зеркальце и высматривая что-то в этот солдатский перископ. Остановился, спрятал зеркальце в карман, кошачьим движением выпрыгнул из окопа, прополз несколько метров по-пластунски. С того берега грянул выстрел...

— Держи, — сказал через несколько секунд Веткин и пощекотал заострившийся подбородок Архипова пышным стеблем. Младший сержант разлепил веки.

— Ох... — Его рука тихо поползла по груди и прижала полынь к лицу. Он вдохнул ее глубокий и печальный запах.

А рядовой пехотинец Федор Веткин, хорошо знающий, что тонкую его жизненную нить в ближайшую секунду может оборвать случайная мина, не рассчитывающий на награду или даже просто благодарность ни на этом, ни на том свете, готовящийся принять справедливую ругань Быкова, сжимал одной рукой кровоточащее плечо, а другою неловко пытался склеить из обрывка газеты и горсти махры цыгарку. И на лице его мерцала улыбка удовлетворения.

ЭТУ ИСТОРИЮ рассказал мне мой друг — председатель колхоза. Рассказал недавно, а произошла она давно — 37 лет назад. Я хочу повторить услышанное так, как оно мне представилось.

Картошка

быль

А. РОЗАНОВ

Бабку звали Пелагея Степановна, но по имени и отчеству ее величала только председательша колхоза. А прочие называли Косухой.

— Баба Косуха, не слыхала, когда второй фронт откроют?

Такая должность у нее, чтобы все знать. Косуха — рассыльная в правлении колхоза. Хата у нее сгорела, когда шли бои за село, и она живет в конторе за печкой. Тут же хранится все, что осталось от ее имущества: помятый медный самовар да большая икона с Георгием Победоносцем, пронзающим трехглавого змия.

На стене расклеена наглядная агитация — как бороться с сибирской язвой и как ухаживать за грудными младенцами. А поверх — обрывки немецких приказов. Даже ножиком их скоблила баба Косуха, но так до конца и не содрала.

Над председательским столом висит телефон в рыжем деревянном футляре со сверкающими никелированными чашечками звонков. Когда в правлении пусто, возле аппарата дежурит Косуха. Как звонок задребезжит, надо крутануть ручку — слышу, мол, тебя — и снять трубку:

— Але, але!

Телефонными проводами расчерчены рыхлые мартовские облака. На сером столбе вертит головой сорока-шпионка — подслушивает. До самого райцентра и дальше — посеревшие снега, воронки с коричневой водой, груды горелого исковерканного железа. Жирный чернозем дороги расквашен так, что ни проехать, ни пройти в село Завидное. Лишь по проводам доносятся в колхозное правление хриплые вести.

На этот раз из райцентра передали, что погонят через Завидное пленных немцев. И чтобы организовать им питание. Пусть председательша даст команду. И никаких возражений быть не может.

Пелагея Степановна обувает старые мужские галоши. Подвязывает их тряпьем. Набрасывает на плечи ватник. Спускается с крыльца, и сразу галоши увязают в глубокой грязи. Приподняв подол юбки, вытягивая из чавкающего месива то одну, то другую ногу, бабка отправляется на поиски председательши Марии Петровны. Бабкина голова наклонена, но глядит она не под ноги, а как бы на кончик собственного остренького в красных прожилках носа. Отсюда и прозвище — Косуха.

Сколько ей приходится вот так шагать — никто не считал и не сосчитает. Восемь бригад в колхозе. До некоторых путь не близкий, а телефон один — в правлении, и почта только до Завидного ездит. А дальше — баба Косуха и за телефон, и за телеграф, и за почту. Кому добрую весточку с фронта несет, кому — повестку из военкомата, кому — похоронную.

А сейчас вот приказ несет: пленных кормить.

До войны в такую утреннюю пору тарахтели у завалинок разогреваемые тракторы, женщины звякали ведрами, ребятишки галдели, торопясь в школу. Сейчас ничего не тарахтит и не звякает. Там и здесь — черные печные трубы над остатками домов. Уцелевшие хаты, плетни и ветлы словно спят и сон видят. Сон про то, что в садах черешня созрела. А за селом, в дубовой роще, собрались мальчишки, соображают, как бы половчее забраться в сад. Верховодит этим делом Колька, а за ним, как иголка за ниткой, внучек Пелагеи Степановны — белобрысый тоненький Андрюшка...

Был Андрюшка и нет Андрюшки.

На третий год войны похоронка пришла: погиб ваш внук смертью храбрых под городом Великие Луки.

Никого из близких не осталось у Пелагеи Степановны, и пожалеть ее некому — у всех горе. Вон у председательши, Марии Петровны, фашисты повесили мужа и сына принародно, на площади райцентра. В артельном хозяйстве — ни коня, ни телеги, а хлеб государству давай, некогда горевать.

Косуха застает председательшу на току. Под навесом крутят вручную старенькую веялку, а потом еще на лопатах подбрасывают, провеивают мякину, добывая по зернышку драгоценные семена для недалекого сева. Орудует лопатой и председательша. Лицо укутано платком от пыли, только большие темные глаза посматривают зорко.

— Ты чего, Пелагея Степановна?

Женщины, которые поближе, прислушиваются — какую новость принесла Косуха. Приятных новостей почти не бывает. А Пелагея Степановна глухо и немногословно докладывает о приказе из района. Погонят нынче пленных через Завидное. Человек пятнадцать. И чтобы накормили.

— Да на змея их кормить-то! — возмущается одна из женщин.

— Надо, — вздыхает председательша.

Женщины знают, что кормить придется. Но у всех еще свежо в памяти, как вражеские солдаты входили в дома — брали, что хотели, жрали, гадили, гоготали и убивали. Весь ток уже знает новость, принесенную Косухой. Кто проклинает фашистов, кто, сплюнувши, молча продолжает работать. А председательша просит рассыльную:

— Ты, Степановна, обойди дворы, собери по паре картох, что ли. Скажи, я велела. В моем большом чугуне и сваришь...

Под вечер в Завидное по большаку вступают пленные. Они в грязно-зеленых шинелях без поясов. Пилотки натянуты на уши. Небритые впалые щеки, сизые от холодного ветра носы и тусклые взгляды.

Ведет их маленький солдатик — за спиной автомат, здоровенные хлябающие сапоги, полы шинели подоткнуты под пояс. На его безбровом курносом личике — степенность, важность ввиду ответственности порученной ему миссии.

— Направляющий, приставить ногу! — командует солдатик возле колхозного правления. Грохочет сапожищами вверх по ступенькам и, распахнув двери в контору, строго вопрошает:

— Кто тут есть ответственное лицо за питания военнопленных?

Баба Косуха неторопливо высыпает картофелины из чугуна себе в подол. Отстранив конвоира, выходит на крыльцо. Пленных обступили ребятишки, поодаль встали женщины, и изо всех окон глядят на обезвреженных врагов. До этого через Завидное водили только наших пленных бойцов, а пленных фрицев гонят в первый раз — не наглых, не гогочущих, а посмирневших, насупленных, зябко переминающихся с ноги на ногу.

— Приготовиться к раздаче пищи! — хриплым баском распоряжается маленький конвоир. — Давай, бабка!

И Косуха идет прямо на правофлангового — длинного солдата в очках. Всматривается колючим взглядом в его бледное, щетинистое лицо, будто хочет опознать в нем своего главного врага среди тысяч других. Она сверлит его своими выцветшими, сведенными к переносью глазами и в упор спрашивает:

— Это ты, паразит, моего Андрюшку убил? А я тебе картоху. На! — и бабка протягивает ему пару картофелин.

— Данке фильмальс, данке фильмальс, — кланяется солдат, согревая окоченевшие пальцы картошкой.

А бабка вонзает свой колючий взгляд в следующего пленного, всматривается в его широкое лицо с выпученными тупыми глазами. И ефрейтору, прошагавшему от Бреста до Москвы и от Москвы до Курска, делается не по себе от старушечьего взгляда.

— А, может, это ты внучика моего жизни лишил, немой дьявол? — спрашивает Косуха. — А я вот тебе за это — картошку. Живи!

И так она обходит весь строй пленных, пристально вглядываясь в их лица, словно и впрямь надеясь опознать убийцу внука своего, и раздает теплые шершавые картофелины:

— А может быть, это ты, песья твоя душа? Так возьми, на!

И такая сила ненависти и страдания в глухой речи старой женщины, словно не от себя она говорит, а от сотен осиротевших деревень России, по которым бредут и бредут на восток вчерашние завоеватели.

Тридцать семь лет спустя председатель колхоза Николай Иванович рассказывает все это проще и спокойней. Он с улыбкой изображает в лицах и конвоира, и немца с вытаращенными глазами, оторопевшего под взглядом Косухи, и бабку с картошкой в подоле.

Август. Над теплой землей дрожит воздух. По небу плывут сизые облака. На полях комбайны убирают спелый хлеб, и у нас хорошее настроение.

ДЕЙСТВЕННЫЙ ПОМОЩНИК

Густав ХУПКА,
главный редактор
журнала «Нова цеста»

■ В столице Словацкой Социалистической Республики Братиславе уже третий год выходит общественно-культурный ежемесячник «Нова цеста» («Новый путь»). Он основан Словацким советом корпусов по гражданским делам при Министерстве культуры Словацкой Социалистической Республики, возглавляемым заместителем министра культуры ССР Йозефом Мравиком.

Стержень нового журнала — научно-популярные статьи, нацеленные на атеистическое воспитание в условиях развитого социалистического общества и на распространение научного мировоззрения.

«Нова цеста» призвана, конечно, не только публиковать инструктивно-методические материалы и сценарии проведения социалистических обрядов и праздников, предназначенные в помощь работникам и активистам корпусов по гражданским делам, но и привлекать тех авторов, чьи произведения оказывают воспитательное влияние на широкие слои трудящихся. Редакция стремится также выступать против религиозных предрассудков и тем самым расширять материалистическое сознание людей, еще не до конца от них освободившихся.

Так что наш журнал рассчитан не только на активистов корпусов по гражданским делам, но и на широкие круги читателей, призван способствовать формированию их мировоззрения, жизненной позиции, укреплению принципов социалистического образа жизни. Популяризируя прогрессивные народные и революционные традиции, «Нова цеста» публикует статьи по проблемам марксистско-ленинской философии, воспитывает своих читателей в духе нетерпимости к мелкобуржуазным и буржуазным взглядам и пережиткам. На страницах журнала можно встретить все публицистические и художественные жанры, различные формы подачи материала. Пестрота жанров и разнообразие форм придают своеобразие характеру ежемесячника, воспитательное влияние которого весьма существенно.

Политико-воспитательная работа корпусов по гражданским делам достаточно ответственна и трудна. Когда же речь идет об атеистическом воспитании, то необходимо делать это деликатно и осторожно, чтобы не оскорбить чувства верующих, особенно людей преклонного возраста.

Наши социалистические гражданские обряды должны воспитывать достоинство, гордость и уважение к человеку и его труду. Ведь они связаны с его жизнью от рождения и до последнего вздоха. Это уважительное отношение находит свое продолжение и в памяти об умерших.

Все эти деликатные и многообразные задачи и помогает осуществлять «Нова цеста». Опыт редакционной работы и отклики читателей подтверждают, что создание журнала было в высшей степени актуально. Наш общественно-культурный ежемесячник прочно вошел в круг чтения широких масс читателей, стал действенным помощником в формировании научного мировоззрения. Помимо методических и инструктивных материалов, сценариев, стихов и песен, которые можно использовать в гражданских обрядах и торжествах, наряду со статьями, расширяющими общий кругозор, «Нова цеста» регулярно информирует о деятельности корпусов по гражданским делам и об аналогичных организациях в других странах.

За сравнительно короткий срок своего существования редакция организовала несколько встреч с читателями. Общение с ними убеждает, что журнал выбрал правильное направление. В свою очередь это обязывает нас систематически повышать уровень статей, создавать постоянные рубрики. Читатели предлагают публиковать больше стихов и песен, предназначенных для обрядов и праздников — ведь работники корпусов по гражданским делам широко используют наши публикации.

В сотрудничестве с ЦК Социалистического союза молодежи Словакии редакция предприняла попытку сгруппировать вокруг «Новой цесты» молодых поэтов, чтобы ориентировать их на создание стихов, которых так не хватает при проведении гражданских обрядов и торжеств. Хотя задача эта очень непростая, мы верим, что нам удастся помочь сформироваться нескольким молодым поэтам. Безусловно, для этого потребуется помощь более опытных коллег, которые сотрудничают с «Новой цестой» с момента ее основания. Возможно, впоследствии нам удастся издавать раз в квартал репертуарное приложение к журналу, в котором широко будут представлены и молодые поэты.

В сравнительно короткий срок редакции удалось привлечь к постоянному сотрудничеству с журналом ряд партийных, политических и общественных деятелей, научных работников и преподавателей. Мы помещаем их беседы на актуальные темы формирования мировоззрения, политики в области культуры, морали, этики, воспитания человека в социалистическом обществе.

Формирование научного мировоззрения мы стремимся осуществлять без излишнего теоретизирования, обращаясь к чувствам, психике людей. Иногда мы публикуем и своего рода увлекательное чтение, раскрывающее тему взаимоотношений между людьми в различных жизненных ситуациях. Стараемся сделать это так, чтобы читатель глубже задумался над смыслом жизни, чтобы он научился оценивать мысли и дела человека с классовых позиций.

Мы также пытаемся облегчить решение личных, семейных проблем, пропагандируя средствами художественного слова нормы коммунистической морали и этики. Специфическими средствами, всем своим содержанием журнал стремится влиять на сознание читателя, его мысли и чувства. Метод подачи материала постепенно формирует профиль, лицо журнала, определяет его уровень, общественное назначение и характер.

Ежемесячник «Нова цеста» — единственный в своем роде журнал не только в Словакии, но и во всей ЧССР. Поэтому мы надеемся, что постепенно он найдет отклик и среди чешских читателей. В последнее время они уже проявили к нему интерес. Надо сказать, что этот фактор в некоторой степени определяет круг сотрудничающих с нами авторов. Все чаще нам удается привлекать чешских научных работников, деятелей культуры, просвещения и, естественно, самих членов корпусов по гражданским делам к сотрудничеству с нами.

После XVI съезда КПЧ мы хотим собрать наш актив и обсудить на нем проблемы мировоззренческого воспитания на произведениях литературы и искусства. Предполагаем, что эта дискуссия даст достаточно материала для интересной анкеты, которую мы могли бы помещать из номера в номер. К этому опросу мы намерены привлечь не только научных работников, журналистов, публицистов, но и деятелей литературы и искусства, наконец, самих читателей. Здоровое столкновение мнений, серьезная аргументация способствовали бы дальнейшему упрочению социалистического мировоззрения.

Безусловно, мы и впредь будем широко представлять читателям авторов, творчество которых помогает работе корпусов по гражданским делам, помещать рецензии и на такие произведения, которые своим содержанием и направленностью способствуют формированию человека социалистического общества. Будем публиковать и статьи по истории религий, продолжая регулярно информировать о деятельности корпусов по гражданским делам в отдельных областях, районах и городах. Особое внимание предстоит уделить активу этих корпусов, действующему на предприятиях и в сельскохозяйственных кооперативах.

В соответствии со своим перспективным планом редакция намерена наладить сотрудничество с радио и телевидением. Кроме того, вместе с заводскими клубами Революционного профсоюзного движения и Социалистическим союзом молодежи мы хотели бы организовать фестиваль поэзии и песенного творчества, используемых при проведении гражданских обрядов и праздников. Мы убеждены, что такие совместные мероприятия усилят воспитательную роль искусства, а наш журнал сможет оказывать еще большее влияние на трудящихся, особенно на молодежь. Ведь воздействие на нее — важная задача «Новой цесты», поэтому редакция ищет различные формы для ее осуществления.

Одним словом, цель ясна. Она состоит в том, чтобы постоянно повышать уровень журнала, расширять круг его авторов и читателей, чтобы и содержанием и формой «Нова цеста» оказывала все большее политико-воспитательное воздействие.

В торжественной обстановке

□ Новые традиции, новые обряды... Эти проблемы постоянно находятся в центре внимания корпусов по гражданским делам, вот уже более четверти века работающих в Словакии при национальных комитетах. Руководит ими Совет корпусов по гражданским делам при Министерстве культуры Словацкой Социалистической Республики.

Деятельность этих органов направлена на воспитание нового, социалистического человека, на приобщение его к общественной жизни, развитие в нем чувства гражданственности, формирование научного мировоззрения. В этой работе участвуют более 20 тысяч активистов.

В праздничной обстановке вручаются молодым родителям свидетельства о рождении ребенка. Из 99 325 детей, появившихся на свет в Словакии в 1977 году, например, сообщает издающийся там журнал «Нова цеста» («Новый путь»), 78 839 получили свое имя в торжественной обстановке от сотрудника корпуса по гражданским делам. Если в 1972 году этим новым обрядом были охвачены 42,3 процента новорожденных, то в 1977 году уже 81 процент.

В обрядовых залах корпуса собираются первоклассники, которых напутствуют убеленные сединами ветераны труда, здесь дают торжественную клятву вступающие в пионеры, здесь же вручают аттестаты зрелости, провожают в армию призывников.

В светлых нарядных помещениях ежегодно скрепляют брачный союз тысячи молодоженов. Из 44 668 браков, заключенных в Словакии в 1977 году, 25189 (56,4 процента) не сопровождались венчанием. На всю жизнь запомнятся молодоженам душевные, идущие от сердца слова приветствий и поздравлений представителей корпуса по гражданским делам.

Члены этого корпуса также организуют чествования юбиляров, ветеранов труда, проводы на заслуженный отдых. Торжественно проходят встречи с участниками борьбы с фашизмом, партийными активистами. Новые гражданские обряды привлекают все больше граждан.

В г. Есенске (Римавский район Среднесловацкой области), например, как писала орган ЦК Компартии Словакии газета «Правда» (19 сентября 1980 г.), в старинном, по-современному оформленном зале торжественно проводят вручение аттестатов зрелости, проводы в армию, встречи с лучшими производственниками. Здесь же отмечают юбилеи ветеранов труда. В Гемере особой популярностью пользуется обряд наречения имени новорожденным. Родители более 80 процентов маленьких граждан получают свидетельства о рождении в парадном зале национального комитета.

По-новому начинают теперь семейную жизнь молодожены. Звучат торжественные звуки органа, жениха и невесту приветствуют самодеятельные коллективы учащихся средних и музыкальных школ. Молодым вручают специальную медаль, в памятной книге остаются их подписи. Так вступили в брак в первом полугодии 1980 года 32 пары, причем 26 из них — без венчания в церкви.

Становятся традициями также торжественные клятвы старшеклассников быть верными идеям марксизма-ленинизма, хорошо учиться, честно трудиться на благо своего народа. Это делается в присутствии представителей общественности, учителей и родителей. Праздник завершается возложением цветов к памятнику воинам Советской Армии, павшим в боях за освобождение Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков.

Все это способствует формированию у подрастающего поколения марксистско-ленинского мировоззрения, воспитанию высокой идейности, сознательности, преданности делу социализма.

А. ФЕЛЬМАН

Торжественное вручение паспорта.

Жителю одного из пригородов Братиславы Мартину Бинчику исполнилось сто лет. Представитель корпуса по гражданским делам к общественность торжественно поздравили юбиляра. Фото из журнала «Нова цеста» («Новый путь», Братислава).

кому мешает ДАРВИН в АМЕРИКЕ

Ю. СЕНИН

Писатель Ирвинг Стоун, известный в мире своими беллетризированными биографиями (у нас переведены, в частности, его «Ван Гог» и «Моряк в седле» — о Джеке Лондоне), недавно опубликовал новую книгу «Происхождение». Она рассказывает о жизни Чарлза Дарвина. Отвечая на вопрос корреспондента «Интернэшнл геральд трибюн» о причинах, побудивших его написать этот роман, Ирвинг Стоун назвал одной из них стремление оградить от нападок и самого Дарвина, и его учение.

Неужели, могут спросить иные читатели, такое возможно в наши дни, в последней четверти просвещенного XX века, и где — в самой передовой в техническом отношении стране западного мира?

Оказывается, возможно. Чтобы понять это, надо хотя бы в основных чертах представить себе некоторые особенности нынешней обстановки в Соединенных Штатах, которые, по общему признанию, переживают серьезные экономические трудности, вызывающие в памяти великую депрессию 30-х годов, а также социальные катаклизмы и падение нравов. К тому же для США и прежде, даже в прошлом веке, всегда была характерна обстановка, при которой, как писал Маркс, «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия»[2].

Все это вместе взятое помогает понять происхождение волны так называемого «религиозного возрождения», которая охватила страну и нередко принимает форму уродливого фанатизма и мистицизма. Как грибы после дождя, вырастают секты самого разного толка. В конце 60-х годов, к примеру, некто Лавей основал церковь Сатаны и в последователях у него недостатка не было.

Подобно сорнякам, на американской почве произрастают всякого рода самозванные «исцелители» и «мессии». Читатели журнала, наверное, помнят печально известного калифорнийского «пророка» Джима Джонса. Со своими последователями он обосновался в Южной Америке, в джунглях Гайаны: именно там, в результате организованного им массового ритуального самоубийства погибли около тысячи человек[3].

Спрос на религиозную мистику особенно опасен, потому что распространяется, как лесной пожар, среди подрастающего поколения. Об этом, в частности, писал издающийся в Калифорнии журнал «Плейн трус» («Чистая правда») в статье «Новая мода. Мистицизм и оккультные верования». Она вызвала многочисленные отклики читателей. Мать 11-летнего сына из Вашингтона с тревогой писала о том, что ее ребенок недавно купил на устроенной в школе книжной ярмарке сборник «Привидения и еще раз привидения». Книга эта, оказывается, издана специально для детей от старших групп детских садов до шестого класса общеобразовательных

ПРОТИВ ДАРВИНИЗМА ПОД ФЛАГОМ... НАУКИ

И действительно, нападки эти не прекращаются многие годы. Когда лет 10 назад мне довелось побывать в Соединенных Штатах, я был немало изумлен, получив по почте довольно пространную листовку, где всерьез «доказывалось», будто теория Дарвина давно опровергнута. Мол, изучив поведение (?) атомов, «многие ученые убедились, что развитие происходило не эволюционным, а библейским путем». Теорию эволюции анонимный автор листовки объявлял «абсурдной»; когда-нибудь, по его словам, над ней «станут потешаться, как над утверждением, будто Мона Лиза на картине появилась из сгустка красок».

Журнал «Ньюсуик» имел все основания написать, что поход против дарвинизма, начисто опровергающего библейскую версию о сотворении мира шесть тысяч лет назад, «продолжается вот уже 120 лет». То есть с того самого дня, как Дарвин обнародовал свою теорию. И ведут этот поход, сменяя друг друга, те же религиозные ортодоксы — фундаменталисты[1], или так называемые «криэйшинисты» (от английского «криэйшн» — творение, то есть сторонники буквального толкования библейской легенды о сотворении мира богом; это слово можно перевести на русский язык как «сотворители»). И то, что ныне обскуранты атакуют Дарвина с позиций «науки», — лишнее доказательство их бессилия доказать недоказуемое; они хватаются за любую возможность, чтобы, как выразился журнал, «аргументировать священное писание».

Но почему все-таки именно в последнее десятилетие ортодоксы активизировали свои нападки? Дело в том, что дарвиновская теория эволюции не есть нечто застывшее и догматическое. Напротив, это живое, развивающееся учение. По мере прогресса науки оно пополняется новыми открытиями, подчас порождающими весьма острые споры среди ученых — антропологов, генетиков, биологов, палеонтологов. Споры эти, однако, касаются не существа эволюционного процесса, а его конкретных проявлений.

Ряд ученых, как выясняется, склонны думать, что новые виды не появляются из старых путем постепенного накапливания незначительных на первый взгляд количественных изменений (так называемая «микроэволюция»), а возникают за счет мутационных скачков или взрывов. Эту новую гипотезу, пишет «Ньюсуик», на недавнем международном симпозиуме в Чикаго окрестили «макроэволюцией», или теорией «прерываемых равновесий».

Однако, подчеркивает журнал, ученые пытаются лишь усовершенствовать теорию эволюции, а вовсе не отказаться от нее, как хотелось бы «сотворителям». К тому же и сами сторонники новой гипотезы не утверждают, что «скачки» в природе происходят мгновенно, как бы по чьей-то воле. Скорее всего, они проявляются при жизни нескольких поколений или даже в течение нескольких десятков тысяч лет. В любом случае ясно, что с библейским сотворением мира около шести тысяч лет назад эти научные выводы не имеют ничего общего.

«Новые теории, — пишет американский журнал, — призваны всего лишь объяснить, как протекал процесс эволюции, а вовсе не отвергают сам принцип эволюционного развития». В заключение в статье приводятся слова гарвардского профессора Стивена Дж. Гулда, одного из авторов гипотезы «прерываемых равновесий»: «Эволюция — это факт. Точно так же, как яблоки, падающие с дерева» (прозрачный намек на случай, который будто бы помог Ньютону сформулировать знакомый каждому школьнику закон всемирного тяготения).

Впрочем, «сотворителям» нет дела до фактов. Если последние не укладываются в прокрустово ложе их догматов, то они объявляют эти факты несуществующими. И настаивают на том, чтобы упоминание о них изъяли даже из... школьных учебников. Именно такая судьба угрожает в сегодняшней Америке теории великого Дарвина.

«СОТВОРИТЕЛИ» ЗА РАБОТОЙ

Как сообщает американская печать, похоже на то, что в государственных школах, не говоря уже о частных и конфессиональных, миллионы юных американцев в результате стараний «сотворителей» не будут в своих учебниках по биологии знакомиться с дарвиновской теорией естественного отбора и происхождения видов, а вместо этого начнут зубрить библейский «акт творения» или, в лучшем случае, то и другое.

[1] Более подробно о фундаменталистах см. в статье В. Никитина «По стопам Ку-клукс-клана». «Наука и религия», 1980, № 1.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1, стр. 397.

[3] См.: Л. Борисоглебский. Из мира хаижества — в небытие. «Наука и религия», 1979, № 5.

школ. В ответ на замечание одной из матерей, что незачем выставлять рассказы о домовых, ведьмах и леших на обозрение детей, школьный библиотекарь со вздохом заметил: «Но ведь большинство учащихся и их родители хотят именно такой литературы».

Да, для сегодняшней Америки это во многих случаях справедливо. Другое дело — почему. Здесь мы подходим, может быть, к самому главному: спрос на сверхъестественное не возникает сам собой. Он активно формируется. Выше уже говорилось об обстановке неустойчивости и неуверенности в стране. Но одного этого мало, чтобы сам собой наступил религиозный «бум». Его необходимо организовать по всем правилам американского шоу-бизнеса. И среди тех, кто этим занимается, уже известные нам «сотворители».

Я вспоминаю, какую бурную реакцию в свое время вызвало среди них решение федерального Верховного суда, запрещавшее штатам оказывать прямую финансовую поддержку частным и конфессиональным школам (они находятся под значительным церковным влиянием), где в общей сложности обучались примерно 11 процентов детей. Судьи сочли «чрезмерным» такое сращивание государства с церковью как противоречащее не только духу, но и букве первой поправки к американской конституции.

Верховный суд США, который никак не заподозришь во враждебном отношении к религии (несколько ранее он, например, санкционировал государственную помощь строительству церковных колледжей), тем не менее пришел к выводу, что «связанные церковным контролем и дисциплиной учителя этих школ, даже если они преподают светские предметы, не могут быть достаточно объективны в подходе к вопросам научного познания мира».

Но именно по этой причине «сотворители» и обрушились на решение судебных властей. Еще тогда адвокат Лео Пфеффер, тесно связанный с «Союзом американских гражданских свобод», предсказывал, что обскуранты и религиозные ортодоксы не сложат оружие, в особенности когда речь идет о школьном образовании. Пример тому — бойкот ими другого решения Верховного суда, принятого в 1954 году, — о десегрегации в американских школах.

К сожалению, американский адвокат, что называется, как в воду глядел. Обскуранты действительно не только не собираются складывать оружие, но и переходят в наступление. Его объектом опять-таки служат американские школы. Эта последовательность религиозных ортодоксов и их воинственность объясняются весьма просто: речь идет о борьбе за умы и души юных американцев.

ЭХО «ОБЕЗЬЯНЬЕГО ПРОЦЕССА»

Свое наступление на школы «сотворители» ведут с помощью печати, радио и телевидения. И, конечно же, у них немалые связи и влияние во многих ведущих американских издательствах. На школьников, в частности, рассчитаны и разного рода комиксы, выходящие огромными тиражами, где нарочито примитивно изложенной научной теории происхождения и развития живой природы противопоставляется занимательно пересказанный и ярко проиллюстрированный «акт божественного творения».

Вся эта «внеклассная работа» приносит свои плоды. С благословения религиозных обскурантов издательство «Харпер энд Роу» опубликовало, например, нашумевшую книгу «Христос похож на...» В ней собраны многочисленные интервью с детьми на тему о том, как они себе представляют Иисуса, призванные, по-видимому, продемонстрировать, что «устами младенцев глаголет истина». Один из опрошенных юных американцев, 10-летний Дэннис, совершенно серьезно ответил: «Христос? Он похож на Билли Грэхема».

Подобный ответ закономерен. Такие евангелистские проповедники, как этот «пулемет господа бога», с помощью большого бизнеса и средств массовой информации получили возможность войти буквально в каждый американский дом. Арендуя за баснословные деньги крытые залы и стадионы, они устраивают там так называемые «крестовые походы», обращая во время этих религиозных шоу в «истинную веру» тысячи «безбожников». Эти массовые действа рекламируются на всю страну.

Так стоит ли после этого удивляться подобным представлениям американских школьников, которые, в сущности, кощунственны для верующих!

Ныне, как отмечает с немалой долей тревоги пресса, «сотворители» в США перешли в открытое наступление на школьные программы. Особенно ярко это проявилось в ходе прошлогодней избирательной кампании. Осмелев, некоторые ортодоксы из евангелистских проповедников стали во всеуслышание требовать, чтобы в школах вместо дарвиновской теории преподавалась библейская легенда о сотворении мира.

Вот вкратце точка зрения, которую они пытаются навязать и общественному мнению страны, и официальным инстанциям, ведающим просвещением на всех уровнях. Во-первых, пора предусмотреть во всех государственных школах время для молитв. Во-вторых, дарвиновскую теорию пора повсеместно заменить в школьных учебниках библейской легендой, невзирая на то, что подобный шаг — даже формально! — противоречил бы принципу отделения церкви от государства, записанному в Билле о правах, в частности в первой поправке к конституции. По словам «сотворителей», эта поправка существует, дескать, не для того, чтобы «защищать людей и законы Соединенных Штатов от религиозных ценностей, а как раз для защиты этих ценностей от тирании государства». Вот так — ни больше, ни меньше.

Именно эта точка зрения все настойчивее звучит в рассуждениях одного из фундаменталистов, который все активнее выступает в роли признанного лидера «сотворителей», — Джерри Фэлуэлла. Этот баптистский пастор теперь создал собственную обскурантистскую религиозную организацию — «Морал маджорити» («Моральное большинство» — название, удивительно смахивающее на печальной памяти «Моральное перевооружение» Фрэнка Бухмана) и имеет неограниченную возможность излагать свои взгляды далеко за пределами родного города Линчберга (штат Вирджиния), где находится его баптистская церковь.

Дело в том, что этот лидер «новых христианских правых», по словам журнала «Ньюсуик», принадлежит к плеяде «телевизионных религиозных звезд»: его программу «Час старого Евангелия» еженедельно смотрят и слушают около 20 миллионов американцев, для которых он «интерпретирует политические события в духе морали фундаменталистов». Библейское учение, вещает он, надо проповедовать активно, ибо консервативным взглядам на бога, по его словам, грозит «светский гуманизм». Тех же, кто считает, что не следовало бы впутывать библейские легенды в мирские дела, линчбергский пастор подвергает моральному линчеванию, объявляя «плохими христианами».

«Сотворители» типа Фэлуэлла неизменно пользуются в США щедрой финансовой поддержкой, дабы они могли, как выразился тот же журнал, распространять «свой архиконсервативный образ морали» как можно шире — по почте, радио, телевидению, в газетах, брошюрах и книгах.

Эта-то поддержка и позволяет им действовать столь открыто и столь безнаказанно. Их стараниями Соединенные Штаты успешно движутся не вперед, а назад — к временам пресловутого «обезьяньего процесса», состоявшегося в июне 1925 года в городке Дейтоне (штат Теннесси).

Школьный учитель Джон Скопс предстал тогда перед судом присяжных за то, что осмелился преподавать своим ученикам дарвинизм. Кстати, обвинителем на этом позорном процессе выступил популярный в те дни оратор-фундаменталист, один из лидеров демократической партии Уильям Брайан, занимавший одно время даже пост государственного секретаря США (как видим, тогдашние «сотворители» тоже не чурались политики). Впрочем, нет нужды напоминать детали судилища в Дейтоне. Наверное, многие помнят шедший на наших экранах фильм «Пожнешь бурю» известного американского кинорежиссера Стэнли Крамера и прекрасную игру актеров — Спенсера Трэси в роли адвоката Драммонда, безуспешно пытавшегося снять вину со школьного учителя, и Фредерика Марча в роли обвинителя Мэтью Брэди, прототипом которого послужил Уильям Брайан.

Но фильм фильмом, а в реальной действительности религиозным ортодоксам удалось вынести обвинительный приговор не только Скопсу, но и дарвинизму в целом. Удивительно, но факт: с 1925 по 1963 год учение Дарвина оказалось под запретом во многих государственных американских школах, не говоря уже, разумеется, о частных и конфессиональных. Лишь в последние годы дарвинизм был «реабилитирован» и посему стал вновь упоминаться в школьных программах и учебниках.

Видимо, это обстоятельство и не дает покоя нынешним столпам «сотворителей», которые намерены покончить с подобным проявлением «свободомыслия» и тем самым вновь сделать школьников Соединенных Штатов жертвами «обезьяньего процесса». Ведь и возможностей влияния у сегодняшних обскурантов не меньше, а, пожалуй, даже больше, чем полвека с лишним назад.

Факты, приводимые американской прессой, свидетельствуют о том, что

на своем далеко не благородном поприще духовные наследники Уильяма Брайана действуют отнюдь не безуспешно. Так, они уже внесли в конгрессы 15 из 50 штатов страны законопроекты, предусматривающие замену краткого изложения учения Дарвина в школьных курсах библейской легендой о сотворении мира. Судя по тому, что именно фундаменталисты, как считают прогрессивные круги США, сумели сорвать принятие закона о женском равноправии, упомянутые реакционные антидарвиновские законопроекты имеют все шансы на успех. В штатах Висконсин и Миссури они уже обрели силу закона, предписывающего преподавание библейской легенды сотворения мира в курсе биологии.

Учение Дарвина атакуется и на общенациональном уровне. Издательства, выпускающие школьные учебники, под давлением «сотворителей» вынуждены вносить в них такие поправки, которые, по существу, лишают соответствующие разделы этих пособий всякой научной ценности.

О том, какой обскурантизм при этом протаскивается на их страницы, свидетельствует, например, заявление представителя известнейшего в Америке учебного издательства «Холт Райнхарт энд Уинстон» миссис Паулы Хэртц. «В угоду «сотворителям», — сказала она, — фраза «много миллионов лет назад динозавры населяли землю» редактируется нами следующим образом: «Некоторые ученые утверждают, что, возможно, динозавры жили много миллионов лет назад».

Но если нажиму «сотворителей» поддаются даже такие крупные издательства, то что уж говорить о более мелких, которые и подавно не могут устоять перед угрозой бойкота и финансовых затруднений. Вот и получается, что из учебников, будто по мановению волшебной палочки, исчезают слова, которые можно истолковать как подтверждение правильности дарвиновского взгляда на развитие живой природы, в том числе — и слово «происхождение».

А ведь это как раз то самое слово, которым, как уже говорилось, назвал свой новый роман писатель Ирвинг Стоун! Назвал, чтобы выступить против угрожающего положения, создавшегося в сегодняшней Америке и напоминающего, по свидетельству президента Национальной ассоциации преподавателей естественных наук Уэйна Мойера, «времена обезьяньих процессов».

Впрочем, хотелось бы верить, что такая оценка все-таки чересчур пессимистична. В самом деле, пересмотрела же католическая церковь сегодня свое отношение к «ереси» Галилея (правда, по прошествии 350 лет!)[4]. Так что, может быть, и американские «сотворители» в конце концов соблаговолят признать «ересь» Чарлза Дарвина?

[4] Подробнее об этом см. в статье И. Григулевича «Что обсуждали кардиналы». «Наука и религия». 1980. № 5.

Со всего света

ДЕФИЦИТНАЯ ПРОФЕССИЯ

Помощник настоятеля одного из приходов Рима преподобный Гуидо Кьяравелли буквально не знал, что ему делать: приход большой, а священников почти не осталось, да и те народ в основном престарелый, а молодежь церковь стороной обходит. Ведь сейчас за год во всей почти 4-миллионной итальянской столице прибавляется самое большее 2—3 новых служителя культа. Как тут быть? Думал-думал падре и надумал: если через газету можно подержанный автомобиль продать или, скажем, о пропаже собаки заявить, то почему бы не пригласить священника?

Так в одной из широко известных газет появилось следующее объявление: «Церковному приходу одного из римских пригородов требуется молодой человек, желающий посвятить свою жизнь служению церкви. По поводу условий см. Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 29. Справляться по такому-то адресу».

Отец Кьяравелли, очевидно, полагал, что от желающих отбоя не будет. Однако на столь заманчивое предложение пока никто не откликнулся. Был, правда, один ответ — но из Ватикана, где каноника осудили за слишком коммерческую постановку дела. Но падре не смутился. В Америке, говорит он, дело уже давно таким образом поставлено. Кстати, и в том месте из Евангелия, которое упомянуто в объявлении, так прямо и говорится: «И всякий, кто оставит домы... ради имени моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную». Так что перед «священным писанием» каноник все же чист.

«БОГОУГОДНАЯ» КРАЖА

Воры часто крадут что попало. Но, видимо, не все. Не расстроился, а даже обрадовался один приходский священник из Ливерпуля (Англия), когда ему сообщили, что из его квартиры украдено 50 молитвенников. «Уже сам факт, что воры выбрали такой почтенный объект, может только радовать», — заявил он полицейским, отказываясь от возбуждения уголовного дела.

ЧУР, САТАНА!

Около половины студентов таких крупных австралийских городов, как Сидней, Брисбэйн и Аделаида, принимают участие в «черных мессах» и других «сатанинских» обрядах, сообщили церковные власти Сиднея, которые проводили социологический опрос в колледжах пятого континента. Встревоженное духовенство требует запретить продажу оккультной и астрологической литературы, а также всех других изданий и принадлежностей, используемых при проведении «шабашей» и «сатанинских» церемоний.

НРАВЫ ЦЕРКОВНЫЕ

Духовные власти Северной Ютландии (Дания) уволили лютеранского пастора Томаса Йенсена. Церковные активисты пожаловались, что он часто бражничает в сельских кабачках, богохульствуя и оскорбляя членов приходского совета, которых называл «толпой надутых обезьян». Через полгода, однако, министерство религиозных культов восстановило Йенсена в должности.

Иностранный юмор

Взломщик два часа мучился со сложным замком, который никак не поддавался его отмычкам. Устав, он с досадой воскликнул:

— Что за люди! Так отравлять существование делового человека. А еще проповедуют «возлюби ближнего твоего»!

◆

Бывший адвокат, известный всему Лондону, стал епископом.

— Почему вы сменили профессию? — спросили его.

— Профессию? Что за глупости? Просто я сменил клиентуру...

Туристка, осматривавшая Эйфелеву башню, спросила у ее лифтера:

— Если лифт сломается, мы упадем вверх или вниз?

— А вы верующая?

— Да.

— Тогда все зависит от того, какую жизнь вы вели...

◆

Вольтера однажды спросили о его отношениях с богом и о том, не проявляет ли он к нему неуважения.

— К сожалению, многие уже давно заметили обратное. Богу я поклоняюсь много лет. Но ни разу он не ответил даже на мой самый вежливый поклон!

◆

На уроке истории:

— Итка, как назывался верховный бог у греков?

— Зевс.

— А его супруга?

— Пани Зевсова...

Каждый раз, когда священник во время проповеди упоминал дьявола, одна старая прихожанка начинала отбивать поклоны. Патер тогда спросил ее, в чем дело.

— По моему, — ответила старушка, — лучше не портить отношения ни с кем...

◆

Падре упрекнул одну из своих прихожанок, что ее супруг ушел из церкви как раз во время мессы.

— Да, отче, я тоже сожалею об этом. Но что делать, если у моего мужа укоренилась привычка прогуливаться во сне...

◆

В одном французском монастыре послушницы должны были написать сочинения на тему о религии, благородстве и эротике. Самое короткое из них уместилось всего в одной фразе: «Мой дорогой, — сказала настоятельница монастыря епископу, — уберите свою руку с моего колена».

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

И. ГАПОЧКА

Впервые в истории папства Ватикан намерен начать публикацию своего бюджета. Вряд ли, однако, это прольет свет на все, а тем более самые главные источники его доходов. Ведь, если верить сообщениям западной печати, это самое маленькое государство в мире вкладывает капиталы во многие крупные банки и, более того, занимается финансовыми сделками, разумеется через подставных лиц.

Что же побудило «святой престол» приоткрыть полог секретности, который всегда скрывал от посторонних глаз источники его денежного могущества! Для того чтобы понять этот вынужденный переход к обычной бюджетной гласности, давно уже практикуемой всеми другими государствами, совершим небольшой экскурс в сравнительно недавнее и совсем недавнее прошлое.

Один из корреспондентов Ассошиэйтед пресс как-то передал из Рима, что итальянцы раздражены тем, что в последнее время за рубежом создается «гротескный» образ Италии — страны скандалов и политической нестабильности, о которой распространяется слишком много неблагоприятной информации.

Думается, однако, что подобные ссылки на эмоции не могут заслонить царящие в стране экономический кризис, рост дороговизны, разгул терроризма, коррупции, финансовых спекуляций, деятельность мафии и многое другое. Простого итальянца, пожалуй, трудно удивить сегодня историей чьего-либо убийства, кражей или мошенничеством. Совсем другое дело, если в скандале замешано высшее католическое духовенство, которое всегда проповедовало невмешательство в мирские дела. Ватикан тоже всегда стремился замаскировать свою экономическую и финансовую деятельность призывами вернуться к бедной церкви времен раннего христианства.

Что касается Италии, с которой Ватикан, естественно, поддерживает самые тесные экономические и политические связи, то здесь такая финансовая деятельность юридически невозможна, поскольку свободное движение капиталов в этой стране ограничено. Поэтому католическая церковь тут постепенно свертывает свою финансовую империю, стараясь вкладывать капиталы в других странах, прежде всего в США, Канаде, Западной Германии — одним словом, там, откуда можно свободно вывозить прибыли. При этом в своих финансовых операциях Ватикан предпочитает действовать через третьих лиц, хорошо оплачивая их посредничество.

Последний крупный финансовый скандал, в котором были замешаны ватиканские учреждения и чиновники, связан с так называемым делом Микеле Синдоны. Этот 53-летний сицилийский адвокат создал на основе ватиканских капиталов целую банковскую империю. При его посредничестве «святой престол» скупал недвижимость и акции во многих странах, спекулировал на изменениях курса. Что касается Синдоны, то он получал четвертую часть таких доходов Ватикана в качестве комиссионных за регулярную информацию о выгодности той или иной сделки либо капиталовложения. Иностранные банки Синдоны проводили операции со всевозможными подставными компаниями, которые, как выяснилось позднее, принадлежали тому же Синдоне. Последний ворочал частными вкладами, пуская их на незаконные сделки, выдавая кредиты под фиктивные контракты, субсидировал несуществующие предприятия и фирмы.

Расследование по этому делу ведется уже седьмой год, и интерес к нему естественно стал угасать. Но не так давно новое событие неожиданно пролило свет на этот финансовый скандал с совершенно другой стороны: был убит миланский адвокат Джорджо Амброзоли, который в течение пяти лет скрупулезно собирал материалы о махинациях финансовой империи Синдоны. Несколькими днями позже та же участь постигла полицейского чиновника Бориса Джулиано. Он вел официальное расследование по делу о продаже наркотиков и неожиданно «вышел» на Синдону. Оба они — каждый своим путем — пришли к выводу, что и в той, и в другой афере были замешаны не только высокопоставленные лица, прикрывавшие мошенников, но и мафия. Итальянский журнал «Эуропео» писал по поводу аферы Синдоны, что «весь огромный мир международной финансовой мафии начинает грозно бушевать, и ее наемные убийцы заставляют молчать под дулами пистолетов недовольных или же слишком любопытных». Недаром члены специально созданной комиссии экспертов отказались от расследования деятельности банков Синдоны, получив угрожающие письма: с мафией шутки плохи.

Призывая духовенство и мирян вернуться к простоте и бедности времен первоначального христианства, католическая церковь через подставных лиц глубоко проникла в международный финансовый бизнес.

Рисунок автора.

Хотя в финансовых операциях Синдоны были замешаны дельцы из многих стран, однако особое внимание во всем этом расследовании привлекли связи между финансовыми кругами Ватикана и США и та роль, какую в этих контактах сыграл Синдона. В США больше, чем где бы то ни было, тесно переплелись интересы католической церкви и крупнейших монополий. Тем более что она здесь самая богатая из всех национальных католических церквей: только принадлежащая ей недвижимость по своей стоимости превосходит стоимость предприятий пяти крупнейших американских монополий. Кроме того, больше всего ежегодных пожертвований в кассу «святого престола», известных как «оболы святого Петра», в Ватикан поступает именно из США.

Своим возникновением современная финансовая империя папства, по существу, обязана фашистскому диктатору Муссолини, который, пойдя на подписание с Ватиканом в 1929 году Латеранских соглашений, выплатил в соответствии с ними «святому престолу» крупную по тогдашним временам сумму — 90 миллионов долларов. А апостольский делегат в США кардинал Ваньоцци (позднее президент префектуры по экономическим делам — своего рода министерства финансов Ватикана) наладил деловые контакты с американскими финансовыми кругами и вложил этот капитал, полученный от итальянского правительства, в акции и ценные бумаги крупнейших заокеанских компаний и банков, хотя и пытался это скрыть.

Глава чрезвычайной канцелярии папского престола банкир Бернардино Ногара тоже приложил массу стараний для того, чтобы превратить Ватикан в ведущий финансовый центр Запада. В своей деятельности он руководствовался принципом, что в денежных делах нельзя исходить из религиозных соображений.

На протяжении 25 лет Ногара выгодно перепродавал папское золото и ценные бумаги в Италии и за границей, в первую очередь в США и Швейцарии. При нем в этом центре международного католицизма прочно утвердился дух неприкрытого делячества.

Таким образом, махинации Синдоны не явились каким-то новшеством для Ватикана. Он был лишь одним из многих проводников финансовой политики «святого престола», так сказать его главным подставным лицом. Просто он продолжил в новых условиях миссию Бернардино Ногары.

В 1972 году Синдона открыл свой оффис в Нью-Йорке и сразу же стал усиленно вкладывать ватиканские капиталы в недвижимость и акции при посредничестве таких финансовых спрутов, как «Чейз Манхэттен бэнк», «Ферст нэшнл сити бэнк» и «Континентл Иллинойз бэнк». «Святой престол» имел свою долю в нескольких банках Синдоны и даже назначил ему в помощь специальную комиссию из 18 видней-

ших американских бизнесменов, в том числе вице-президента автомобильной компании Форда Джона Бургаса и издателя влиятельной газеты «Уолл-стрит джорнэл» Вермона С. Ройстера.

Однако после первых лет удачных спекуляций финансовая империя Синдоны потерпела крах, а ему самому было предъявлено обвинение в мошенничестве и злоупотреблениях. Но судебные исполнители тщетно ожидали явки в суд этого афериста: Синдона бесследно исчез из нью-йоркского отеля «Пиерре». Одновременно с этим миланская прокуратура выдала ордер на арест находившегося за границей и потому недосягаемого «таинственного Микеле». Причиной тому послужили мошеннические операции принадлежавшего ему миланского «Банка унионе», 10 процентов акций которого были собственностью Ватикана. В 1979 году лопнул еще один банк Синдоны — «Банка привата итальяна», причинив своим вкладчикам убытки на сумму 300 миллионов долларов. Тогда же стало известно, что католическая церковь владела значительным пакетом акций крупнейшей в мире строительной компании «Сочета дженерале иммобильяре», которая сооружала отели в США. Ватикан постарался быстрее сбыть их с рук опять-таки через того же Синдону.

В финансовых кругах утверждают, что его банкротство обошлось Ватикану в 250 миллиардов лир. Если таковы убытки, то можно себе представить, каковы же были прибыли! Финансовые аферы принесли Ватикану значительно больше того, что он потерял на крахе Синдоны. Католическая церковь не стала беднее даже от такого крупного банкротства.

На смену Синдоне пришли такие финансовые «гении», как, например, управляющий «Банка амброзиано» Роберто Кальви или глава ватиканского Института религиозных дел американский банкир Пол Марцинкус. И хотя последний был непосредственно замешан в деле Синдоны, он продолжает пользоваться полным доверием «святого престола» в денежных делах. А в случае нового банкротства, которого в Ватикане несомненно попытаются избежать, можно не сомневаться, что найдутся другие банкиры, которые не оставят в беде «наместников святого Петра».

Со всего света

ДОРОГОЙ ВИЗИТ

В результате опроса, проведенного институтом общественного мнения в Висбадене (ФРГ), выяснилось, что около половины ее населения считает церковь неспособной ответить на основные вопросы нашего времени. Опрос был приурочен к визиту на берега Рейна папы Иоанна-Павла II (15—19 ноября 1980 г.). Лишь каждый третий немец приветствовал это посещение, каждый десятый был против него, а большинство (57 процентов) заявили о том, что их это событие вовсе не интересует.

В ФРГ подсчитали, что обставленный с большой помпой визит римского понтифика обошелся налогоплательщикам в 20 миллионов марок. «Две трети опрошенных, — писал гамбургский еженедельник «Шпигель», — считает визит папы слишком дорогостоящим». Немцы прежде всего думают о деньгах, когда речь заходит о церкви, добавляет журнал, и «если ее глава совершает поездку, которая оплачивается за счет казны и немецких церковных касс, то это сразу же бередит больное место».

Не удивительно поэтому, что западные немцы встретили Иоанна-Павла II достаточно сдержанно. Тем более что попытка тамошних католиков начать диалог с протестантами не увенчалась успехом. К визиту отнеслись с прохладцей еще и потому, писала итальянская «Унита», что немецкое католическое духовенство активно поддерживало Ф.-Й. Штрауса в его предвыборной борьбе.

Круги ХДС/ХСС, связанные с католической церковью, были не особенно обеспокоены колоссальными затратами на этот визит. Они постарались использовать пятидневную поездку папы в своих интересах, рассчитывая, в частности, что запланированные встречи Иоанна-Павла II с польскими эмигрантами подхлестнут враждебную кампанию против народной Польши. Этого и не скрывали. Социал-демократические еженедельники «Форвертс» и «Байернкурир» открыто призывали римского первосвященника высказаться о «правах человека». Прямое обращение понтифика «ко всей немецкой нации» призвано было, по мнению этих изданий, воздействовать и на население соседних с ФРГ социалистических стран.

Что касается немецких правых клерикалов, то благодаря постоянной поддержке крупного капитала они готовы заплатить за любые антикоммунистические акции и более дорогую цену.

И. ЕВГЕНЬЕВ

НИЛ НА ПРОДАЖУ

В рамках так называемой «нормализации» египетско-израильских отношений президент Садат принял решение о предоставлении нильской воды в распоряжение Израиля. Разрабатывается проект ее подачи прямо в Иерусалим, провозглашенный, как известно, сионистскими властями «столицей» Израиля. По трубопроводу, проложенному под Суэцким каналом, вода из Нила будет поступать на Синай, затем транспортироваться в пустыню Негев и далее — в Иерусалим. Как сообщают, Египет уже приступил к осуществлению этого плана и президент лично присутствовал на церемонии начала прокладки трубопровода.

Решение Садата предоставить нильскую воду сионистскому государству вызвало резкое осуждение египетской общественности. Писатель и общественный деятель Камель Зухейри выпустил книгу «Нил в опасности!», в которой пишет, что эта акция будет национальной трагедией для Египта, его нынешнего и последующих поколений. Орган оппозиционной Социалистической партии труда газета «Аш-Шааб» предупреждает, что результатом претворения в жизнь этого плана явится дальнейшее усиление амбиций сионистов. Как ни парадоксально, отмечает газета, но получается, что мы сами способствуем осуществлению мечты сионистов о создании «Великого Израиля» — после того как Тель-Авиву не удалось добиться этого с помощью военной силы.

Газета «Аш-Шааб» пишет также, что египетские власти в одиночку неправомочны распоряжаться судьбой великой африканской реки. В нынешних условиях, пишет газета, любая из девяти африканских стран нильского бассейна может потребовать пересмотреть право Египта на воды Нила, которые он с такой легкостью готов предоставить расположенному на другом континенте агрессивному государству.

Народ Египта — и особенно составляющие большинство населения страны крестьяне-феллахи, жизнь которых тесно связана с Нилом, — с возмущением встретил проект, лицемерно названный властями «салям» — мир. Куда более уместным названием для этого плана, мрачно шутят в Египте, стало бы слово «истислям» — капитулянтство.

СРЕДСТВО ПРОТИВ НАСИЛИЯ!

Волна насилия захлестнула учебные заведения Израиля. Школьники жестоко избивают друг друга, терроризируют учителей, крушат мебель, уничтожают учебные пособия, устраивают поджоги и взрывы самодельных бомб. Во время занятий в школах несут дозор специальные родительские патрули, однако поддержать порядок им удается далеко не всегда.

Отчаявшиеся родители города Реховот решили призвать на помощь технику. В городе был объявлен сбор средств на покупку электронного устройства для оповещения о случаях хулиганства в школах. К собранному родителями миллиону израильских фунтов столько же добавили муниципалитет и министерство просвещения. И вот электронное «око» начало действовать. Оно следит теперь за обстановкой во всех учебных и воспитательных учреждениях города, в том числе в детских садах. Сигнал о каждом инциденте поступает диспетчеру, и он тут же высылает в «горячую точку» спасательную команду в составе сапера, полицейского и врача.

Сообщившая об этом газета «Джерузалем пост» радуется, что жителям Реховота отныне не нужно нести охранную службу в школах. Но электроника вряд ли справится с пороками воспитания и устранит причины роста насилия, все шире распространяющегося в израильском обществе.

С. МЕДВЕДКО

ЗАПРЕТНЫЕ ЛЕСА МАХАФАЛИ

Сергей КУЛИК

Одно из кладбищ на юге Мадагаскара с резными деревянными надгробиями — алуалу.

ТРУДНО ОПИСАТЬ и еще более трудно представить себе ландшафт юго-западного Мадагаскара — явно не земной, но, по-моему, совсем и не лунный, как он иногда рисуется некоторыми путешественниками.

Но все-таки попробуйте представить себе, будто литые и морщинистые, наподобие ног слона, кряжистые серые

Отрывок из рукописи С. Кулика «Когда духи отступают», которую готовит к публикации издательство «Мысль». Другие отрывки из нее см. в «Науке и религии», 1980, № 1—4.

стволы баобабов. Только учтите, что пропорции здесь настолько смещены, что слон под этим баобабом выглядел бы жалко: ведь его ствол достигает пяти-шести метров в поперечнике.

Увеличьте до размеров деревьев растущие у вас на окне кактусы и алоэ. Вообразите себе молочаи с иголками, достигающими в длину тридцати сантиметров, и гибкие дидиерии с когтистыми ветвями, на которых листья прячутся под колючками. Перенесите все эти фантастические растения на ослепительно-красный песок, будто пропитанный кровью жертв колючих чудовищ.

Посмотрите на восток, в глубь острова, куда по холмам уходит в бесконечные дали этот безжизненный ландшафт, и попытайтесь оживить его. Представьте себе блики лучей заходящего в алой пелене солнца, скользящие по извивающимся, словно змеи, веткам растений. Или дымящиеся песком желтые дюны, обдуваемые горячим ветром. Или...

А теперь поверните голову и зажмурьтесь — нет, не от солнца, а от удивления увиденным! Там, с запада, катит на баобабы и кактусы огромные волны голубой океан. Но они так и не доходят до иссушенной солнцем земли, а разбиваются о рифы.

Людей, которые населяют этот суровый край, называют махафали — «те-кто-делают-много-запретного». Чтобы выжить, махафали отбросили те фади[1],

[1] Фади — запреты, табу.

Многие алуалу дают представление о профессии покойного.

соблюдение которых могут себе позволить на Мадагаскаре только жители богатых тропических лесов и плодородных плато, и берутся за любое дело, если оно хоть немного облегчает их полуголодное существование. Сегодня они, пожалуй, единственные из мальгашей, кто отваживается беспокоить «обитель разана»[2], зарабатывая себе на жизнь под землей — на каменноугольных шахтах. 30—40 тысяч махафали ежегодно покидают родину предков и пешком уходят на север, где нанимаются носильщиками, грузчиками, поденщиками, на плантации. Теперь эти махафали, у которых в былые времена сложилась поговорка: «Лучше вонзить в себя острый нож, чем увидеть, как режут твоего любимого буйвола», — забивают скот на бойнях главного города мадагаскарского юга Тулеара и грузят его на суда. Как увидим ниже, они лишь в одном остались верны разана.

...К югу от Тулеара — единственного крупного города земли махафали — на подробной географической карте «Великого острова», как называют Мадагаскар сами мальгаши, появляются странные топографические знаки: черные квадратики, увенчанные рогами зебу. Они обозначают местоположение кладбищ махафали, расположенных в их священных лесах.

Казалось бы, чего легче: найти объект, точно обозначенный на карте. Однако добраться до кладбищ оказалось делом не из легких. Во-первых, потому, что встречавшиеся нам по дороге люди не желали выдавать место усыпальниц своих предков. Во-вторых, махафали верят, что разана имеют обыкновение по ночам покидать гробницы, и поэтому, чтобы они в неурочное время не навестили своих здравствующих родичей, сооружают кладбища подальше от деревень, а следовательно, и от дорог. В-третьих, даже если вы добрались до тех укромных уголков, где запрятаны кладбища, их все равно нелегко обнаружить. «Обитель предков должна находиться в уединенном тенистом месте, наводящем на соответствующие размышления», — считают коренные жители. Поэтому густые заросли самых зловредных растений скрывают могилы, ощетинившись против случайных посетителей своими шипами.

Наконец, все препятствия вроде бы преодолены. За изгородью саблевидных агав уже проглядывают силуэты могильников. Нещадно царапая машину о колючки, мы по узкой тропе делаем последние метры. «Стоп! Вход на кладбище посторонним строго воспрещен! — переводит мой мальгашский спутник студент Лиуна табличку, болтающуюся на проволоке поперек тропки. — Обращайтесь в правление фукунулуны»[3].

— Может быть, все-таки пройдем, — предлагаю я. — Вряд ли кто-нибудь заметит.

— Все зависит от того, почему закрыт вход, — возражает Лиуна. — Если это фади, то можно нарваться на неприятность. Махафали фанатичны и всегда вооружены...

Вскоре мы останавливаемся у припорошенной белой пылью хижины правления фукунулуны.

— Нет, никаких ритуальных запретов входить на кладбище нет, — выслушав Лиуну, говорит ее председатель. — Но в циранановские времена[4] сюда повадились американские туристы, которые так и норовили увезти с собой по надгробью. Чтобы уберечь оставшееся, мы пускаем теперь иностранцев в священный лес только под присмотром кого-нибудь из членов фукунулуны. Вас, конечно, можем пустить и одних. Но, если хотите, дадим в проводники евангелистского пастора Разанаки.

Такой экскурсовод по языческому кладбищу — это же, конечно, огромная удача. Мы благодарим за предложение, заезжаем за пастором — сухощавым, лет под пятьдесят мальгашом в строгом черном френче — и уже втроем отправляемся обратно.

— То кладбище, на которое мы попали, очень старое, — рассказывает он. — Здесь хоронили вождей окрестных родов махафали или, как их принято называть, «королей». Однако поскольку вот уже самое меньшее лет семьдесят мы живем без королей, то без труда можно понять, когда здесь происходило последнее захоронение. В общем, это было так давно, что все те, кто своими глазами видел пышные церемонии погребения вождей махафали, тоже покоятся на кладбищах.

— Но вы-то, наверное, знаете об этих церемониях?

— Я-то знаю, — удовлетворенно отвечает пастор. — Это были не похороны, как их понимают европейцы, а настоящие праздники. Со всех земель махафали и их соседей сюда съезжались лучшие танцоры, музыканты, певцы. Атлеты состязались в ловкости, воины — в метании копья, женщины — в искусстве приготовить вкусное кушанье и хорошо угостить им. Участники этих праздников как бы клялись усопшему вождю: мы будем продолжать твое дело, беречь традиции разана, умножать наш род. И не случайно поэтому каждые такие похороны заканчивались «ночью любви», в которой могли принять участие все те, кто съезжался на погребение. Ребенок, зачатый в такую ночь, считался особенно желанным. Он как бы олицетворял собой принцип, в который верят махафали: «Умерший человек призывает к жизни».

— А не объясняется ли то, что вот уже семьдесят лет на этом кладбище никого не хоронят, отказом махафали от религии предков, их переходом в христианство? — полюбопытствовал я.

— Нет, нисколько, — покачав головой, ответил пастор. — Если хотите, потом я покажу вам современные кладбища. И не только махафали, но и других здешних народностей — бара, везу. Там вы не увидите крестов, хотя наша миссия существует на этих землях с начала века.

— Вы объясняете это живучестью культа предков или пассивностью церкви?

— Исключительно силой разана, — не задумываясь, ответил пастор. — Видите ли, здесь, на юге, где действуют различные протестантские миссии, церковь не столько боролась с местными культами, сколько приспосабливалась к ним. Поэтому традиционные верования изменились тут скорее под влиянием экономических причин, распада общины, исчезновения вождей... Однако даже в центральных районах Мадагаскара, где действовала католическая церковь, поддерживавшая французскую колониальную администрацию и поэтому выступавшая против всего подлинно мальгашского, ей не удалось победить разана.

...Но нет, ошибся пастор, когда говорил, что на этом кладбище не увидишь крестов. Первое, что я заметил, когда, миновав заградительную табличку, мы наконец оказались среди могильников, были огромные крестообразные тени, которые отбрасывали на красную землю гигантские молочаи. И вообще не памятники над надгробьями, а сомкнувшийся над ними фантастический лес, так поразивший меня на побережье, на первых порах и здесь привлек мое внимание.

Махафали думают, что этот священный лес стережет могилы разана. На деле же получилось наоборот: могилы стерегли лес, потому что если везде и повсюду главный помощник скотовода и земледельца — огонь — безжалостно обрушивался на растительность, то здесь пожар щадил заросли уже несколько столетий. Сплошная стена колючек предохраняла покой предков даже от дуновения ветерка. Ни щебета птиц, ни трескотни цикад. В неподвижной атмосфере кладбища, где замерла даже сама природа, было что-то неестественное, настораживающее. Лишь безжизненные, почти лишенные зелени деревья, да сплошь усыпанные кроваво-красными цветами кроны сикомор, склоненные над землей...

Гнетущую тишину вдруг нарушил певучий голос Лиуны, полушепотом декламировавшего великого малагасийского поэта Рабеаривелу:

Произрастаешь ты из камней гробовых,
И, может быть, твой сон могильный —
Лишь кровь покойников, тех светочей живых,
В ком доблесть прежняя страны моей бессильной.
В лазурь возносишься, тенист и молчалив,
И темною листвой доносишь издалека
Покойников безмолвный к нам призыв,
Призыв не уступать злокозненностям рока...

И еще поразило меня это кладбище своим запустением. Ограды могил были повалены, памятники покосились, ритуальные площадки поросли травой...

— У живых остается все меньше времени думать о столь дальних предках, — как бы угадав мою мысль, говорит пастор. — Для махафали это уже не столько кладбище, сколько священное место, куда они зачастую боятся даже заходить. Для нас же с вами это — своего рода музей под открытым небом, который может рассказать очень многое о былых обычаях обитателей Юга.

— Мы с интересом выслушаем этот рассказ, отец, — церемонно раскланиваясь, попросил Лиуна.

— Рассказывают тут сами памятники, — ответил пастор. — К сожалению, уже невозможно найти ни одной могилы, которая сохранила бы свой первона-

---

[2] Разана — по-мальгашски духи предков, вера в существование которых составляет основу традиционной религии мальгашских племен, ведущих свое происхождение от переселенцев из Индонезии.

[3] Фукунулуна — традиционная мальгашская крестьянская община, ныне преобразуемая в кооперативы.

[4] Циранана — президент Малагасийской республики, занимавший, в 60-е годы проимпериалистические позиции.

чальный вид. Но если обойти кладбище вокруг, то без труда можно воссоздать его облик лет 70—80 назад. Каждый могильник представлял собой семейное захоронение. Это был квадрат со сторонами примерно в 10—12 метров, сплошь засыпанный осколками белого мрамора или кварца. В центре этого квадрата, чуть ниже уровня почвы, помещались гробницы, накрытые каменными плитами. Квадрат обкладывали рогами зебу, а среди осколков мрамора устанавливали многочисленные деревянные столбы, увенчанные резными фигурками — алуалу. Порой их было так много, что они напоминали непроходимый лес. Именно его в былые времена и называли священным лесом махафали...

А теперь давайте пройдем по кладбищу, — предложил пастор. — Вокруг большинства могил рога положены так, что их острие направлено к гробнице. Тем самым как бы создается преграда, препятствующая духам выйти наружу. Однако на этой могиле рога повернуты наоборот: так хоронили любимых матерей, дух которых всегда приветствовался в домах их детей. В таком случае рога зебу, повернутые наружу, предохраняют могилу от внешних злых сил.

— Как мне кажется, самое интересное на кладбище — алуалу, — заметил я.

— Да, бесспорно, — согласился пастор. — С одной стороны, это дивные произведения народного искусства, а с другой — так сказать, говорящие памятники, которые, выражаясь современным языком, дают исчерпывающую информацию о жизни погребенного. Но, к сожалению, здесь мало хорошо сохранившихся алуалу — с ними мы лучше познакомимся на новом кладбище. Разве что те две фигуры...

По посеревшим осколкам некогда белоснежного мрамора мы направляемся в дальний угол кладбища, где частокол алуалу сохранился в своем первозданном виде. Почти все столбы венчают фигурки зебу, символизирующие изобилие, или парочки птиц, скорее всего голубей, которые здесь считаются символом любви. Но что это? Среди такого однообразия — резные изображения людей в половину их натурального роста... Несколько смещены пропорции, нарочито подчеркнуты признаки пола. Но сколько выразительности, живости в этих на первый взгляд абстрактных деревянных изваяниях!

— Эти вырезанные в типичной для прошлого века манере фигуры совсем не обязательно отражают физический облик того, кто под ними покоится, — говорит пастор. — Скорее всего, они передают его внутренние качества и символизируют обстоятельства, при которых человека застигла смерть. Вот, к примеру, палец, поднесенный ко рту, — признак того, что человек погиб при печальных обстоятельствах. Эта женщина руками обхватила живот: она умерла при родах. А тот мужчина, воздевший кулаки к небу, явно ушел из мира сего из-за какой-то случайной болезни.

Наутро чуть свет мы пошли на новое кладбище. Солнце едва встало из-за зарослей, и его лучи, пробиваясь сквозь резьбу деревянных столбов алуалу, превращали их в фантастические кружева. Здесь было так же тихо и отрешенно, как и нв старом кладбище королей. Но сколько красок, поэзии и... жизни — да-да, жизни излучало это современное кладбище махафали! Больше всего оно напоминало ослепительно белую и потому радостную детскую площадку, где на изящных красноватых столбиках красовались занятные яркие игрушки: солдатики в зеленых мундирах, крестьяне в широкополых желтых шляпах, красные автомобили и синие паровозики. Были, правда, фигурки и позы, явно не для детского обозрения, но и они утверждали здесь торжество жизни над смертью.

— Что, не ожидали? — улыбаясь, спросил меня пастор. — Когда-то таким же «веселым» было и королевское кладбище. Его омрачило время...

Большая черно-желтая бабочка папилио, вспорхнув с могилы, уселась на плечо Лиуне. Другой бы, наверное, увидел в этом дурной знак, вообразив, будто она зовет его в мир иной. Однако мой студент, глазом не моргнув, поймал бабочку и преподнес ее пастору:

— Мы ждем продолжения рассказа, отец...

— Ну что же, начнем, пожалуй, с самих столбов. Через какой-нибудь часдругой, когда солнце совсем выйдет из-за леса, алуалу начнут отбрасывать на белый мрамор длинные узорчатые тени. Эти тени для махафали полны глубокого смысла, поскольку каждый ромб, треугольник или кружок, каждый элемент деревянных кружев алуалу — это не просто деталь украшения, а символ. Определенные чередования этих фигур и знаков, расшифровывающихся снизу вверх, так сказать «от земли к небу», повествуют о том, кто покоится под алуалу, сколько у него было детей, как он относился к соплеменникам. Осталось мало стариков, умеющих читать символы алуалу, заимствованные мальгашами еще от полинезийцев. Но в былые времена такое «чтение» было доступно всем, и, когда длинные тени резных столбов ложились на белые площадки могильников, махафали говорили: «Это солнце напоминает о том, кем были наши предки». Отсюда и произошло название алуалу — посредник. Посредник между миром живых и миром мертвых...

Теперь о резных фигурках, венчающих алуалу. И они подвержены течению времени, утратили свое древнее назначение — раскрывать внутренние качества покойника, но зато сделались более конкретными, передавая информацию о его роде деятельности. Порою это просто памятники, где яркая, обращающая на себя внимание зеленая гимнастерка солдата или синяя форма почтальона рассказывает о том, кто покоится под алуалу. Порою их венчают орудия труда — отбойный молоток или лопата-ангади. Там, где изображен паровоз, покоится скорее всего машинист или кочегар. Наконец, встречаются и фигурки, повествующие о каком-то ярком и значительном эпизоде в жизни усопшего. Смеющиеся люди у перевернутой пироги — это скорее всего спасшиеся от кораблекрушения. Ребенок, улыбающийся из иллюминатора самолета, — это возвращение из города долгожданного сына... Так что, как видите, никакой мистики, — заключил пастор. — Все очень жизненно на этом кладбище.

— Но отец почему-то умолчал о тех скабрезных фигурках, которые обычно и привлекают сюда туристов, — не без ехидства заметил Лиуна.

— Скабрезных? — с возмущением переспросил пастор. — Мой юный друг, даже я, посвятивший жизнь Христу, не осмелились бы их так назвать. Вы повторяете французских авторов, которые растрезвонили по всему свету, что кладбища племен Юга — это место, куда нельзя допускать белых дев. Этакие музеи порнографии, буйство эротики, запечатленной в дереве.

— Но эти фигуры?.. — попытался возразить Лиуна.

— Что эти фигуры? — перебил его пастор, в котором национальная гордость явно взяла верх над христианской благопристойностью. — Что эти фигуры?

Разгорячившийся пастор вытер пот со лба, посмотрел на часы и с неожиданным задором в голосе предложил:

— Давайте съездим на кладбище народности везу. Это километров сто отсюда. Махафали по сравнению с ними просто целомудренны...

На кладбищах я бывал и раньше. Но увиденное там настолько не совпадало с нашими представлениями о таких местах вообще и о надгробных памятниках в частности, что я воздержусь от их детального описания.

Те же, кто описывал их до меня, расходились во мнениях. Одни были категоричны и непреклонны: пошлость. Другие полагали, что, устанавливая подобные памятники на могилах некоторых своих соплеменников, живые мстили им за земные грехи, изображая их распутниками. Третьи, однако, утверждали, что большинство этих памятников были заказаны самими покойниками еще при жизни. Их создавали резчики из соседнего племени бара. Однако свои деревянные надгробия — а обычай ставить алуалу был завезен на Мадагаскар еще индонезийскими предками везу — эти мастера исполняли в манере племени бара, приплывшего на «Великий остров» из соседней Африки.

— Одним из первых в Европе правду о кладбищах везу, сакалава и махафали, изобилующих эротическими памятниками, поведал французский этнограф М. Арри, — сказал пастор, завидев на горизонте ограды захоронений везу. — Он правильно подметил: откровенно эротические изображения над могилами свидетельствуют не о развращенности мальгашей, а об их убежденности в торжестве жизни над смертью. А торжество это — в продолжении рода, берущего свое начало в любви.

Кладбище, на которое привез нас пастор, мало чем отличалось от ранее виденных на побережье. Те же серые от времени деревянные ограды, те же массивные, подточенные и изъеденные насекомыми фигуры на четырех углах в позах, вызывающих так много толков. Но теперь я знал: вырезая их из дерева, мастера народности бара запечатляли в дереве великий акт зарождения жизни.

Как и на древних кладбищах королей махафали, предки везу словно призывали своих потомков: «Любите во имя жизни!»

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

19 марта 1981 года после тяжелой болезни скончался директор Института научного атеизма Академии общественных наук при ЦК КПСС, член редколлегии журнала «Наука и религия», доктор философских наук, профессор КУРОЧКИН Павел Константинович. В расцвете творческих сил ушел из жизни верный сын Коммунистической партии, видный ученый-философ, вдумчивый исследователь и страстный пропагандист научного атеизма.

П. К. Курочкин родился 12 марта 1925 года. 18-летним юношей он ушел на фронт. В боях при прорыве блокады Ленинграда старший сержант Курочкин получил тяжелое ранение. За свой ратный подвиг он был награжден орденом Славы III степени.

Окончив после войны партийную школу и философский факультет Ленинградского университета, П. К. Курочкин работал редактором районной газеты, лектором Новгородского обкома КПСС, приподавателем Новгородского пединститута.

С 1959 года и до конца жизни вся деятельность П. К. Курочкина была связана с Академией общественных наук при ЦК КПСС, которую он окончил в 1962 году и работал на кафедре философии. С момента создания в 1964 году в системе Академии Института научного атеизма П. К. Курочкин в течение семи лет работал заместителем директора. В 1971—1977 годах он руководил кафедрой теории и методов идеологической работы, а затем возглавил Институт научного атеизма.

Крупный ученый, П. К. Курочкин был одним из ведущих специалистов в области научного атеизма. Исследовательскую деятельность он сочетал с большой общественной и пропагандистской работой, был членом Президиума Правления Всесоюзного общества «Знание», председателем научно-методического совета по пропаганде научного атеизма. Его заслуги перед Родиной отмечены двумя орденами и восемью медалями, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Память о Павле Константиновиче Курочкине навсегда сохранится в наших сердцах.

Новинки Литературы

«АТЕИСТИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ». Вып. 11. М., Политиздат, 1980, 95 стр. с илл., 200 000 экз., 1 руб.

В очередном выпуске этого хорошо известного читателям иллюстрированного научно-популярного издания выступают философы, историки, писатели, журналисты. Они рассказывают о новейших научных открытиях, подрывающих устои религиозного мировоззрения, об актуальных проблемах критики религии, об обычаях и верованиях народов далеких от нас стран.

М. В. Вагабов. ИСЛАМ И СЕМЬЯ. М., «Наука», 1980, 174 стр., 10 000 экз., 60 коп.

В книге раскрывается социально-правовая природа мусульманских семейно-брачных отношений, рассматриваются основные положения ислама о семье и семейном быте. На материале советских республик Средней Азии и Кавказа показаны формы проявления пережитков ислама в этой сфере и пути их преодоления.

Л. Н. Великович. ЧЕРНАЯ ГВАРДИЯ ВАТИКАНА. М., «Мысль», 1980, 231 стр., 127 000 экз., 90 коп.

Книга посвящена самой влиятельной организации католической церкви — ордену иезуитов. В современной идеологической борьбе он активно выступает на стороне реакционных сил, враждебно относится к прогрессивным движениям и идейным течениям. Автор — известный исследователь современного католицизма — на большом фактическом материале показывает роль иезуитов в идеологической и политической жизни ряда капиталистических стран.

А. Г. Маслова. ГУМАНИЗМ АТЕИЗМА. М., Политиздат, 1981, 64 стр., 100 000 экз., 15 коп.

Наши идеологические противники, стремясь опорочить научный атеизм, обвиняют его в том, что он якобы антигуманен по своему существу.

В брошюре показывается несостоятельность этих утверждений, раскрывается гуманистическая сущность марксистско-ленинского атеизма и атеистического движения в СССР, направленных против того, что мешает человеку обрести свое реальное счастье на земле.

Е. Парнов. БОГИ ЛОТОСА. М., Политиздат, 1980, 240 стр. с илл., 100 000 экз., 1 руб. 40 коп.

Читателям хорошо известны книги Еремея Парнова об истории и культуре стран Востока. В своей новой работе писатель обращается к восточным верованиям. Большой знаток Востока, он увлекательно, в форме путевых заметок, повествует о вековых обычаях, древнейших культах загадочного для многих поколений мира, срывает окутывавший его мистический покров, показывает земные истоки мистических представлений.

А. А. Шамаро. ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ КУЛЬТУРА: ЦЕРКОВНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 12), 1980, 64 стр., 45 720 экз., 11 коп.

На материале поэтического творчества (былин и пословиц) и синтетического искусства скоморохов автор раскрывает идейную основу и пафос народной культуры в Древней Руси, ее демократизм и гуманизм, свободомыслие и свободолюбие, открытое неприятие ею догматов и заповедей христианства, церковных установлений и проповедей, воссоздает картину многовековой вражды церкви к устному народному поэтическому творчеству, ожесточенной травли скоморошеского искусства.

Сдано в набор 17. 02. 81.
Формат издания 60×90/8
Подписано к печати 03. 04. 81
А 10360
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 8
Учетно-издательских листов — 12,73
Усл. кр. отт. — 9,75.
Тираж 430 000 экз.
Зак. 0829.
Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.
Ордена Ленина комбинат печати издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК

«Весной спешите на Восток!» — зовет поэт, и многие, наверное, спросят: «Почему на Восток? Весна везде прекрасна». Это так, но знающие говорят, что нигде столь сильно и живо не отзывается в душе пробуждение природы, как в Средней Азии... Может быть, дело в том, что здесь она расцветает вся сразу, ярко и нежно, что сильны ароматы первых цветов и молодой зелени, и распаханной земли, ждущей посева, что солнце горячит кровь, а ветер с гор освежает голову — и все происходящее в природе обещает вечную гармонию, рождает надежды и светлые чувства. Именно в эту прекрасную пору с давних времен встречали в Средней Азии Новый год, ибо здесь пользовались иранским солнечным календарем, который отсчитывал годы по дням весеннего равноденствия. Праздник всегда был красивым и радостным, под стать тому, что совершалось в природе. Но не только приход Нового года праздновали люди, это были и торжества в честь крестьянского труда: каждую весну начинался он снова, и лучшие свои надежды люди всегда связывали с благополучным ходом земледельческих работ, с хорошим урожаем. В ритуалах праздника отражались эти надежды и глубокое почитание труда на земле, которая считалась священной во все времена. Любовь и уважение к ней как самое большое духовное богатство передавали из поколения в поколение. Труд земледельца был не только добыванием хлеба насущного. В нем проявлялись талант народа, его творческие способности, духовная щедрость. И это тоже отражалось в содержании праздника, в его песнях и музыке, танцах, состязаниях на выносливость и смекалку, в почестях старшим и мудрым, в наградах сильнейшим и самым сообразительным.

Так же торжественно и празднично встречали весну и другие восточные народы, жившие по традиционному солнечному календарю. Назывался весенний праздник земледельцев новруз. Это ираноязычное слово можно перевести как «новый день», но для народов Востока оно обозначало прежде всего весенний праздник, начало нового земледельческого года.

Известно, что новруз — древний обычай, но неизвестно, когда он появился. Однако есть много свидетельств его существования задолго до нашей эры. Таджикско-персидский философ и поэт Омар Хайям в XI веке написал трактат о новрузе «Новрузнаме» и привел в нем древние сведения о том, как праздновался приход весны во времена персидского царя Кира, то есть в VI веке до нашей эры. По духу и большинству ритуалов это был тот же самый новруз, но и тогда он был уже традиционным.

История новруза непростая, прошел он и через трудные времена. За многие века менялись какие-то его ритуалы — что-то ушло, потеряв смысл, что-то новое украсило праздник. Но характер его сохранился — и сегодня выражается в нем любовь к земле-кормилице, по-прежнему он по сути своей связан с крестьянской жизнью и трудом, по-прежнему в нем выражается утверждение жизни земной. Поэтому и пережил он века и дожил до наших дней, оставшись любимым народным трудовым праздником.

Так же как и в стародавние времена, достархан новруза полон дарами природы, плодами крестьянского труда. Здесь и виноградное вино, воспетое Хайямом. По-прежнему много на празднике песен, танцев, музыки, стихов. Как и раньше, в день новруза кружатся в танце девушки под цветущими деревьями, скачут джигиты, показывая удаль, соревнуются в ловкости и силе. И сегодня непременный атрибут новруза — блюдо с нежнозелеными ростками пшеницы или ячменя — символ будущего урожая. Как и всегда, воздаются почести старейшим и самым умелым земледельцам. Пожалуй, здесь наиболее заметны новые черты, появившиеся в советское время. И прежде в почете были те, кто хорошо трудился, но сегодня в республиках Советского Востока те, кто трудится, — хозяева жизни, уверенные в своем будущем, они в центре праздника и им уважение не только от земляков, но и от всех народов страны. Более радостным стал новруз—свободный труд людей для себя, для своих детей сделал надежды и чаяния осуществимыми, реальными. Ярче и наряднее стал новруз — сияют шелка девичьих платьев, многокрасочны, как весенние цветы, национальные костюмы, не скрывает чадра женских улыбок. Многолюднее и звонче стал новруз — уверенно вливаются в общий хор праздника девичьи голоса, смеются и поют дети, радуясь подаркам. Царит атмосфера доброжелательности и внимания друг к другу, нет забытых, обойденных, у каждого на груди красный мак или другой весенний цветок. Острословы — аскаячи веселят людей, награда им — взрывы смеха, а когда люди так смеются над пороками, значит, крепко их духовное здоровье...

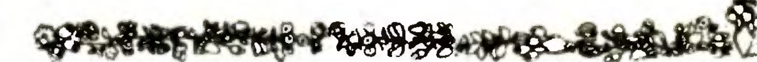
Странно, но есть и сегодня противники новруза. Они говорят: «Разве этот праздник не связан с религией, с исламом? Разве можно его так пропагандировать? Обряды его в прошлом сопровождались мусульманскими молитвами, чтением Корана, да и сегодня для многих он остается мусульманским праздником». Приводят, а иногда даже пишут еще такой аргумент: мол, новруз — это мусульманский новый год, и приветствовать его празднование никак нельзя.

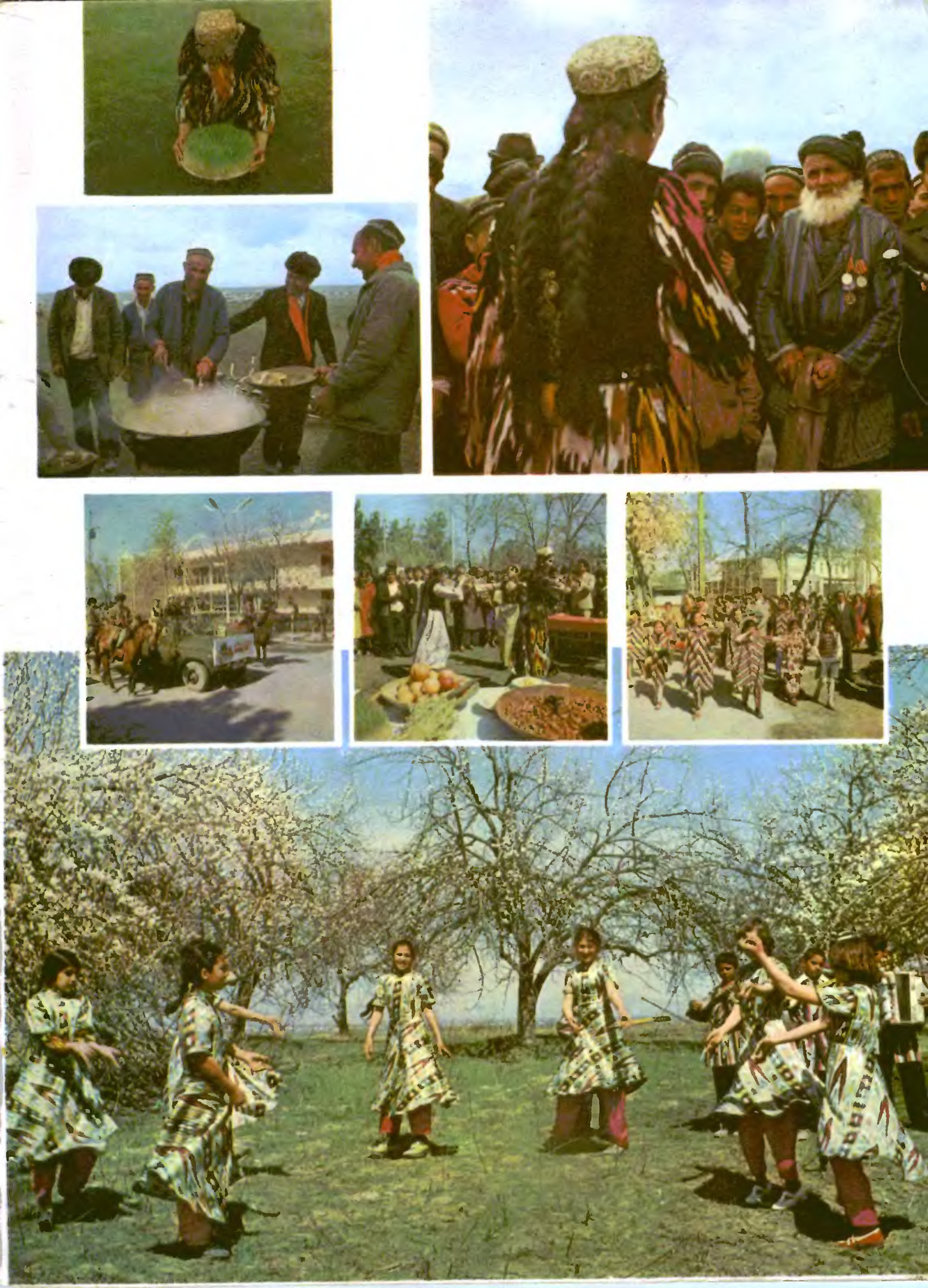
Им возражает сама история новруза. Праздник старше ислама, и сегодня он живет в народе, сохраняя его лучшие традиции. А вот трудные времена новруза как раз и связаны с исламом.

Веселый праздник со множеством откровенно немусульманских ритуалов всем своим духом явно противоречил исламу. Мусульманские идеологи пытались избавиться от новруза, отменить его. Но как отменить то, что прочно вошло в духовную жизнь народа? И тогда они попытались изменить характер новруза: включили в него чтение молитв, запретили вино на достархане и другие немусульманские символы, потребовали веселье ввести в определенные рамки. Но даже официально включенный в русло ислама, новруз остался трудовым земледельческим праздником. Народы Средней Азии, Ирана, Азербайджана продолжали праздновать его так, как это повелось у их предков задолго до ислама. Да, молитвы были, но они не изменили его сути. В новрузе люди чувствовали себя свободно, становились активными и непокорными, радовались жизни земной, совсем не в духе ислама — мусульманские праздники не знают безудержного веселья, мало в них радостного, живого. Новруз остался народным, а религиозным не сделался. Это засвидетельствовал в своем трактате Омар Хайям, это отметил в «Памятниках минувших поколений» Абу Рейхан Бируни. Писали о нем как о народном празднике Рудаки, Фирдоуси, Ибн Сина и другие мудрецы и поэты Востока. Мусульманские обряды придали ему религиозную окраску, но остались в нем включениями инородными. (То же произошло, например, с татарским сабантуем. Любимый национальный праздник не умещался в рамках шариата, и муллам приходилось освящать его молитвами, сам же праздник оставался таким, каким сложился в доисламские времена.)

И уж никак не может быть новруз началом мусульманского нового года. Это празник весенний, связанный с весенним равноденствием, он отмечал приход весны. А мусульманский новый год наступает по лунному календарю каждый раз на 11 дней раньше, чем предыдущий, может быть и осенью, и зимой, и летом, и весной (в 1980 году, он, например, начался 9 ноября). Сам мусульманский лунный календарь не позволяет назвать новруз мусульманским новым годом. Кстати, народы Средней Азии всегда — и во все времена господства ислама — жили и трудились по своему, солнечному календарю, удобному для земледельцев, с этим приходилось считаться и мусульманским правителям, собиравшим подати не в установленный шариатом месяц, а после сбора урожая.

Живет новруз — праздник весны, торжество земледельцев. По-прежнему это самый любимый трудовой праздник в Средней Азии, Азербайджане, у многих народов Северного Кавказа. В наше время он освободился от религиозных включений и стал ярче, эмоциональнее, радостнее, чем прежде. Это и естественно — он впитал в себя, как и любой народный праздник, все новое, лучшее, что вошло в жизнь тружеников нашей страны. Новруз делает весну на Востоке еще прекраснее, ибо, как ни великолепна природа в пору ее самого яркого и нежного цветения, без людей она не приносит полной радости.

33-13

Цена 30 коп.
70602

В следующем номере

1 ИЮНЯ — ДЕНЬ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ

КАК ВОСПИТЫВАТЬ

с самого раннего детства, чтобы вырос настоящий Человек? О культуре материнства и отцовства, о трудностях и радостях духовного роста маленького человечка рассуждает писатель Юрий Рюриков.

О ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

пропагандистов научного атеизма в различных районах страны, об опыте мировоззренческого воспитания молодежи, студентов, рабочих рассказывается в ряде корреспонденций и заметок.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ДРЕВНЕГО МЕТОДА

Что такое иглоукалывание? Интервью дают директор Центрального научно-исследовательского института рефлексотерапии доктор медицинских наук, профессор Р. А. Дуринян, научные сотрудники института и лечащие врачи.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

Ответы на вопросы и читательские письма.

РЯДОМ С ЛАВРОЙ

В старинном Сергиевом Посаде, рядом с известным монастырем, что на горе Маковец, буквально на соседнем холме, воспитывалось и зрело свободомыслие. Об этом очерк И. Очерета.

БЫЛ ЛИ БОГ ПРАВЫМ?

О том, как крайне правые, экстремистски настроенные деятели евангелистско-фундаменталистской церкви США используют религию в политических целях, говорится в статье журналиста В. Войны.